

AVE
БФ Риты Колобовой

ЗОЛОТАЯ НИКА

ПЕРИОДИЧЕСКИЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
АЛЬМАНАХ

Основан в декабре 2009 года

№ 2

Одесса
«Астропринт»
2011

ББК 84(4Ук=Р)7-4/5
З-80

Главный редактор

Рита Колобова

Тел.: (048) 722-90-97
(097) 244-74-04
(050) 392-71-90

Ответственный редактор

Ольга Лесовикова

Редакционный совет:

Евгений Женин

Евгений Голубовский

Антон Михайлевский

Игорь Потоцкий

Виктор Мамонтов

Корректор

Наталья Потеряйко

e-mail: goldnika2009@yandex.ru

www.ave.odessa.ua

*Редакция
благодарит
всех сотрудников
«Астропринт»
за проделанную
трудоемкую работу
по комплектованию
и верстке
номера журнала,
а также
всех авторов,
принявших
личное участие
и оказавших помощь
в его издании.*

*Отдельная благодарность
«Фотостудии семьи
Русских»*

З-80   **Золотая Ника** : периодический литературно-художественный и публицистический альманах / ред. совет : Р. Колобова (гл. ред.), Е. Женин [и др.]. — Одесса : Астропринт, 2011. — № 2. — 132 с.

ISBN 978-966-190-319-6

В этом издании, выходящем по итогам года, будут встречи читателей Украины, России, Беларуси, Молдовы, Польши, Англии, Германии, Америки, США, Канады, Израиля и Франции с гостями альманаха, с авторами, творчество которых было отмечено организаторами конкурсов, компетентным жюри и зрителями литературно-культурных мероприятий, проводимых как нами, так и при нашей поддержке.

Для широкого круга читателей.

ББК 84(4Ук=Р)7-4/5

ISBN 978-966-190-319-6

© Колобова Р., составление,
авторский текст, дизайн
обложки, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора	5

ПРИЗЕРЫ БФ АВЕ И ПОБЕДИТЕЛИ КОНКУРСОВ

I МЕЖДУНАРОДНЫЙ ГРИНОВСКИЙ ФЕСТИВАЛЬ «АЛЫЕ ПАРУСА»

Ассоль	8
ГРИНландия	9
Из истории бутылочной почты	10
КОСТЮКОВ Леонид	12
СТОЛИЦИН Николай	28
КАРАКОВСКИЙ Алексей	32
ШАМАНОВ Сергей	36
ЧЕРНОВ Александр	40
ПОТОЦКИЙ Игорь	44
ГОЛУБОВСКИЙ Евгений	47
АЙДИНЯН Станислав	51
ГЛАВАЦКИЙ Сергей	52
КРАСНОЯРОВА Евгения	53
БИЛЬЧЕНКО Евгения	54
ЛЕОНТЬЕВ Александр	55
ТОРХОВ Алексей	57

ЦВЕТАЕВСКАЯ ОСЕНЬ

ЦВЕТАЕВА Марина	58
ПОТОЦКИЙ Игорь	59
МУРАТОВ Наиль	60
ЛЕСОВИКОВА Ольга	62
КОРНЕТОВА Ирина	63
ГОЛУБЕНКО Евгений	64
ЯРОВЕНКО Анатолий	65
АЛЕКСАНДРОВА (БРАЖИНЕНКО) Ксения	66
НОВОКРЕЩЕНОВА Людмила	67
СТАРКО Анна	68
МАРГАРЯН Эдуард	69

КОНКУРС ОДНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ (памяти Риммы Казаковой)

Интервью с Ритой КОЛОБОВОЙ	71
Интервью с Павлом МАЦКЕВИЧЕМ	75
ГРУШКО Павел	80
КОРНЕТОВА Ирина	83
ЯРОВЕНКО Анатолий	84
КАСЬЯН Елена	85
МАРИНА Анастасия	86
НАЗРУК Владимир	87
ГВОЗДЕВА Юлия	88
ЧУМАЧЕНКО Татьяна	89

ТУРНИР ПОЭТОВ

МАСАНОВЕЦ Виталий	90
КУРКИН Сергей	91

ПОЧЕТНЫЕ ГОСТИ АЛЬМАНАХА

МАМОНТОВ Виктор	92
ВЛАДИМИРОВА Людмила	100
ПЕТРЕНКО Елена	111
ВАЙНБЛАТ Семен	114
ЖЕНИН Евгений	117
РАБОТИН Юрий	128
БУНЧИК Юрий	130

От редактора

Дорогие друзья!

Поздравляю вас и всех авторов альманаха «Золотая Ника» с выходом второго номера. Казалось бы, обычное дело: первый, второй, третий — насколько хватит энергии, но...

Невероятно сложно было взяться за перо и начать писать эту вступительную заметку, или обращение, или, скорее всего, комментарий к тем золотым страницам, что принесут вам столько интересного и радостного! А может, вообще не стоило что-либо комментировать... Сомнения были. И все же я решилась. Иначе бы не уважала себя за малодушие.

«О чем это, — думаете вы, — такая странная тирада?» Объяснение впереди. Не зря говорят, что взять высоту не сложнее, чем ее удержать. Убедил меня в этом 2010 год, главным событием которого стал мой новый международный проект, вместивший в себя более семи фестивалей, — это был Первый Международный Гринковский фестиваль «Алые паруса». Задуманный как ежегодный, он стартовал в августе 2010 года в Одессе в честь 130-летия со дня рождения великого русского писателя, романтика моря Александра Грина.

Только молодежная программа фестиваля (эссе, детский рисунок, фото, песочная скульптура, игры «Кладоискатель», «ГРИНландия» и др.) охватила 1 200 человек! В литературном подразделе фестиваля приняли участие писатели и поэты из нескольких стран. Ярko и празднично прошли и конкурс короткометражных фильмов, и Кинокросс, и юношеская парусная регата, и танцевальная феерия «Бегущая по волнам», и хит-парад. Широкой панорамой была развернута и Выставка искусств, где были представлены лучшие работы фотографов, художников, скульпторов, мастеров декоративно-прикладного искусства и т. д. По итогам гринковского фестиваля я планировала спецвыпуск «Золотой Ники», где была бы отражена вся красота этого праздника Романтики. Однако энтузиазм, позволивший стольким людям претворить Мечту в реальность, не уберек меня от моральной нечистоплотности координатора Выставки искусств, что лишило всех ее участников своевременного получения каталогов, а меня как организатора — выхода спецвыпуска «Золотой Ники». Мало того, присвоение тех средств, что предусматривали организационные расходы, повлекло к возникновению долгов и в результате поставило под угрозу выпуск этого номера (к счастью, нашлись друзья-единомышленники, благодаря которым мы все же смогли с вами встретиться снова).

Малая (по словам юристов) доказательная база помогла избежать ответственности по закону и другой особе, «режиссеру программы фестиваля», сумевшей собрать под мой проект средства со многих спонсоров, о которых

Рита Колобова —
Организатор поэтических
турниров, международных
проектов («Конкурс
одного стихотворения»,
«Цветаяевская осень»,
«Международный
Гринковский фестиваль
«Алые паруса»)

Глава БФ AVE

Учредитель альманаха
«Золотая Ника» и
Приложения к альманаху
Член Международной
ассоциации писателей и
публицистов, Союза писа-
телей Северной Америки,
Национального союза
журналистов Украины

Награждена почетным
знаком «Золотой платан»
(Украина), Медалью
Михаила Шолохова
и Золотой Есенинской
медалью (Россия)

«Женщина Года»
(в номинации СМИ 2010)

Управляющая департа-
ментом по культурным и
международным связям
Причерноморской
академии языковых
технологий...

мы (команда энтузиастов, собственными усилиями поднявших фестиваль) даже не догадывались и узнали после окончания фестиваля «Алые паруса». У меня была глубочайшая депрессия от такого вероломства, ведь я подчеркивала во всех интервью уникальность и ценность того, что этот проект воплощали в жизнь — без спонсоров! — благородные романтики, бескорыстные которых помогло сотворить такой праздник Мечты...

Позвольте еще раз напомнить их имена: Николай Павлюк, Николай Маковецкий, Николай Скорик, Михаил Миюсов, Леонид Костюков, Юрий Работин, Юрий Вечь, Сергей Сюрко, Сергей Кивалов, Эдуард Лебединский, Жорж Казанов, Руслан Борилло, Игорь Потоцкий, Игорь Русских, Александр Перуцкий, Александр Таран, Александр Медвецкий, Евгений Женин, Вячеслав Слисарчук, Ольга Лесовикова, Людмила Мороховская, Наталья Соболева и многие другие, о ком вы сможете узнать из фильма о Первом Международном Гриновском фестивале «Алые паруса» на нашем сайте ave.odessa.ua.

Трудности, как известно, делают нас сильнее. Выводы сделаны. Позади — работа над ошибками. Мы идем вперед, к новым горизонтам. Впереди — грандиозные планы. Больше внимания будет уделено детским и молодежным программам, ведь фраза: «Дети — наше будущее» — не пустой девиз, а истина. Спешу порадовать любителей литературы: 21 марта 2011 года (Всемирный день поэзии) мной учреждена Международная премия им. Анны Ахматовой, в честь этого знаменательного события объявляется еще один международный проект благотворительного фонда AVE — «Праздник лирической поэзии». На фоне учреждения в 2011 году Международной Гриновской премии это может показаться перебором, излишеством, но я уверена, что «лишнего» праздника — поэзии ли, искусств ли — не бывает.

Кстати, с идеей ахматовской премии ко мне обратился такой известный поэт, как Игорь Потоцкий. Хочу отметить и то, что над каждым международным проектом работает жюри профессионалов, это обеспечивает выход в финал только достойных внимания произведений.

В дальнейшем намечено сотрудничество с галереями искусств (в 2011 году нашими гостями станут галереи из Германии и Америки), ждем новаторов театрально-сценического искусства из России. И не было бы такой консолидации творческих сил, если бы творческие люди не хотели такого сотрудничества. Мы стремимся к укреплению межгосударственных отношений миротворческим путем плодотворного общения, содружества и благотворительности с целью оказания поддержки одаренным людям искусства и литературы, к выявлению молодых дарований и возрождению высоких духовных ценностей в современном мире, без чего немислим и сам прогресс.

*С искренней симпатией и уважением,
Рита Колобова*

I МЕЖДУНАРОДНЫЙ ГРИНОВСКИЙ ФЕСТИВАЛЬ «АЛЫЕ ПАРУСА»

Александр Грин:

«Я люблю книги, люблю держать их в руках, пробегая заглавия, которые звучат как голос за таинственным входом или наивно открывают содержание текста».

«Потребность необычайного — может быть, самая сильная после сна, голода и любви».

«Я понял одну нехитрую истину. Она в том, чтобы делать чудеса своими руками».

Мечта разыскивает путь, —
Закрыты все пути;
Мечта разыскивает путь, —
Намечены пути;
Мечта разыскивает путь, —
Открыты все пути.

* * *

Позвольте вам сказать, сказать,
Позвольте рассказать,
Как в бурю паруса вязать,
Как паруса вязать.
Позвольте вас на салинг взять,
Ах, вас на салинг взять.
И в руки мокрый шкот вам дать,
Вам шкотик мокрый дать...

Из рассказа «Капитан Дюк»

Рано или поздно, под старость или в расцвете лет, Несбывшееся зовет нас, и мы оглядываемся, стараясь понять, откуда прилетел зов. Тогда, очнувшись среди своего мира, тягостно спохватясь и дорожа каждым днем, всматриваемся мы в жизнь, всем существом стараясь разглядеть, не начинается ли сбываться Несбывшееся? Не ясен ли его образ? Не нужно ли теперь только протянуть руку, чтобы схватить и удержать его слабо мелькающие черты? Между тем время проходит, и мы плывем мимо высоких, туманных берегов Несбывшегося, толкая о делах дня.

«Бегущая по волнам»

Ассоль

Вот образ Ассоль Грина:

«Ее темные густые волосы, забранные в кружевную косынку, сбились, касаясь плеч. Каждая черта Ассоль была выразительно легка и чиста, как полет ласточки. Темные, с оттенком грустного вопроса глаза казались несколько старше лица; его неправильный мягкий овал был оваян такого рода прелестным загаром, какой присущ здоровой белизне кожи. Полуоткрытый маленький рот блестел кроткой улыбкой».

*Клара Меламед,
Первая «Ассоль»
I Международного Гриневского
фестиваля «Алые паруса»*

Такой видел свою Ассоль
Савва Бродский.

Ассоль Нади Рушевой.

Не по-детски серьезным
взглядом больших глаз
нас встречает Ассоль
Юрия Масыгина.

Ассоль. А. Хрящевский.

Трогательный образ
Ассоль, созданный
Анастасией Вертинской,
открывается нам
в фильме Александра
Птушко «Алые паруса».

Образ Ассоль волнует и сейчас, воображение открывает читателю произведения новые грани, и каждый обретает свою Ассоль. Мы с удовольствием предлагаем вам посмотреть на образы современных Ассоль — участниц фестиваля — на цветном вкладыше нашего альманаха.

На Одесском морском вокзале, ожидая прибытия яхты под алыми парусами, собрались современные девушки, претендентки на образ Ассоль! Их имена войдут в историю Первого Международного Гриневского фестиваля: Хмарская Евгения, Шевчук Ирина, Гаценко Каролина, Слободянюк Анастасия, Милютина Ольга, Жукова Элона, Гурковская Алена, Алексеева Мария, Бондарева Ольга, Русских Дарина, Стрелебицкая Алла, Снегур Зорьяна, Пыжик Екатерина, Егорова Кристина, Свереденко Екатерина, Невирко Екатерина, Сабитова Анастасия, Романская Ирина, Атаманчук Ольга, Грезлюк Мария, Карал Юлия, Казанцева Анна, Казимир Александра, Саффури Екатерина, Соловей Татьяна, Любинецкая Елена, Канивец Алина, Петренко Александра, Носова Марина, Коломиец Диана, Пилепенко Анастасия, Василец Виктория, Соколовская Маргарита, Колубенова Татьяна, Иващенко Марина, Стругарь Таисия, Выхрыстюк Надя, Гудыля Анна.

Окрыленные мечтами современных Ассоль, алые шары поднялись высоко в небо и унеслись в заоблачные дали искать желанное. Пусть случаются чудеса! Пусть встречаются любимые! Мы желаем каждой девушке встретить своего Грея!

ГРИНландия

*Когда дни начинают пылиться и краски блекнуть,
я беру Грина. Я раскрываю его на любой странице.
Так весной протирают окна в доме. Все становится светлым,
ярким, все снова таинственно волнует, как в детстве.*

Д. Гранин

ГРИНландия — это параллельный мир, в который я перехожу сквозь портал книги; это мир, в котором все очень похоже на нашу жизнь, но с маленькой поправкой на чудо. Возвращаясь, я беру с собой все то чудесное, что нашла в этой стране, и обычные будни становятся необычными. И я уже с легкостью Бегущей по волнам, и с верой, присущей Ассоль, иду к несбывшемуся. Оно ждет меня и зовет в жажде осуществиться. Чудеса нужно делать своими руками, и я начинаю творить, это приближает меня к Творцу. И пусть мои работы еще далеки от совершенства, но с каждой новой картиной, с каждой новой строчкой, с каждой новой куклой я становлюсь ближе к мастерству. «Дорогу осилит идущий», а, как известно, «Путь в тысячу миль начинается с первого шага». Итак, в путь, по дороге Мечты!

Дороги...

Дороги бывают разными: то в гору, то прямо, то резко вниз, то снова вверх...

Дороги серпантинно петляют среди скал, ухабисто ковыляют среди болот, пыльно бредут по бездорожью среди полей и лесов, щеголяют по городу, брусчато постукивая, асфальтово шуршат по шоссе, но всякий раз дорога — это испытание. И самое большое испытание — у ворот в замок Мечты, ведь «самое темное время суток — перед рассветом», и очень трудно переступить порог в Чудо. Сколько их, повернувших вспять и забравшихся в привычную скорлупу, предавших весь этот путь Мечты, продавших его за целковый, променявших на черствый сухарь жалованья! Вот и жалуются на судьбу, и бренчат монетками, и выглядывают из укрытия и крутят у виска — мол, вон еще один романтик собрался в путь, а ведь ворота заперты. «Чудак, зря только башмаки стопчет!»

«Стучите, и откроется Вам»... Нужно было не сдаваться, не опускать руки! Нужно шевелить лапками, как в сказке о мышонке, упавшем в кувшин со сметаной. Помните? Он неустанно двигался, сбил сметану в масло — и выбрался из кувшина.

Нужно искать ключи, нужно вспоминать волшебный пароль, нужно верить в Чудо!

А там из уютной скорлупки, лениво позевывая, сообщают, что незачем искать несбывшееся, когда не известно, что со сбывшимся делать. Склад мечт, мечтов и мечтаний забит, молю поеден, и вообще все это глупости, нужно думать о хлебе насущном, а не грезить парусами и островами.

Но воздух гриновских идеалов наполняет легкие. Надышавшись вдоволь приключениями, отталкиваю лодку от причала и учусь управлять веслами:

«Ребята, надо верить в чудеса!»

*Когда-нибудь весенним утром ранним
Над океаном алые взметнутся паруса,
И скрипка пропоет над океаном»*

И паруса взметнулись, и бутылочная почта унесла в море наше послание. Где-то живет тот, кто однажды найдет письмо, и отзовется. И у нас будет повод для встречи, и мы будем говорить о Грине и о чудесах.

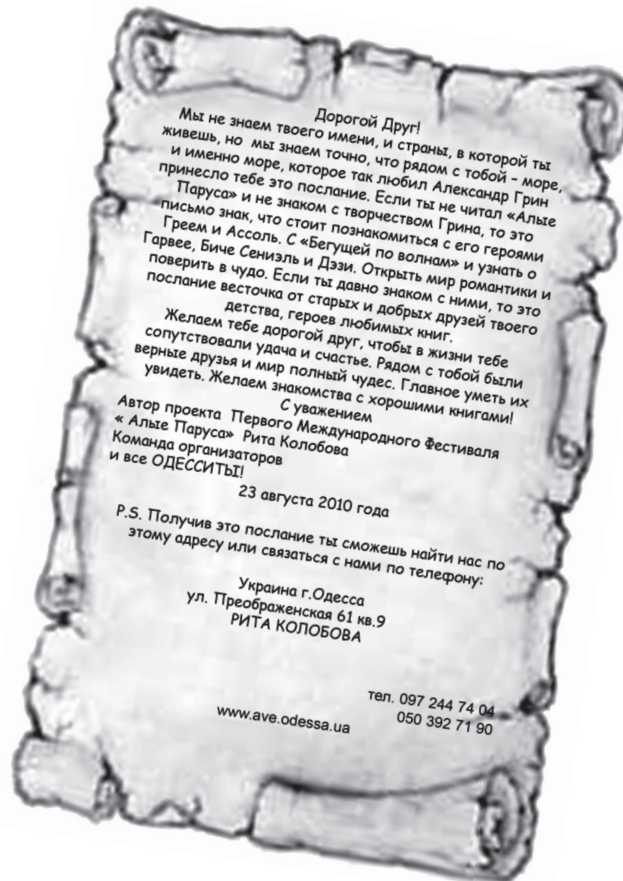
Морское путешествие нашей бутылочной почты началось. На пути к адресату ей могут повстречаться злые акулы и добрые дельфины; она, скорее всего, растеряет свое праздничное убранство, ее будут качать штормы и ласкать солнечные лучи, но она будет хранить наше письмо в своем сердце, и когда-нибудь мы обязательно расскажем вам о том, кто же получил наше послание.

О. Ростиславна

Из истории бутылочной почты

...многие письма, многие рассказы — это послания в бутылках, брошенных в море, и все они становятся частью этих неторопливых, дивных sea-changes, описанных Шекспиром в «Буре»...

Х. Кортасар

Послание в бутылке, или бутылочная почта, — древний способ отправки сообщений адресату. Суть его заключается в том, что на куске бумаги или пергамента пишут текст, после чего послание сворачивают в виде свитка и кладут в стеклянную бутылку. Бутылку запечатывают и бросают в океан. Гонимая течениями бутылка прибывает к берегу, где ее и находят. В отличие от традиционных способов передачи сообщений, этот вид передачи посланий не контролируется — можно только предполагать, куда течение занесет письмо, но быть уверенным невозможно.

- Легенда гласит, что изобретателем такого способа сообщения был греческий философ Теофраст, который примерно в 310 г. до н. э. бросил за Гибралтаром несколько запечатанных сосудов с записками, чтобы доказать, что вода в Средиземное море поступает из Атлантического океана. Спустя несколько месяцев один из сосудов был найден на Сицилии. С той поры в истории описано множество случаев использования бутылочной почты.
- Мореплаватель и первооткрыватель Христофор Колумб по пути в Индию отправлял донесения испанской королеве Изабелле, надежно закупорив их в бутылки и бросая в океан. Некоторые из этих посланий, гонимые течениями, были выловлены из воды и доставлены во дворец ее величества. Одна из бутылок Колумба была подобрана в Гибралтарском проливе в 1852 году капитаном американского судна.

- В Англии с 1590 года и до конца XVIII века для чтения подобных посланий при дворе была учреждена должность откупорщика океанских бутылок. Первым откупорщиком при дворе королевы Елизаветы I стал лорд Томас Тонфилд, который за первый год пребывания в должности извлек из бутылок 52 письма. По некоторым сведениям, когда он являлся к королеве с очередным докладом, она неизменно его спрашивала: «Ну, что пишет нам Нептун?»
- Посланиями в бутылке в качестве способа передачи сообщений до сих пор пользуются жители некоторых индонезийских островов.
- В 2005 году в Коста-Рике были спасены 88 иммигрантов, которые в открытом море отправили в бутылке сообщение о крушении своего судна. К счастью, послание довольно быстро попало в сети местного рыбака.
- Маленькая девочка из Великобритании, отправляя бутылку с посланием в открытое море, даже не подозревала, что та проделает столь длинный путь. Письмо дошло в 2006 году до Австралии, преодолев расстояние в 14 480 километров!
- Гуляя по берегу океана, американка Вики Стэнтон нашла стеклянную бутылку, внутри которой лежала долларовая купюра и записка. Это оказалось послание, отправленное участниками кругосветного путешествия на самодельной лодке в мае 1994 года.
- Мелоди Клоос и Мэтт Берс из Висконсина (США) в день своей свадьбы, 18 августа 2007 года, бросили в озеро Мичиган бутылку с посланием. Преодолев расстояние 500 километров, бутылка оказалась на противоположном берегу и была найдена собакой. Ее хозяйка Линнетт Дюбендорф, по невероятному совпадению, вышла замуж тоже 18 августа, но 28 лет назад, в 1979-м.
- Прогуливаясь по пляжу, жительница Тайваня Сяо Вей-Чен обнаружила бутылку с посланием, которую волны выбросили на берег. Теперь Сяо надеется встретиться с отправителем. «Бутылки не просто так бросают в море. Найти одну из них — большая удача, которая сулит человеку счастье», — считает Вей-Чен.
- Письмо в стиле Робинзона Крузо снарядила 6-летняя девочка из Шотландии. Малышка надеялась, что весточку выловят в Норвегии, и страшно удивилась, когда всего через два месяца ей ответил ее сверстник из Новой Зеландии. За 47 дней бутылка обогнула половину земного шара и проплыла 20 тысяч морских миль.
- У Роберто Реньоли набралось уже больше 80 посланий в бутылках, найденных им на пляже на Адриатическом побережье Италии. 18 августа 2007 года Роберто представил свои находки на выставке. «В большинстве посланий люди просят о дружбе или извиняются за совершённые ошибки, а также просто выражают добрые пожелания тем, кто прочтет их письмо».

Послание в бутылке остается для романтиков одним из самых излюбленных способов заявить о себе, оставить наставления будущему поколению, признаться в любви или даже сообщить о себе Вселенной!

*Материал подготовлен
Ольгой Лесовиковой*

Более подробную информацию можно найти
на сайте <http://ru.wikipedia.org/wiki>

*Бутылка с посланием I Международного
Гриновского фестиваля «Алые паруса».
Авторская работа Ольги Лесовиковой*

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЧАСТЬ

ЛЕОНИД КОСТЮКОВ,
председатель жюри

Писатель, поэт, литературный редактор, литературный критик, эксперт, член жюри, финалист и лауреат нескольких литературных премий. Родился в 1959 году в Москве. Окончил Литературный институт и механико-математический факультет МГУ. Преподавал в школе литературу и математику. Произведения Л. Костюкова опубликованы в таких изданиях, как «Дружба народов», «Соло», «Авторник», «Арион», «Еженедельный журнал», «Независимая газета» и пр. Изданы отдельно роман и сборник рассказов. Был куратором литературных вечеров в Ахматовском культурном центре, участвовал в качестве постоянного ведущего в работе эссе-клуба. Победитель сетевого литературного конкурса «Улов» (весна 2000 г.). Шорт-лист премии имени Юрия Казакова (2000 г.).

ШЛЮЗЫ, ПРОБЛЕМЫ, ЧТО-ТО ЕЩЕ

Настал момент, когда стало возможным клонировать людей, но официально это было еще запрещено. В нашем городе подобные ситуации разрешались с помощью денег. То есть клонировать человека было нельзя, но все же можно. Или, если угодно, можно, но как бы нельзя. Получается, что «нельзя» и «невозможно» — очень разные вещи.

Жил один такой Василий Евгеньевич. Был на хорошем счету и на службе, и в семье. Но годы шли, а ощущения притуплялись. И Василий Евгеньевич постепенно познакомился с молодой женщиной Галочкой. А что такого? А потом прошло некоторое время, наслоились переживания, как-то повернулись обстоятельства, и уже не скажешь — что такого. Наоборот, если это не такое, то что же тогда такое?

И полюбил Василий Евгеньевич тьму. Не в том отношении, как это понимают в Голливуде, а буквально. Для начала он разлюбил свет. Не к лицу ему было ходить по ярким кварталам, не имеющим отношения ни к службе его, ни к семье. А если встретят и спросят, придется врать. А если даже не спросят, даже не встретят, если даже и не врать, на свету проявлялась какая-то дикая неконкретность. Не первой молодости мужчина, не модельной внешности.

Тоже мне герой-любовник, крадущийся по левым районам.

И даже в минуты нежности Василий Евгеньевич просил выключить свет. Чтобы не видеть себя.

И вот однажды он шел в абсолютной практически мгле по парку — и напоролся на группу агрессивно настроенной молодежи. Были бы это сумерки — ребята рассмотрели бы кургузую фигуру Василия Евгеньевича, и вряд ли она возбудила в них жажду битвы. Потому что враг, как и женщина, должен быть красив и должен возбуждать. А из Василия Евгеньевича — что враг, что мужчина, что женщина...

Он еще чего-то не расслышал, переспросил. Его пихнули пару раз — если бы упал, то остался бы жив. Но не упал. А третий раз ударили специальной железной штукой в висок. И взяли мобильник из кармана — уже по сути у трупа.

Обнаружили утром. Документы на месте, опознать не проблема. Семья — жена, сын, дочь — ошарашена горем. И зря Василий Евгеньевич боялся. Никого не заинтересовало, что он делал в полночь в глухом парке возле глухого метро, вдали от службы и семьи. Разве что следователя — и того несильно.

И вот Василия Евгеньевича сожгли и похоронили.

И постепенно — через пару недель — выяснилось, что Василий Евгеньевич был не просто хорошим работником, а незаменимым. Без него в стройном организме офиса мгновенно возникли язва и опухоль, да обе начали бодро расти. Тут недостает — а там накапливается и принимает неместный масштаб. Если бы не было мирового кризиса, он бы отсюда и зародился. И сколько ни пыталось начальство бросить на этот участок молодых и смекалистых... потом старых и смекалистых... потом — от отчаяния уже — молодых и тупых, ничего не исправлялось.

И вот подали генеральному и коммерческому хороший обед в их просторные кабинеты, а кусок в рот не идет. Взял коммерческий поднос с правильной едой и постучался к генеральному — вдвоем полюбовому веселее. А кушали они, коли уж вам интересно, ничего особенного: куриную котлету со сборным гарниром, фруктовый салат и кофе.

Жуют и молчат — а что скажешь?

Коммерческий тщательно дожевал кусочек куриной котлеты, вытер губы салфеткой и сказал:

— Да, беспросветная жопа. Тут уж и покойник бы не разобрался.

— Думаешь, не разобрался бы? — живо переспросил генеральный.

— Ну, это я так, образно. Гиперболически.

— А если не гиперболически?

— Ну, думаю, он бы разгреб. Да где его взять.

Тут они посмотрели друг на друга.

— Не-е-е-ет, — скривился коммерческий. — Начнем с того, что это подсудное дело. Да и стоит бешеных бабок.

— А убытки?

На этих словах коммерческий погрузнел, доел котлетку, сборный гарнир и принялся за фруктовый салат.

— Ты погоди жрать, Павлик, — мягко обратился к нему генеральный. — Ты прикинь, сколько мы ежедневно теряем. Мы заваливаемся в черную дыру. А клон (тут Павлик вздрогнул и чуть не уронил апель-

синовую дольку в белых лохмотьях взбитых сливок — но ведь не уронил!) — это тебе не человек. Его можно сделать узкофункциональным. Будет тут пахать в отдельном кабинете, никто его и не увидит.

Коммерческий жевал с сомнением.

— Я скажу тебе так, — генеральный придвинулся к коммерческому через стол,дохнул курицей и повысил в голосе содержание душевности, — если бы надо было кого-то убить, чтобы покончить с этим кошмаром, никакой закон меня бы не остановил. Кроме совести. — Генеральный благочестиво прошелся салфеткой по губам. — Это просто не мое. А воскресить человека — это тебе не убить. Это, можно сказать, благое дело.

Тут коммерческий заикнулся было про непростую позицию церкви по вопросу клонирования, но от этого довода генеральный отмахнулся с невероятной легкостью.

— Ретрограды, — проворчал он, — фарисеи. Они и Христа поначалу распяли. Погоди, нам еще спасибо скажут.

Почему именно им, когда дело, хоть и потихоньку, не в массовом порядке, но шло и до, и помимо них, — загадка. Но коммерческий, подумав, кивнул. И доел.

Они нашли засохшую капельку пота Василия Евгеньевича и отвезли куда надо. А в настройки на специальном бланке поставили галочку напротив служебных обязанностей — а куда еще прикажете ставить? И стали ожидать клона третьей категории, потому что выше — дороже в разы.

Он, клон (а назвали его Виталием, чтобы вроде как похоже на Василия, а все же не Василий), появился в офисе примерно через месяц после оплаты. Выглядел Виталий много моложе Василия Евгеньевича. Возможно, как его исходник в молодости. А может быть, и нет. Правильнее будет сказать — как должен был выглядеть Василий Евгеньевич в молодости, кабы не помехи. Переживания, суета, усталость.

Для перестраховки волосы Виталия были выкрашены в блондинистый пепельный цвет, а волосы Василия Евгеньевича были темно-русые с сединой. В общем, напрасно боялись генеральный и коммерческий — в офисе дюжина мужчин средних лет больше

походила на покойного, чем новоявленный сотрудник. К нему, необходимо заявить, были приложены документы: паспорт, трудовая, пенсионное, ИНН и т. п. Только не спрашивайте, откуда они взялись. Наша страна вовсю борется с коррупцией, и на ближайшие годы ей есть с чем бороться.

Виталия представили коллективу, но невнятно и бегло. А трудиться ему предстояло в отдельном закутке в том же аппендиксе, где сидели коммерческий и генеральный. Трое мужчин да две секретарши — вот, собственно, и все. Остальные — глубоко факультативно. И вообще незачем сюда ходить.

Генеральный и коммерческий ввели Виталия в курс дела. Он, можно сказать, схватывал на лету. Много спрашивал, но сами вопросы направлены были куда надо. Я скажу вам больше: пара вопросов раскрыла глаза начальству на один из существенных косяков, так что и отвечать не пришлось.

Если присмотреться к пальцам Виталия, они, покамест лежа мимо клавиатуры, слегка пульсировали — так не терпелось ему ринуться в схватку. А когда настала пора, начальство, не тревожа ценный кадр, вышло из кабинета чуть ли не на цыпках. Но коммерческий в последний момент оглянулся, как Эвридика. И заметил, что моторика Виталия чуть не вдвое быстрее, чем у Василия Евгеньевича. Вот что значит правильная настройка.

Генеральный и коммерческий, а в миру Алик и Павлик, засели в кабинете коммерческого, заперлись и разлили по рюмочкам хороший коньяк.

— За свет в конце тоннеля, — достойно произнес Алик.

Павлик поддержал его, лаконично коснувшись рюмкой рюмки. Выпили. Но напряжение отчего-то осталось.

Алик поднялся, походил вокруг стола, поглядывая на стены, — словно не наизусть знал их. Два диплома от префекта, неясный красный с золотом вымпел, фотопортрет президента — то ли ради хохмы, то ли всерьез — поди разбери. На шкафу — две африканские статуэтки, которые неpolitкорректная уборщица окрестила обами. Дешевая репродукция Моне.

Алик вздохнул. Павлик тоже вздохнул, налил обоим по второй, но выпил без очередей и не чокаясь.

— Ну... все нормально, — сказал генеральный, как бы не спрашивая и не утверждая, а предлагая проект резолюции.

— Да... — согласился коммерческий без энтузиазма. — Только, Алик, мне как-то неуютно. Что делается в голове у... — он небрежно мотнул головой через две стены, но в верном направлении. — Ведь Бог его знает, Алик. Это же не человек.

Алик пригубил коньяк и повертел рюмку в пальцах.

— А что делалось у покойного в голове, ты знал? Не знал даже приблизительно. Но тебя это отчего-то не волновало. Как раз у этого не должно быть посторонних мыслей. У него в голове цифры и движение этих цифр в правильном направлении. Что в голове у Светки? А? Как ты считаешь?

— Уйти пораньше, — брякнул Павлик.

Генеральный, не чинясь, нажал на специальную кнопку.

— Слушаю, — возник над столом бесцветный девичий голос.

— Светлана, — зачем-то представился генеральный, — это начальник твоего начальника.

— Слушаю, — повторила Света, не изменив интонацию ни на грамм.

— Извини, можно узнать, о чем ты думаешь?

Возникла секундная пауза. Но это Света не была ошарашена, ее ох непросто было ошарашить, — она сканировала собственные мысли.

— В основном, — сказала она наконец, — о конструкции юбки на лето. Подробности вам неинтересны.

Генеральный отключил связь с народом.

Эксперимент никого ни в чем не убедил.

Шли дни. Теперь трое мужчин обедали вместе. Практически в тишине. Потому что, прямо выражаясь, люди... или, скажем мягче, люди, рожденные женщинами, опасались разбедить в клоне лишнее. А тот оставался погружен в свои мысли. Однако в пятницу вдруг спросил:

— А это что?

— Рыба в кляре, — ответил Павлик. А что прикажете ему отвечать?..

— *Вкусно*, — сказал Виталий, да так задумчиво, растерянно и мелодично, что стало очевидно: он человек. — А что это — рыба в кляре?

Алик объяснил суть кляра.

— А рыба... — Виталий слегка наморщил лоб, вспоминая, — это такое животное, которое живет в воде?

— В море, — ляпнул Павлик.

Клон соотнесся со своей таинственной памятью.

— В море много воды, — изрек он наконец.

Все помолчали — вероятно, представляя себе море.

— Может быть, съездим на море? — вдруг спросил Виталий.

— Милый ты мой человек! — неожиданно расчувствовался генеральный Алик. — Ты только разгреби завал — и мы махнем на самое большое море. Пальмы, акулы — все что пожелаешь. Марину пригласим.

— И Светлану, — эхом отозвался коммерческий.

— И Светлану! Конечно! Ты только разгребь.

— Вы имеете в виду — наладить нормальный трудовой процесс? — перевел клон разговор в официальный регистр.

— Ну да.

Виталий чинно и не спеша доел рыбу в пресловутом кляре и промокнул губы салфеткой.

— Не вопрос, — сказал он с достоинством.

И у начальства как-то отлегло от двух сердец.

Приняв участие в преступном акте клонирования человека, директора получили код доступа к закрытому сайту по данной тематике. Этот сайт являл из себя настоящую сокровищницу баек, слухов, суеверий, гона и откровенной х...йни. Как этот галактический мусор успел нарасти на сравнительно молодом деле — тайна, пожалуй, более загадочная, чем само клонирование.

И вот теперь время от времени два начальника запирали двери своих кабинетов и отправлялись в путешествие — но не в банальные миры задниц и сисек, а вдоль новоявленного фольклора.

Были тут, в частности, анекдоты примерно такого розлива:

«Уехал муж в командировку, а жена его клонировала. И вот он возвращается на день раньше...»

«Клонировал старый еврей Памелу Андерсон и обмеряет, чтобы не обвесили...»

«Остались у Василия Иваныча и Петьки только три бойца. Идут деревней — видят: подпольная студия клонирования...»

Но начальникам было не до юмора. Лишь изредка то один, то другой взлаивал отдельным нервным смешком — и прорывался дальше, к информации, имеющей серьезный вид.

Так Алик и Павлик узнали о **резонансе памяти**. Согласно мракобесному сайту, малейшее дежавю клона могло привести к своеобразной цепной реакции в мозгу. И он вспоминал **все-о-о-о**: и свою предыдущую жизнь до мельчайших подробностей, и смерть, и загробный участок, и, в общем, то, чего вспоминать не стоит.

Коммерческий Павлик как прочитал это, так моментально вспотел чуть не до костей. И, как только смог встать, позвал к себе в кабинет генерального Алика. А у того защемило сердце — да так, что пришлось посылать Марину в аптеку.

А потенциальный виновник этих кошмаров тихо и благопристойно сводил концы с концами за две стены от болящего начальства.

Надо добавить, что ничего такого уж страшного или компрометирующего руководство в памяти Василия Евгеньевича не хранилось. Пугал эффект как таковой.

Пугал не помнящий родства Виталий. Пугал воскресший Василий Евгеньевич в молодом теле. Да если вдуматься, и просто воскресший Василий Евгеньевич пугал.

Так задним числом Алик и Павлик сформулировали для себя, что запрет на клонирование был вовсе не такой идиотской затеей, как другие отечественные указы и распоряжения. Но, с одной стороны, все мы крепки задним числом, а с другой — что ж, прикажете разоряться?!

Лучше уж слегка потрястись — но с перспективой спастись.

Однажды (в четверг) Павлик проходил мимо кабинета Виталия и не услышал при-

вычного уже стрекота клавиатуры. Повинуясь неясной и мгновенной тревоге, Павлик слегка толкнул дверь — она и открылась.

Клон стоял перед огромным окном лицом туда, в пространство. Павлик подошел и встал рядом. Перед ними лежал огромный город. Так расположились тучи, что одни полосы зданий просто сияли, поблескивая иголочками окон, а другие оставались в полумраке. Зеленоватый парковый массив был виден целиком. По нему гулял ветер.

Павлику вдруг показалось, что он видит это впервые. Он отступил, вышел и закрыл дверь. Затем буквально ворвался к себе — и тоже закрыл дверь. А потом резко вдохнул воздух, словно собирался чихнуть, но не чихнул, а прерывисто и болезненно выдохнул. И тут же снова вдохнул — и вдруг зарыдал, как от большого горя. Слезы так и брызнули — на бумаги, на клавиатуру. Но — истины ради — это были не ценные бумаги, да и на клавиатуру проливалось больше кофе, чем сегодня слез.

Вероятно, какие-то неофисные звуки доносились из кабинета, потому что буквально через минуту в дверь постучали — и ворвался Алик.

— Что с тобой? — спросил он тревожно. — С тобой что-то, а твоя Света сидит, как филин, и смотрит в стену. Может, уволить ее?

Павлик молчал, успокаиваясь.

— Да что случилось, говори же ты!

— Он стоит у окна и смотрит на город. Господи, какой красивый город! И он понимает эту красоту. Что мы наделали... Алик, мы же не боги. Это человек! Мы не должны... не должны делать людей.

— Павлик, неловко тебе напоминать, но люди испокон века делают людей.

— Алик, но они не плодят сотрудников для своих целей. Они не ставят галочки в настройках.

— Ну, допустим, они отдают четырехлетних детей в балетные училища и калечат им жизни. Или скрещивают ребенка с виолончелью. Или превращают в гимнаста.

— Алик, дети вырастают и сбрасывают этот кошмар. Это не одно и то же.

— Согласен. Все не одно и то же. Вот наша ситуация. Еще неделя — и он вырулит.

— И ты отпустишь его?

— Куда? Зачем? Уволю — за что? Если он захочет уйти...

— Он не захочет.

— А почему ты знаешь? Он смотрит на город — и не понятно, что думает. Вдруг встанет и уйдет. Устроится зрителем шлюза. Он человек. Свободный человек, а мы подарили ему жизнь. Причем нам-то ее не подарили, — тут Алик přátельски пихнул Павлика в бок, и тот, в общем, успокоился.

Надо заметить, что потраченные на клон немалые деньги были проведены через финансовый отдел и бухгалтерию как покупка нового оборудования. А зарплата Виталия шла как издержки эксплуатации. То есть она капала — и довольно щедро. Другое дело, что Виталию ее не выдавали, опасаясь ненужных вопросов или, хуже того, чертова дежавю. Спросит — тогда и выдадим.

Иначе говоря, пока что Виталий работал за харчи. А спал, кстати, на диване в предбаннике. Диван стоял в холле, где сидела Светлана. Она приходила в девять — Виталий уже работал. Уходила в шесть — он еще работал. Начальники уходили в семь с копейками, пересиживая копушку и болтушку Марину, которая из-за безалаберности не замечала конца рабочего дня.

Клон пахал.

Начальники зорко примечали слегка примятый диван. Виталий, без сомнения, какую-то часть ночи спал. Но делал ли он что-то между работой и сном... Елозил ли по минному полю Интернета, стоял ли перед зеркалом со своим невозмутимым лицом, наблюдал ли в окно бледноватую россыпь огней...

А может быть, выходил и бродил по ночным улицам, как тогда несчастный Василий...

Нет, охранник бы сообщил.

А с чего бы он сообщил? По-хорошему он должен был сообщить, что сотрудник такой-то ночует внутри здания.

А это бы с чего, если он толком и не видел Виталия? Значит, сообщил бы все-таки, если незнакомец выходит. Да и куда ему ходить — нет ведь галочек в настройках, ничто не томит понапрасну.

Или томит понапрасну...

Алику пришла было мысль увешать весь аппендикс камерами и снять неопределен-

ности, но он отогнал эту мысль с несвойственной ему брезгливостью.

Что же говорить о выходных...

По соглашению с клоном, он работал и в выходные. Трехразовое питание доставлялось ему из ближайшего ресторана. Впрочем, ресторан — это громко сказано. Так, столовая с амбициями.

И вот однажды в воскресенье дочке Алика понадобилось распечатать реферат, а принтер дома возьми да забарахли. И Алик вдруг залепил:

— Дай съезжу на работу, распечатаю.

— Да ладно, папа, — сказала дочка озадаченно, — я схожу тут на угол, там... это...

— Я съезжу, — настоял отец задумчиво, но уверенно. — Посмотрю, что там делается.

— А что там может делаться в выходной? — отозвалась жена.

— Вот мы и поглядим, — закруглил Алик.

В автомобиле он ненароком заглянул в зеркальце и увидел себя.

Грузный мужчина со все рельефнее проступающей на лице кавказской четвертинкой. Седеющий, лысеющий, с печально висящим носом и большими маслинами глаз.

Подрулил на пустую стоянку. Вдохнул. Холодно кивнул охраннику. Поднялся на тихонько ноющем лифте.

За секунду, пока открывалась дверь лифта, успел сформулировать для себя: готов ко всему.

Поколебался долю секунды — идти к принтеру или все-таки к клону. К клону — зачем обманывать себя.

Пихнул дверь.

Виталий мирно работал за компьютером. Краешком глаза Алик успел заметить чисто служебное содержание монитора.

А ведь это, если вдуматься, фантастика: человек работает в воскресенье, потому что не знает, как еще жить.

Алик застыл в дверях, пережидая пару секунд. Он намеревался тихо уйти. И тут клон бесшумно обернулся.

— Александр Дмитриевич, — не удивился Виталий, — каким ветром в выходные?

Это игривое и слишком человеческое «*каким ветром*» вызвало небольшой саум в мозгу генерального.

— Так, — ответил он уклончиво.

Реферат и принтер как-то выдуло из головы.

— Ага, — невнимательно согласился Виталий. — А я, знаете, близок к завершению. Еще пара дней — я разработаю инструкции для нескольких сотрудников, и система будет нормально работать. Без авралов.

— Прекрасно, — отозвался Алик, но внутри него отчего-то набухла тревога.

— А у меня, — ровно продолжал клон, — накопились выходные. И, насколько я понимаю, зарплата тоже накопилась. Сколько там я получаю?

Генеральный на автопилоте огласил зарплату ценного сотрудника.

— Неплохо. Я возьму небольшой отпуск — вы не против?

Генеральный сделал широкий обводящий жест.

— Хорошо. И вообще, хорошо, что вы приехали. Нам надо снять некоторые недоговоренности.

Тут Виталий встал из-за стола. Алик отчего-то обратил внимание, что ни одна косточка не щелкнула.

— Я тут подумал, кто я.

— А?

— Говорю: я тут подумал, кто я. Две правдоподобные гипотезы. Человек, потерявший память, и клон.

— Людей не клонируют, — произнес генеральный, но без голоса; как, бывает, принтер печатает с иссохшим картриджем.

— Что вы сказали?

— Людей не клонируют.

— Официально. Вы лучше не говорите. Люди часто врут, а потом им становится стыдно. Вы немного послушайте. Я рассудил логически. Зачем фирме в кризисной ситуации находить и нанимать сотрудника с потерей памяти? Это риторический вопрос, Александр Дмитриевич. Думаю, вы клонировали погибшего бухгалтера Василия Терентьева. Сразу хочу оговорить: ничего не помню из его жизни. Проблема в другом.

Клон бесшумно пересек кабинет. Теперь свет из окна уже не падал на его лицо. Свет бессмысленно падал на пустое место.

— Вы клонировали меня с чисто служебной целью — разгрести, как вы сами выражаетесь, завал. При этом нарушили закон, потратили кучу денег. Когда я приведу ситуацию к норме — стану вам неинтересен. И мое положение мгновенно превратится в неустойчивое. *Кто знает, что у вас в голове.* Возможно, вы захотите меня ликвидировать. Поймите меня правильно, я вас не обвиняю и не хочу обидеть. Я рассуждаю гипотетически. И хочу внести ясность: я организовал тут некоторый небольшой ресурс, и если я не поддержу его более недели, многое всплывет. И у вас будут неприятности.

И тут Алик почувствовал, что страх и оторопь куда-то отступили. Каков бы он ни был, но такого унижения не заслужил.

— По какому праву, — негромко, но внятно и величественно заговорил он, — ты так со мной говоришь? Я дал тебе жизнь, действительно пойдя на риск и серьезные траты. Но я не отнял жизнь ни у кого. Я христианин и чист перед Богом. И я плевал на твой ресурс.

Генеральный помолчал, тяжело дыша. Клон тоже молчал, не выходя из тени.

— Ты повзрослел, — подытожил Алик, — и многое понял. Я думаю, хорошо бы тебе уважать меня... и Павла. Завтра ты получишь зарплату целиком. Плюс за месяц вперед. Плюс премия. Ты свободен... как любой человек. В ящике твоего стола — твои документы.

— Я видел, — отозвался клон. — Но адрес проживания фиктивен.

— Естественно. Мы снимем тебе квартиру за счет фирмы. Ты наладишь личную жизнь. И вообще... вообще все будет хорошо.

Тут Виталий сделал шаг и вышел на свет. Его глаза блестели от слез.

— Извините, Александр Дмитриевич, — сказал он. — Я ошибался в вас. Но мне... почти не на что опереться. Поймите и вы меня.

Мужчины на миг обнялись, как бы оперлись друг на друга — и Алик вышел из кабинета, спустился в машину и завел мотор.

Уже в пути он сообразил, что не распечатал реферат. Пришлось заехать в копировальный центр на углу.

С другой стороны, у любовницы Галины не проходила тоска по Василию Евгенье-

вичу. Ей бы утихать, а она только разрасталась и пускала метастазы.

Понимаете, нормально, когда старые вещи напоминают о человеке. А тут возьмет Галина новую ложку — и сообразит, что покойный никогда ее в пальцы не брал, никогда ко рту не подносил. И плачет. Ну как тут прикажете жить? Прямо аномалия какая-то.

Был вариант клонировать, об этом и подруга говорила. Дело, конечно, скользкое, но главное — дорогое. Но что касательно цены, тут могла выручить забавная игра, в которую старательно играли жители нашего города. Город опоясывало гигантское шоссе, и если ты жил внутри его, считалось лучше жить как можно от него дальше. А если вне, то, наоборот, ближе. И каждый житель нашего города мог переехать туда или сюда и сменить свое жилье на такое же, но дороже или дешевле.

Вот во сколько обошлось Галине воскресить любимого человека — три километра в сторону кольцевого шоссе. Естественно, клон третьей категории, потому что качественнее — дороже в разы.

Галина взяла фужер, из которого покойный пил полусладкое вино в последний вечер. Она так и не мыла этот фужер с тех пор — с вечера просто поставила в сервант, с утра закрутилась, а потом, когда узнала, рука не поднялась. И теперь Василия Евгеньевича клонировали из следа губ на фужере.

А в настройки Галина поставила внешность (фотография прилагается), личную жизнь и возраст. Ей три раза предложили омолодить пожилого любовника, но она отказалась. Молодых и бесплатных полно, а ей, видите ли, нужен он. Что ж, клиент всегда прав.

Вот что они сделали с клоном. Внешнего сходства добились убедительного, впрочем, тут больше поработали стилист и гример. Старить же хлопотно и долго, хотя, конечно, и не так долго, как естественным путем. Но умельцы из подпольной студии для себя сформулировали так: возраст — это болезни. И, идя навстречу пожеланиям заказчицы, они наградили клона артритом, гастритом, гипертонией... Словом, бережно сохранили только ту систему, которая в их упрощенном сознании ассоциировалась с личной

жизнью, остальное умеренно подпортили. Получилось — блеск.

Имя клону нельзя было давать такое же, как исходнику. Поэтому вместо Василия Евгеньевича Терентьева появился на свет Валерий Геннадьевич Силантьев.

Студий в городе было несколько. Контора и Галина обратились в разные. Иначе неувязку заметили бы и, наверное, не допустили. Хотя — чем это уж такая неувязка? И почему не клонировать одного человека дважды, когда и один раз все равно запрещено?..

Валерий Геннадьевич, ориентированный на личную жизнь, редко выходил из дому. Он предпочитал дожидаться Галочки с работы (а она, кстати, преподавала сольфеджио в музыкальной школе неподалеку). Полюбил нехитрую кулинарию. Что-то вспомнил, что-то освоил заново по специальной книжке.

«Вспомнил» — загадочное слово в данной ситуации. Что помнят клоны, выращенные в подпольных студиях? Корреляций с биографиями исходников практически нет. Резонанс памяти — дикая утка с безответственного сайта.

Вы знаете, по-моему, им вставляют некоторый безличный базисный пакет. Типа Microsoft Windows. Язык, ориентация в городе, карта там метро, семья и брак, управление телевизором. Плюс специальные загрузки согласно настройкам клиента. Это не отменяет способностей. Виталий, например, на лету схватывал бухгалтерскую премудрость.

То есть, скорее всего, омлет и горячие бутерброды были попросту встроены в Валерия Геннадьевича. А вот мясо под майонезом он в книжке нашел.

Он облюбовал себе фартук, темно-синий с мелкими белыми цветочками. И теперь частенько колдовал у плиты. Новая квартира Галины для пущей экономии была на первом этаже. Она подходила к подъезду — а справа от него светилось окно. И в нем — то мимо шторы, то сквозь нее — мелькал бесформенный силуэт в фартуке. И бабушки со скамейки подтверждали:

— Дома твой, дома. Весь день хлопочет.

Галочка невнимательно кивала — и вошла в подъезд.

Знаете, как-то так случилось, что у Галины никогда за ее тридцать восемь лет не было мужа. И детей не было. Ну, не то чтобы она была такой уж заядлой старой девой. Мужчины были — пусть немного. Но муж появился только теперь.

В принципе, можно было и официально зарегистрироваться с Силантьевым В. Г., документы были достаточно тщательны, но на всякий случай не рекомендовалось. За небольшую доплату штампы в паспорта могли забаббахать и в самой студии, но это уж совсем ни к чему.

И вот что она думала — любимый мужчина должен был погибнуть, чтобы жениться на ней.

Строго говоря, это был другой мужчина, но Галина старалась об этом не думать. Некоторые невольные жесты и позы Валерия Геннадьевича были такими же, как у покойного бухгалтера. Он так же, чуть качаясь, сидел перед телевизором. Так же гладил свою реденькую челку, стараясь согнать ее набок. Впрочем, готовил иначе. И никуда не спешил.

Галина думала так: если бы Вася остался, он бы тоже изменился.

И еще: клон отчего-то ничего не спрашивал. Максимум — «С чем тебе курицу?» Неужели его устраивало и мутное прошлое, и неведомо откуда возникшее настоящее? Галя много думала об этом и предположила, что Валерию просто не с чем сравнивать. Он принимает жизнь как данность. Он, вероятно, думает, что люди — некоторые или даже все — так и появляются в мире: с гастритом, артритом, гипертонией, невесть откуда взявшейся гражданской женой, по сути на пенсии. А потом, может быть, ложатся спать — и просыпаются гимназисткой в Норвегии.

Кстати случилась поздняя весна, а там и лето. Валерий прямо в тапках и фартуке иногда выходил из подъезда, с наслаждением вдыхал воздух. Обменивался парой типовых фраз с бабушками. Наблюдал небо сквозь темную листву. И по его лицу ходила совершенно счастливая и чуть хитроватая улыбка, какую редко увидишь у людей.

Вот чего ждала Галина — *тоски по чему-то еще*. Что Валера начнет застывать у за-

крытого окна... или у раскрытого окна... а то и шагнет вперед — первый же этаж! — и застынет так у границы квартала, вглядываясь неизвестно во что. Что он пойдет дальше в тапках — не верилось. Что он может дойти в тапках до ближайшего обувного ларька через два дома, а там переобуться в башмаки и добраться хоть до Гонолулу, Галочке отчего-то не приходило в голову.

А приходила ей в голову всякая невнятица. Например, что с какой-то точки зрения все мы — клоны. Все мы позабыли что-то важное, возможно, самое важное, и вот бродим по кварталу в тапках и всматриваемся в горизонт. Очень нелогичное обобщение, особенно если учесть, что Валерий Геннадьевич никуда не бродил и ни во что не вглядывался. Но что возьмешь с неспециалиста, да к тому же женщины.

Галя перебирала, что же Валера выбрал для себя сам. Поясню. Например, он называл ее Галочкой, но это сама Галина в первые день-два настроила его, как бы в шутку упомянув себя в третьем лице. *Галочка сегодня устала. Галочке бы сейчас быстро чего-нибудь перехватить.* Вот гражданский муж и перенял эту *Галочку*.

Сам... ну, сам выбрал фартук. Сам определял блюдо вечера и практически идеально воплощал его на плите. Галя с замиранием сердца смотрела, как Валерий садится перед телевизором и перебирает пультом каналы. Потому что мало где так отчетливо выражается современный человек, как в переборе каналов. Но Валерий был непритязателен — фильм, шоу, спорт, новости — все равно привлекало его. Только очень уж развязные молодежные программы он смахивал с экрана, да и то без возмущения.

Сексом... ну уж раз затронули мы эту тему... сексом занимался умело и долго, не в пример покойному бухгалтеру. Это и радовало Галю, и, с другой стороны, слегка огорчало. Она бы многое отдала, если бы клон в решающий момент отвернулся к стене, помолчал чуть-чуть и сказал:

— Извини, Галочка, я что-то сегодня не в форме.

Но уж чего нет, того нет.

А после этого самого занятия Валерий не был печален, не был и горд своей мужской статью. Был улыбчив, нежен и предупредителен. Галя говорила: «Принеси чаю» — и он приносил чаю. Или: «Открой

форточку» — и он открывал форточку. Но если молчала, клон тоже молчал. И что там делалось у него в голове, никому толком не известно.

Неотвратимо наступало лето. От обмена квартиры минус преступное клонирование оставалось немного денег, но на отпуск хватало. Поехать, например, на юг. Галина купила мужу (она старательно прямо так и продумала, словно мясорубкой провернула: «мужу») ботинки. Сперва думала взять его паспорт и смотаться за билетами, потом (что он, инвалид?!) — поехать в кассу вместе с ним. А потом решила отправить его одного. Объяснила всё четыре раза — про метро, про вокзал, куда ехать, как лучше, СВ не брать. Клон слушал и загадочно улыбался. А потом уехал — и вернулся через три часа с билетами на самолет по цене поезда. Вот тебе и раз. Сама Галина так бы не сумела.

В самолете Валерию досталось место у окна. Он смотрел туда с ровным любопытством — без малейшего страха, без щенячьего восторга. Как... как взрослый человек, впервые летящий самолетом? Нет. Из того непременно выпало бы объяснение, как так вышло, что он никогда раньше не летал самолетом. И, наверное, страх. У Валерия было гигантское доверие к Галине и людям вообще. Скорее всего, во встроеной информации не было авиакатастроф. Но это я рассуждаю от себя — Галина так не думала.

Она — ради чего?! — думала, при каких таких обстоятельствах могла бы вырваться на юг с Василием Евгеньевичем. Если бы того послали в командировку, а работы там реально было мало. С чего бы бухгалтера посылать на юг? Ну, допустим, его посылают в Кострому на две недели, а он делает все авралом за три дня (он способный) — и они летят на юг. На какие деньги? Ну, на ее — он ведь отчитывался перед семьей. А командировку по дружбе закрывают изначальным числом. И вот идут они по набережной, допустим, Феодосии — и ему звонит по мобильнику жена. Или, того страшнее, дочь. Галина аж поморщилась от этих разливов лжи и какой-то неверности. Не супружеской неверности, а неверности, ошибочности, неправильности вообще.

Самолет летел — и поощрял тем самым ее мысли.

А почему дочь страшнее жены? Потому что жена может теоретически сделаться бывшей, а дочь — никогда. И тут Галину прошибло — а что если они встретят на юге дочь или сына бывшего бухгалтера? Почему бы им не податься летом на юг?

Галина, в общем, была не глупее нас с вами, и ей пришли на ум все контрдоводы. И что юг большой, и что «ну да, вот мужчина, похожий на покойного отца, что из того?». Смазанные черты пожилого бухгалтера вообще напоминали фоторобот человека как биологического вида.

Да если даже пойти до конца. Бог с ним, с югом, это фантастика. Допустим, семья задним числом вычисляет любовницу мужа. Галина уже без страха, холодным умом прикинула, возможно ли это. Конечно, да. Ведь и познакомились они не на улице, а у этих... Галина припомнила имена-отчества, а нам они не нужны. Бухгалтер тогда был без жены, но в принципе, конечно, жена с ними знакома. И они могли что-то подозревать.

Допустим. Жена узнает адрес и заявится к ней, в эти симпатичные захолустные места, откуда невооруженным глазом видно опоясывающее город кольцо. И, торжествуя, находит клона.

Ну и что?

Галина повторила по слогам: «Ну и что?»

Не в милицию же идти. А если ты такая умная и так любишь мужа, сама бы и клонировала его.

Тут им принесли забавный авиационный обед. Галина отвлеклась от своих мыслей, Валерий — от наблюдений, их третий сосед в дымчатых очках у прохода — от своего ноутбука.

А мы можем на время отвлечься от них.

Примерно через неделю после похорон бухгалтера его дочь сказала:

— Мам, давай клонируем папу.

— Это запрещено, — сказал сын.

— Мало ли, — ответила дочь. — Неужели ты не делаешь того, что запрещено?

— Например?

— Лезешь под турникет в автобусе. Я сама видела.

— Сравнила.

— Мам, не слушай его. Давай воскресим папу.

— Это будет не он, — ответила мать. Казалось, что она думает о постороннем. Но она думала о том же самом.

— Я знаю, — сказала дочь. — Но мы напомним ему все — и он станет, каким был.

— Нет, — сказала мать. — Каким был, он уже не станет. И вообще, это ведь не кот. Это кота можно завести нового и воспитать, как прежнего.

— Ну давай воскресим!

— Ты что, не слышишь меня! — вдруг крикнула мать. — Тебе что, нужен здесь посторонний мужик, похожий на отца?

— Нет, — оторопело ответила дочь.

— И ты будешь прятать его, как партизана? — спросил сын. — Что ты скажешь соседям, которые видели его в гробу?

Дочь растерянно молчала.

— Он умер, умер навсегда, — сказала мать. — Когда ему было пятьдесят, я понимала, что ему никогда больше не будет тридцать. То есть он тридцатилетний уже тогда умер. Человек умирает кусками, участками, как отваливается штукатурка. — Взрослые дети слушали ее молча. — А вот теперь он умер на всех участках сразу, на прошлых и на будущих. Это грустно, но не многим грустнее, чем если б он жил.

Жена с горечью подумала о любовнице, о которой, конечно, знала, но не сказала ничего, чтобы не огорчать детей.

А еще... ну, это не то чтобы планы, а, как теперь говорят, один из сценариев будущего.

Сейчас Андрюше поступать в институт. И деньги нужны, и вообще. Через два года — Наденьке. Опять не до постороннего. А дальше — пойдет как пойдет. И вполне может так быть, что они разлетятся по огромному городу — или по огромному миру. И тогда я останусь одна — в этой квартире, которая была такая маленькая, когда нас было четверо. А одной в ней бродить и бродить.

И можно будет ее продать, а купить маленький домик с огородом по ту сторону кольца. Выручить деньги — и взять горсть пепла из урны. Достаточно маленькой горсточкой пепла.

И ничего не говорить, ничего не вспоминать. Просто возделывать вместе огород. И смотреть на закат. И закатывать банки для детей.

Отчего-то жена, а звали ее Людмилой, закрыв глаза, видела этот дом, и этот огород, и фиолетовое небо с набухшими тучами. Номер склепа она помнила наизусть и записала в компьютер, а достать горсть пепла — не проблема, она уже выясняла.

Есть такой план. Не совсем всерьез, он мигает в фантастике, в анекдотах, в фигурах полемики. Он как контур на контурной карте — есть, но никто его пока внятно не обвел. А вот мы пообедем.

Истребить человечество — вы только не смейтесь! — это, конечно, было. Соль дальше.

Истребить небольшими порциями. Например, сперва на букву «А», потом на «Б» — и т. п. И после каждой порции делать передышку.

И тогда тех из нас, кто кому-то необходим, обязательно воскресят, пусть это дорого и запрещено. И так, волнами, человечество улучшится, освободится от лишних людей. От тех, кто никому сильно не нужен.

Ну, есть, конечно, в плане тонкие места. Если у младенца отнять мать, младенец ведь ее не клонирует, а она ему позарез нужна. Или истребить всю семью одновременно, потому что она на одну букву. Тут надо малек подумать.

Еще — это же будут не совсем те самые люди. Это будут подобию. Но это ничего. Люди испокон веку плодят подобию.

Хуже другое. Вот у Галины была мать в каменистом северном районе. Была, а год назад умерла. Ну, это ладно, она все-таки старенькая, и еще болела. Но с тех пор никто бы не взялся воскрешать Галину, если что. Конечно, поплакали бы в музыкальной школе, и соседи — ну, по старой квартире, и дальние родственники, и даже, возможно, бывшие одноклассники. Галина никому не сделала зла, от нее шел какой-никакой свет, пусть неяркий, вроде как матовый, рассеянный, но никто конкретно не стал бы сильно тратиться и рисковать, клонируя ее.

Вот тут, поразмыслив, мы сворачиваем соблазнительный план улучшения человечества, а заодно с ним — и другие соблазнительные планы улучшения человечества.

Вот какое слово пришло в голову Галины после обеда на борту, когда все крохотные корытца были опустошены и стюардесса унесла пластмассовые останки. *Шлюзы*.

То есть существует какая-то сумма любви, разлитая между людьми на планете. Вроде суммы воды в морях и океанах. И увеличить ее, наверное, невозможно. Иначе Бог бы увеличивал, и увеличивал, и это были бы уже не люди, а какие-то светящиеся коконы любви.

Эта неизменная сумма любви должна хорошо циркулировать, свободно литься туда и сюда. Но иногда ей мешают шлюзы.

Это когда встает какой-то барьер в груди — и вроде хочешь сказать хорошие слова, а что-то вяжет рот, как эта... хурма. Раз — и момент прошел, поток любви нашел другую дорогу, возможно, вообще помимо людей, так, ветерком по пыли на асфальте.

И если бы не было шлюзов... если бы не было шлюзов, возможно, она была бы не здесь, не в этом самолете, а с детьми и мужем, где-то там, в городе, а возможно, с детьми и мужем в этом же самолете... Тут Галина взглянула на Валерия. Тот наивно глядел в окно. И Галина с пугающей ее саму отчетливостью поняла, что очень любит этого человека. Не Василия даже, а именно его, в этом трогательном фартуке — хотя сейчас, разумеется, он был без фартука. И вообще, благодарна за то, что все шло как шло, раз пришло сюда.

Спасибо тебе, Господи, за всю историю человечества, раз она пришла сюда. Спасибо за то, что у нас родились именно наши дети, а не какие-то другие, возможно, идеальные. (Странно, что это шептала Галина, у которой не было собственных детей, разве что ученики.) И за этот неяркий свет, прилежно продолжила она, и за этого соседа с ноутбуком.

И вообще...

Что характерно. Алик, добравшись до дома, не стал предпринимать никаких естественных действий. Даже — пить коньяк, звонить Павлику или плакать. Вместо всего этого он с нечеловеческим вниманием обратился к собственной дочери.

Он, соблюдая минимальную деликатность, за несколько суток вник в ее учебные обстоятельства, и в скромную личную

жизнь, сводящуюся покамест к тонкостям отношений с подругами, и в полудетскую космогонию и философию. Он как бы наверстывал упущенные офисные годы.

А что? Клон успешно сводил концы с концами — и нос затонувшего было судна уже вырвался сквозь толщу вод к небесам. Павлик воспрял и заключил пару знатных договоров. Прошное исправлялось, будущее очерчивалось.

— Схожу в магазин, — сказал Алик. — Настя, пойдешь со мной?

— Пошли, — отозвалась дочка.

Они молча, по-деловому пересекли двор.

— Папа, — вдруг спросила Настя, — а ты доволен жизнью?

Алик подумал.

— Скользкая формулировка, — ответил он. — Неприятен человек, довольный жизнью. Прямо кот какой-то, а не человек.

— А ты что, не любишь котов?

— Нет, котов я люблю. И людей, в общем, тоже люблю, хоть и меньше. Но, понимаешь... правильно, когда человек похож на человека, а кот — на кота.

— Получается, человек должен быть доволен жизнью?

— Нет. Доволен, но не совсем. Хоть где-то должно чесаться, саднить.

— А где у тебя чешется?

Алик опять подумал. У него выпадали целые рабочие дни, когда приходилось думать меньше, чем за этот вроде бы безобидный променад в магазин.

— У меня чешется, — наконец, родил он, — что я не все успел, чего хотел, и стал не кем мечтал.

— Круто, — сказала Настя.

Они дошли до магазина, купили пару пакетов разных там йогуртов и творожков, папе копченую колбаску и вернулись домой, не сказав больше ничего существенного.

Алик сдержал слово — Виталию сняли квартиру. Так как цены, несмотря на долготечущий кризис, падали очень неохотно, квартиру на окраине, уже в виду гигантского кольца, своеобразного вечного двигателя. В том же направлении от центра города, что и офис, но дальше.

Читатель ждет совпадений. Что ж — здесь их не произошло. Окраина большая, и съемная квартира клона из капельки

пота оказалась довольно далеко от квартиры Галины, где проживал клон из следа губ на фужере. Тем более что сейчас он вообще был на югах.

Но никто не мешает нам с вами представить себе, что случилось бы, столкнусь нос к носу Виталий и Валерий. У Валерия, скорее всего, ничего бы не екнуло — если не предполагать чего-либо сверхъестественного, с дециметровых телеканалов. С Виталием сложнее.

Он, заметив на полях, обнаружил личное дело покойного бухгалтера и изучил его фото. Нечеловеческая цепкость и догадливость могли бы в принципе привести его к мысли о втором клоне — так сказать, генетическом брате.

Но это все гипотезы, сослагательное наклонение. А пока что молодой человек Виталий вместо сиротской ночи на диване чинно садился в автобус, никогда не подныривая под турникет, а всегда исправно суя билетик в валидатор. (О! Как я мечтал хоть однажды употребить это гордое слово — и вот удалось.) Доезжал до своей квартиры, зажигал свет, смотрел телевизор, никогда не смеясь — то ли в него не было вмонтировано чувство юмора, то ли такое у нас телевидение. Потом гасил свет и ложился спать.

Личная жизнь... Скажем определеннее: личная жизнь, если там у тебя не проставлена галочка.

Давайте скажем прямо: все мы видели ученых или другого рода деятелей, у которых Господь отчетливо засадил галочки в другие графы. Не то чтобы это племя совсем уж стерильно. Жизнь длинна; в нее поневоле вмещаются и второстепенные мероприятия, не для галочки. Какая-нибудь моложавая соседка или подруга сестры встрепенется — да и приберет к рукам одинокого профессора.

Не то чтобы у Виталия совсем не стоял этот вопрос. Подчас вставал. Но — скажем так — молодой бухгалтер был очень инфантилен в этом отношении. Красивые девушки привлекали его взгляд — и на улице, и в пресловутом автобусе. Но заговорить с ними и мысли не возникало. В офисе, помимо Светланы и Марины, клон женщин не видел. А Светлана и Марина постепенно примелькались, взгляд замылился. Хотя они были очень даже ничего из себя —

настоящие породистые секретарши. Но когда Виталий повстречал их впервые, его буквально распирала установка на деловую активность. Так их замечательные внешние данные отошли на глубокую периферию.

Другое дело — Валерий Геннадьевич. Его распирала установка на личную жизнь — тут-то он и увидел Галину. И, сами понимаете, завертелось.

Из Симферополя они рванули не в мажорную Ялту, а на бочок полуострова, ближе к Феодосии. Сняли какую-то фанерную комнату — а много ли надо на юге летом? Подобие стен, подобие крыши.

Оказалось, что клон превосходно плавает. Здесь раскрою вам секрет: на всякий случай все клоны превосходно плавают — кому нужны лишние расследования?

Валерий за неделю похудел, помолодел, загорел. Но, заметим, Галина больше не гналась за внешним сходством клона с исходником. И не потому, что Василий на юге тоже бы загорел, похудел, помолодел. А потому, что любила теперь этого человека, Валерия Геннадьевича.

Они облюбовали местечко на пляже, и понемногу у них стабилизировались соседи. Украинская пара средних лет, полноватые супруги с мягкой непрерывной речью.

Изредка всплывали не то чтобы вопросы, а как бы ситуации, где Валерию приоткрыть бы прошлое, — и у Галины сладенько замирало сердце. Ей против всякой логики было *интересно*, хотя что тут интересного, помилуй Боже...

Например, пожалуются украинцы, что никогда не были на Балтийском море. Галя скажет, что, конечно, была — особенно если считать Питер. Да если и не считать Питер, была. И тут вроде как реплика Валерия Геннадьевича.

— Балтийское море, — говорит он, хитровато улыбаясь, — понятие растяжимое. Там есть заливы в заливах — это как считать, море или нет? И мелкое... бывало, километр топаешь, а всё по щиколотку.

Клон прищуривается — что он видит там, в своей загадочной памяти, кто знает? Мелкое море с этим волнообразно нарезанным песком типа пюре в тарелке, с соснами и чайками? Или бегущую строку с информацией?

У Галины кружится голова, как перед прыжком с гигантской вышки в море по щиколотку.

— Валера, а ты был на Балтийском море?

В первую секунду... ну нет, секунду — громко сказано, десятую долю секунды — Галине кажется, что она обрушила все. И сейчас очнется в своей старой квартире, у разбитого корыта, с новой ложкой в руках, которой покойный никогда не касался.

Ей (в ту же десятую долю) кажется, что море замирает, забыв треснуть волной по камням. Что чайка зависает в воздухе.

Но нет... Мир живет, как жил, Степан разрезает грушу перочинным ножом, капает сладкий сок.

Валерий хитро улыбается.

— Не так важно, был ли человек на море. Важно, что море живет в человеке.

— Валерий, вы поэт, — восхищается Ганна.

Но это Ганна восхищается, а Галина отчего-то недовольна глубоко внутри.

— Слушай, ты, — пихает она помолодевшего бухгалтера темной ночью. Фанерный домик ходит ходуном. — Так ты был на Балтийском море или нет?

— Я помню его, — мелодично говорит клон после паузы. — Отчего бы мне его помнить, если я там не был? Хотя, с другой стороны, я помню очень много разного. Вряд ли это могло вместиться в одну человеческую жизнь. Знаешь, я думал об этом.

Галина внутри себя обрывается и летит вниз. «Вот, — успевает отчетливо подумать она, — и конец».

— И вот что мне кажется, — спокойно говорит клон. — Что у меня как-то обрушилась стеночка между культурной памятью и памятью обычной. Я вот так вот твердо, буквально помню, по сути, только пару последних месяцев. Тебя, нашу квартиру, Евгению Львовну, Александру Захаровну.

Галина догадывается, что он так конкретно называет бабушек на скамейке. Надо же, кто бы мог подумать — *Евгения Львовна, Александра Захаровна...*

— А старую нашу квартиру помнишь? — спрашивает Галина. Она хочет все вбить в этот разговор. Чтобы потом ходить везде без опаски.

Клон всматривается в темноту.

— Нет, — говорит он наконец. — То есть я помню массу квартир. Люстры, окна, лица. Но где из них наша — никак не найду.

— И черт с ней. И правильно. Валера, я так тебя люблю...

Виталий свел, наконец, концы с концами и написал настолько образцовые инструкции для ряда сотрудников, что возникло невольное подозрение: а человек ли их писал? Впечатление такое, что они выпали из некоего универсума, чересчур идеальные для нашего пестренького мира.

Алик не соврал и предоставил молодому кризисному бухгалтеру щедрый оплачиваемый отпуск. И Виталик полетел в Крым — заодно и документы испытать. Все действовало: паспорт, билет, самолет.

Денег у него хватало, и он предпочел козырную Ялту. Он вообще рванул бы куда-нибудь в Испанию, но для этого требовался международный паспорт, а он не входил в пакет фальшивых документов. «Ну и хорошо, — размеренно думал клон. — Вернусь — сделаю настоящий».

На пляже, старательно загораая, Виталий оценил свое молодое тело. Так как студии никто не заказывал его портить, тело было свежее и образцовое, как инструкции сотрудникам — или как картинка из анатомического атласа. Виталий решил познакомиться с девушкой.

Одно обстоятельство, впрочем, здорово ему мешало. Он не хотел врать, а правду говорить было опасно и вообще нельзя. Здесь, наверное, уместно немного подробнее прокомментировать соответствующую уголовную статью.

В основном ответственность падала на студию — главного субъекта преступной операции. Она по закону закрывалась (впрочем, она по закону и не существовала). Конкретные исполнители платили гигантские штрафы и получали взамен хорошие сроки. Заказчик тоже не был обойден вниманием закона — он нес уголовную ответственность. Сам клон был окутан тяжелым молчанием. То ли это было упущение, то ли сознательная неопределенность. Остается гадать.

Ну, рассуждая логически, документы его точно изымались как фальшивые. По-

лучалось ориентировочно человеческое существо без имени и легитимного происхождения. Закон не утверждал, что клон является человеком, тем более — гражданином Отечества. Не утверждал и обратного. Если это решительно не человек, то с ним, в принципе, можно делать все: распылить на атомы, распилить на органы, заставить в качестве атланта поддерживать балкон какого-нибудь новодельного особняка. Но тут, сами понимаете, начнут вонять правозащитники, заворочаются эмбрионы гражданского общества, поднимет большую голову Запад... Конечно, на них, по большому счету, плевать. Но...

Знаете, на ум не приходит никаких сильных доводов. Безусловно, наше мощное единое отечество может расквасить клонированную человеческую особь в мокрую труху. Да и неклонированную может. Поводов для сомнения нет.

Поэтому второй вариант мы рассмотрим чисто факультативно, для забавы.

Допустим, мы признаем клона человеком. Вроде как нотариально его заверяем.

Тогда, безотносительно к его биологическому возрасту и компетенции, юридически это малолетний подкидыш. Государство устанавливает над ним опеку и отправляет в детский дом. А уж что там будут с ним делать — это, как говорится, вне правового поля. Наверное, используют на кухне. Ну, то есть в хорошем смысле: будет картошку чистить, воду носить. Пока документально не повзрослеет, а биологически не состарится.

Виталий это все понимал. Его вообще отличала высокая ясность мышления, которую невнимательный собеседник мог бы принять за цинизм.

Итак, что он мог сказать девушке? *Здравствуйте, меня зовут Виталий.*

А кто тебя зовет Виталий, добрый молодец? *Алик и Павлик, два мужика под полтинник.*

А как давно они тебя так зовут? *Пару месяцев, красавица.*

А где ты был до этого? *А нигде.*

А кто твои родители? *Либо никто, либо Алик и Павлик.*

А как же они тебя сделали? *Не знаю. Из чешуйки перхоти на рабочем столе.*

Из случайно найденного седого волоса. Из отпечатка пальцев на дверной ручке. Из капельки пота.

И кто же ты после этого? *Человек.*

Маловероятно, конечно, что девушка на пляже сгенерировала бы этот столбик вопросов. Но они висели в прозрачном воздухе ялтинского пляжа, шевелящемся от жары.

И Виталий в глубокой задумчивости входил в воду, умело рассекал ее своим красивым телом, потом выходил и тщательно загорал, не забывая поворачивать себя, как оператор гриля.

Ему казалось, что он сам, непонятно как решившись, познакомился с Олей, длинной и тонкой девушкой, похожей даже не на фото из глянцевого журнала, а на карикатуру. Это иллюзия — Оля взяла инициативу в свои длинные руки. Для начала она обронила возле Виталия темные очки. Они начали их искать в покрывале — и соприкоснулись в трех или четырех горячих точках. И завертелось, и обнаружилось у Виталия чувство юмора (значит, все-таки телевидение не фонтан), и был, как говорится, вечер, и была ночь...

Виталий потерял девственность с некоторым разочарованием — определенный опыт был в него вписан, и полной радости первооткрытия не произошло. С другой стороны, задним числом сообразил он, молодой атлет-девственник вызвал бы ряд вопросов, равно закономерных и неуместных.

Оля всю страсть вкладывала в этот классический курортный роман. Влажный воздух, синее небо, мгновенная ночь без сумерек, запах роз, резкое мяуканье кота — все вплеталось в единый жгут, и если это не жизнь, то что жизнь? Виталия, однако, немного пугала избыточная страсть, избыточная интенсивность горения. *Что у человека на уме — кто знает?* Оля как будто предполагала выжечь все еще до поезда... до самолета. Виталий не задавал лишних вопросов, чтобы не нарваться на встречные, поэтому даже не знал, поездом или самолетом отправится Оля. Строго говоря, он даже не знал, в тот ли город, что и он, — но это было написано у девушки на челе; присмотревшись, можно было даже угадать, в

каком поколении и внутри какого из колец располагалась семья Оли в городе.

Вообще — что можно узнать про человека, не задавая вопросов... Виталий смотрел на сказочную девушку. По ней нельзя было понять, какой она была школьницей, как по виду бабочки нельзя распознать ни куколку, ни личинку. Несмотря на молодость, в Оле не осталось ничего детского. Она была похожа... Виталий перешагнул через опасения и продумал мысль до конца — на клона, появившегося вот таким вот. Совершенным без набросков и эскизов.

Ну и что — продумал и продумал. Солнце не рухнуло в море.

Прошрое Виталия было кургузым и однообразным. Будущее было... как-то не монтируется подлежащее со сказуемым — что ж, скажем иначе: будущее брезжило насквозь неопределенным, как иногда снимаешь против света — и наткнешься объективом на сам свет, разбитый и рассеянный каким-нибудь острым углом. То есть Виталий, не созданный жить настоящим, вынужден был жить настоящим.

Вдохнул, выдохнул — и растворился в море и любви.

Кончилось лето. Кончился отдых — на юге еще быстрее, чем лето целиком. Галину с сентября ждало сольфеджио в музыкалке, а пока она маялась в прожаренных стенах дешевой городской квартирки. Две хозяйки у одной плиты — благо нашелся второй фартук. Виталий вернулся к исполнению должностных обязанностей. Справедливости ради уточним, что его старались не использовать попусту. Так что он по большей части отдыхал, блуждал по Интернету. Иногда пробовал связаться с вытянутой, как хромосома, Олей, но удавалось это редко, а встретиться — и вовсе раз за июль-август, а больше, чем просто встретиться, — ни разу.

Мы надолго упустили из виду Павлика — что ж, он всерьез увлекся поисками смысла жизни — и вообще как мероприятия, и собственной. Чему тут удивляться — тому, что эта тема вдруг заинтересовала его, или тому, что не интересовала раньше, — решать вам.

Впрочем, до серьезных выводов Павлик пока не дошел.

Тут мы и оставим их на время, пока не похолодает, да не ливанет, да не пожелтеет кудрявая городская листва. Что возьмешь с беззаботного лета? Но если кратко обобщить, свести чаяния этих людей к одному простому девизу, это будет легкая тоска *по чему-то еще*.

Все чаще Валерий Геннадьевич надевал большие очки (откуда, кстати, они появились в доме?) — и обескураженно их снимал, не находя применения обостренному зрению. Виталий твердил себе, что просто скучает по Оле, в крайнем случае — просто томится по любви. Но сердцевина его тоски была в другом. Он как бы опробовал бытие в двух режимах — сплотившись с компьютером в решении сложной специальной задачи и сплотившись с другим человеком в вихре, так сказать, страсти. Но... должно же быть нечто общее, ствольное, центральное, что придает долгий смысл этим двум состояниям — и, наверное, еще несколькими другим. И этого центрального Виталий пока что в себе не находил.

И что совсем уж удивительно, Галина время от времени, подчиняясь безотчет-

ному чувству, без слов оставляла дома гражданского мужа; как была, в сарафане и босоножках, выходила из подъезда и шла куда глядели глаза, на границу монотонного квартала — и за эту границу. Очнувшись, находила себя среди пустырей, поросших жесткой высокой травой, в виду маргинальных железных дорог, громыхающих автобаз, полуразрушенных заводов, узкой карей реки с черным железным мостом — малопригодным для человека и совсем непригодным для кого бы то ни было еще. Понутившись, Галина брела домой — а куда же ей прикажете брести...

Что-то еще... Однажды мы отдыхали на юге, и каждый раз после плотного обеда один паренек из нашей компании твердил, что ему не хватало чего-то еще, какой-то мелочи... чашечки кофе? пирожного? — спрашивали мы, а он лишь морщился, улыбался и качал головой, как вдруг нашел, сказал: «О!» — и сожрал целую жареную курицу.

Что-то еще... *Что-то еще...*

***

Сегодня небо то вспыхнет, то хмурится, то ли хлынет дождь, то ли все-таки нет. Тускло полыхает в проеме улицы то ли новый квартал, то ли просто неяркий свет. Что-то еще спрятано между домами, в тени тополей и лип, в сумеречных дворах. Женщина трет стекло в деревянной раме. Ветер метет по асфальту какой-то прах.

Тишина, вроде покой, а внутри — тревога. Троллейбус неуклонно растет оттуда сюда. Людей немного, автомобилей немного, за рядами домов угадывается вода.

Я здесь гулял, немного любил, искал дешевой свободы, смеялся с друзьями, спускаясь двором к воде. Подолгу смотрел на шлюз и просто на воду. Будешь нигде — значит, и был нигде.

Сохрани меня в тени этих серых зданий, в тени тополей и лип, на самом краю двора. Вряд ли случится так, что вовсе меня не станет: если исчезнешь завтра, где же ты был вчера?

Шлюз, перепад высот, влажный зеленый камень, тут — город, там — садик и огород. Кажется, что дома пробираются между нами, а не наоборот.

Был у меня друг. С годами встречались все реже. В августе умер — что я помню о нем? Ветер над водой гниловатый и все-таки свежий. Лет двадцать назад, таким же пасмурным днем мы с ним вышли сюда, только на другой берег, не имея в виду выйти конкретно сюда. Вдруг кончился лес, как будто раскрылись двери, — и перед глазами чешуйчатая вода.

Память возвращает, пусть неохотно; память, как троллейбус, оттуда сюда доносит смех — нервный, но беззаботный, роет тоннель сквозь осыпавшиеся года.

Здесь есть и тоннель, но света больше в тоннеле, чем в конце тоннеля: пасмурный день вокруг. Верхом идет канал, дышит вода — и мне ли сетовать на судьбу. Разве что — умер друг.

Где он теперь? Трудно, тревожно представить. Видит ли он — шлюзы, канал, меня? Что для него: воля, зрение, память? Пасмурный день — или изнанка дня?

Чайка летит над водой, спутав море и город. Чайка летит, как будто машут платком. Вот уже чуть видна, еле видна, и скоро скроется в этом небе — сером, почти никакком.

ПРОЗА ПОБЕДИТЕЛЕЙ

НИКОЛАЙ СТОЛИЦИН

(г. Евпатория, Украина)

Николай Геннадьевич Столицын.

Родился 31.10.1974 г. в Абакане, в 1980-м переехал в Крым, в Евпаторию.

В конце 90-х учился в Литинституте им. Горького, на семинаре О. Николаевой.

Сотрудничает с «Ленфильмом» в качестве сценариста. Работает с ВИА «Бомбейские шпингалеты» в качестве автора текстов и вокалиста.

Является бессменным автором и режиссером театрального проекта «Трое из саквояжа».

И т. д. и т. п.

Длинный, предлинный...

1. Маменька

— Строй держать...

Строй?

— Петечка...

— Бр-р-ратцы...

Братцы?

— Петечка?

Лоб горячий... Перекупался, наверное. Или на батарее продуло. Ох, батарея, ох, мичман... И братцы оттуда!

— Строй держать! Они, сволочи, русского матроса...

Захрипел. Закашлялся.

— Русского матроса на фук?!

Разметался Петечка. Волосы слиплись. В поту весь.

Севастополь за окнами. 1854-й. Лето. Тихое. Мирное. А Петечка...

— Петечка!

— Покажем, братцы... сволочи этой, как матросы дерутся... русские... А? Что?

Успокоился. Улыбнулся.

— Петечка...

Ий! Матрена кашу сожгла. Гарью тянет.

— Дура...

Ничего, Петечка успокоился, можно и Матреной заняться...

2

— Васенька...

Всю ночь царапался, спать не давал, а теперь — дозовись!

— Ва...ва... васенька...

Зевают Петр Васильевич... потя-а-агиается...

День впереди — дли-и-инный. Солнечный. Можно и в море, и на батарею...

— Васенька...

Заправиться только. Без завтрака сытного — никуда.

Чего там? Рыбою пахнет? Ух! Значит, маменька постаралась. Рыбу она сама. И почистит, и...

— Васенька! Черт тебя!

Значит, заправиться, а потом — к морю.

— Васенька!

Васенька?

Ох, маменька... Приучила! Ну какой он Васенька?!

— Василий Петрович! Василий Петрович!

Вот он!

Тоже потягивается. Ва-а-ажный. С полосками. А Петр Васильевич его — Васенькою?! Фи.

3

Петру Васильевичу руки мыть... зу-убы чистить, а вода — бр-р — холодная.

А маменька еще и Василием Петровичем попрекают: вот, мол, Василий Петрович — чистюля, светится аж. В отличие...

А Василий Петрович — потя-а-анулся, сволочь, и ну языком наяривать. Пройдет полоску, другую... Язык у него — шершавый. Пылинки — вон.

А Петру Васильевичу...

— Петечка!

Петр Васильевич пузыри пускает, делом занят, а его...

— Ру-уки!

Руки! Намылить их... и... и... и — раз — брызги полетели! В Василия Петровича!

А, прячешься! То-то же! И о шерстке забыл... Чистюля!

4

Руки маменька... про-ин-спек-ти-ро-ва-ла — можно и за стол. Чай пить. Утренний.

А потом — обеденный, а потом...

А ежели не в срок, а так — по желанию?

А ежели с молоком? Ведь уже и не просто утренний, а с молоком?

А ежели...

— Не вертись!

А ежели молоко... без чая?

— Петечка!

Не вертись! А может, он и не вертится, а природу, так сказать, изучает? Чайную... Ий, горячо! Как-кая у него природа? Сволочная природа. Жжется — и всё тут. Утренний, вечерний.

5

— Ох уж этот мичман... Петечка, ну, откуда у тебя все эти сволочи?

Петечка? Пе-е-етечка?!

— Mon ange, этот plouc с его сволочами...

Правильно все. Правильно...

— Mon ange...

Маменька и рубашку поправит, и пожурит... ласково, с пониманием, и все mon ange, mon ange...

А Петру Васильевичу хочется... чтобы вразрез, чтобы не по правилам, чтобы не духами, а... порохом, чтобы сволочь звенела...

— Петечка, я с тобой разговариваю!

Петечка? Ах, Петечка!

— Maman, je comprends.

Улыбается Петр Васильевич, Петечка то есть.

— Ах, Петечка, ты действительно ange.

— Maman, je comprends.

Кухарка о мичмане донесла... Вот... сволочь!

Так, а это уже не ange, не Петечка, это уже...

Главное — чтобы маменька не заметила, а то не видать Петру Васильевичу ни батареи, ни мичмана.

— Maman, j'ai vraiment... — замялся немного, — ange. Ей-богу.

6

Петр Васильевич Василию Петровичу — карасей. В сметане. Маменька жарила. С лучком.

Нет, лучок выбираем-с: Василий Петровича несет с него, проклятого.

Да, уважает Петр Васильевич Василия Петровича. За усы, да натуру полосатую. Потому и ковыряется в карасях, лучок выбирает.

— Одна, еще...

А Василий Петрович так и вертится, так и...

— Держите, Василий Петрович. Маменька жарила.

Маменьку Василий Петрович уважают. За тряпку, наверное. Маменька их — тряпкою. Ежели что.

А при уважении и караси — не караси. Утешение сплошное. В сметане. С лучком...

Ничего, при уважении и лучок не помеха.

7

Мое почтение! Только на батарею собрался, ан нет же — за азбуку принимайся.

Азбука! Скука скучная!

— Ко-ро-ва.

Разве это — корова? Корова — это Машка соседская, с рогами... и травку жует. И глаза — гру-устные.

Вот — корова. А это? Так, название. Ко-ро-ва.

Петру бы Васильевичу с Машкою повидаться, рога изучить, вымя, а он — слова изучает. Наука, тоже! Корову читать. По складам. Когда солнце, воздух прозрачный и — Машка мычит, хвостом мух гоняет. Большая, те-оплая. Там! А тут — ко-ро-ва. Ни хвоста, ни мычания.

8

Папенька у Петра Васильевича по министерству проходят. Бумажками занимаются.

— Ваше превосходительство!

Это — сапожник, Алёшка хромой. Сапоги принес. Увидал папеньку и — во фронт.

— Ваше...

Папенька кивает: ничего, мол, Алёшка, ничего. И опять за бумажки. Листает, выписывает.

— Ваше...

Для Алёшки-сапожника! А для Петра Васильевича — ты.

— Ты сахару будешь? А чаю?

Не важно, что после, главное — ты.

Для всех — Ваше превосходительство. Даже для мичмана, для Сергеева. Даже... даже для лавочника. Чтоб его!

А тут — ты.

— Ты, ты, ты!

А, каково? Ваше превосходительство?

Улыбается папенька... улыбаются Их превосходительство.

9

Петр Васильевич Василя Петровича на примерах личных воспитывал — «в духе гражданской совести и ответственном»... в общем, в духе.

Хочется, например, Петру Васильевичу в пиво папенькино перцу насыпать, а он... ни-ни. Ибо перца посредством натуру он свою угнетает. Гражданственную.

Или Алёшка-сапожник. Нет чтобы дурака ему запустить... потихоньку, вслед, ну, и рожицу скорчить... Гражданственность не позволит!

А Василий Петрович мыша поймал. Гоняет его. Никакой гражданской совести. Ущемляет, сволочь, права мышиные — только клочья летят.

— Ах ты...

Затрещина — не пример. Но действует ку-уда безотказнее.

А после — можно и о примерах...

10

Мичман Петра Васильевича по запаху узнают.

— Ишь, барчук! Мыло-то аглицкое... с земляникою...

Или:

— На французское потратились? Ух...

Или:

— А это уж перебор! Этаким разве что сволочи министерские...

Петра Васильевича досада берет: неужели в Петре Васильевиче — ничего, кроме аромата заморского?

Потому и шлепает Петр Васильевич по лужам да оврагам, чтобы пахло от него... травами, землею сырою, да не аглицкими, не *supplémentaire*, а своими, русскими...

Интересно, распознает мичман? Или опять за старое?

11

На батарее — пу-ушки. Мичман Сергеев и пу-ушки. Мичман канониром при них поставлен, при пушках. Заведует, то есть. Начальство, то есть. Пушечное.

Петр Васильевич к нему издалека: уж больно суров...

— Господин мичман!

Начальство пушечное. Папенька бумажками заведует. Тоже начальство. Но бумажки — и... и пушки? Разница!

— Господин мичман, господин мичман!

И — подальше, подальше...

Ишь, зыркает...

— А ну!

Это — мичман, что ли? К нему, что ли? Дёру тогда...

Нача-а-альство, а внимание обратили. Значит, и Петр Васильевич — не пшик, человек! Значит, и маменьке можно о правах заявить. А то «выдеру, выдеру!» Человек! Начальством отмеченный! Такого выдери! Да-с.

12

У Петра-то Васильевича... и ленточка есть. С собою. От бескозырки. С надписью. И кончик у нее — бе-елый. От соли.

Ленточка... и... и...

— Глаза у тебя, паря... морские. Синие — жуть.

И — глаза!

Поближе подобраться?

— Да ты не робей, паря!

Хохочет мичман. Зубами сверкает.

Чувствует мичман душу родственную. С ленточкою. И глазами. Потому и — хохочет.

— Ну! Ну! Не бойсь!

А кто боится?!

С ленточкой и — глазами? Бояться?

— Да чтобы с места не того... *pas aller*, если того, — *peur*.

Хохочет мичман. Аж глазами прыгает.

— Хо-хо... с места... хо-хо...

Петр Васильевич и сами бы хихикнули-с, из вежливости, да как-то... нет, не страшно — ответственно: как бы перед мичманом не *goof*.

Ах, *effrayant*, господа, *effrayant*...

13

Пушка у мичмана... Пу-ушка!

— Потрогать хочешь?

По... потрогать?

Петр Васильевич носом хлюпнул. От счастья. Пушку потрогать? Йих!

— Дура чугунная... Ишь, притихла.

Большая, страшная... Нет, не страшная. Ни капельки!

— Притихла...

Трогает Петр Васильевич... пушку... Те-оплая. Солнцем ее нагрело.

— Мо-олчит, не огрызнется.

Те-оплая.

— Эх, хорошо, что мир нонче. Хорошо, что пушка молчит... Ей-богу, хорошо. Ты-то, паря, не знаешь, как она разговаривает.

Я — знаю. Нехорошо она разговаривает. Страшно.

Пу-ушка-то — ух... и язык у нее — особенный: «У-у-ух!»...

Дрогнул Петр Васильевич.

Нет, уж лучше молчит... теплая и — молчит. Хорошо-с.

14

Мичман котелок поставили... перед Петром Васильевичем поставили, крышку открыли-с.

— Провизия, паря!

Щи вроде. С виду. Сметана плавает. Капуста... А нет же — провизия!

У Петра Васильевича соусы в брюхе... с грибами, шампиньонами, паста латинская, а есть, черт его, хочется! Ведь провизия же. Не щи, не соусы! Провизия!

— Про... провизия!

И слюны полон рот, и в брюхе...

— Да, паря, его не обманешь, брюхо-то. Чует оно. Оттого и урчит.

Не обманешь! Ни грибами, ни пастой.

— *La cuisine simple de Russie.*

Так маменька говорит. И морщится.

А господин Сергеев — смачно, с оттяжкой:

— Пр-р-провизия!

И всё — заурчало оно, брюхо то есть.

Не сметана с капустой — провизия, так ее и растак!

15

— Да-а...

Мичман Сергеев.

— Да-а...

Петр Васильевич.

— Да... так и стоим... на страже!

Так и стоим. На страже. А чего?

— А чего? Известно, чего. России.

Как — России? Где она, Россия? Крым!

— Россия, паря, она — бо-ольшая... и... и — маленькая. Ты, например, — маленькая...

Маленький?

Петр Васильевич на цыпочки встал. Вытянулся.

— Ма-аленькая, а тоже... Россия!

Кто Россия? Петр Васильевич? Россия?

— И я — Россия. И — пушка. И — море.

— И... провизия?

— И провизия. Все — Россия. Ты — маленькая, я — побольше... море — еще больше, небо — совсем большая... Россия!

Россия...

— Вот море, теплое оно... понятное, родное... и небо — родное, и... русское! Понимаешь? Русское! И море, и небо, и... Так-то, паря. Да.

— Да.

Петр Васильевич.

— Да.

Мичман Сергеев.

— Да-а...

16

А море-то, море... Ох, заливают мичман! На глаза похожее! Море!

— Ох...

Красота...

И день закончился. Вроде бы летний, вроде бы длинный, а уж и звезды рассыпало...

— *Beauté*, чтоб тебя...

И море шумит. Ласково так. Ла-а-асково...

— *Élément sans limites!*

Окунуться бы... да нельзя: дисциплина! Только от мичмана, а дисциплине — *adieu*?

Эх, закончился день...

Караси да соусы, да провизия, да... и — все, звезды рассыпало.

— Тоже мне — дли-и-инный...

Ленточки не длиннее.

17. Маменька

Маменька рот открыла...

— Сказку? Петечка, ты же... взрослый совсем!

Взрослый! А ежели опять — «бр-ратцы»?

Устал Петечка. Целый день — взрослый. Летний, длинный... Устал!

— Сказку...

Петечка зе-е-евнул доверительно: сказку!

— Ох, Петечка...

Задумалась маменька, вспомнила, как Петечка в ночь предыдущую «строй держал».

— Сказку...

Петечка Ваську под бок: слушай, сволочь...

— Слушай... В Севастополе, в 1854-м, в июне... мальчик жил, на тебя похожий, только звали его — Петр Васильевич...

Засопел Петечка: про него сказка... ну, почти...

— Этот *enfant adulte* кормил своего кота карасями, и ждали его за окнами — море, Севастополь и длинный-предлинный день...

АЛЕКСЕЙ КАРАКОВСКИЙ

(г. Москва, Россия)

Алексей Караковский — прозаик, поэт, музыкант, публицист, переводчик. Родился в 1978 году в Москве. В 1996–2002 гг. много путешествовал автостопом. В 2000 году окончил факультет педагогики и психологии Московского педагогического государственного университета по специальности «социальный педагог, психолог»; позднее окончил аспирантуру, но от защиты диссертации отказался. Произведения публиковались в журналах «Крешатик», «Сибирские огни», «День и ночь», «Октябрь», «Дети Ра», «Кольцо А» и др., в литературной периодике Германии и Израиля, самиздате. С 2007 года — член Союза писателей Москвы. Книги «Вспомни что-нибудь» (2007), «Рок-н-ролльный возраст» (2008, 2010), «Автостопом во Владивосток» (2010).

Основал ряд литературных проектов, самыми крупными из которых являются литературный интернет-журнал «Точка зрения» (2000), литературный журнал «Контрабанда» (2007), литературный конкурс произведений о музыке «Бекар» (2001). Кроме того, с ноября 1998 по март 1999 года вел литературную страничку в газете «Бард'Арт», пропагандируя творчество молодых авторов. В 2006–2007 гг. работал шеф-редактором интернет-журнала молодых писателей России «Пролог». С 2007 года возглавляет собственное издательство «Современная литература в Интернете» (специализируется на издании книг), а также руководит журналом о современном искусстве «Контрабанда».

БЕЛОЕ МОРЕ, ЧЕРНАЯ КОШКА

Заброшенная железнодорожная станция оказалась не так пуста, как показалось сначала: из-за леса едва заметно мигал, прорываясь сквозь снегопад, фонарь обходчика. «То, что приходит первым в голову, то и верно», — решил мальчик и побрел через снежные завалы в сторону путей. За пазухой он нес кошку — маленькое черное создание с женскими глазами. Они познакомились полгода назад в маленьком южном городке, и мальчик знал, что на самом деле кошка — вовсе не кошка, а заколдованная девочка. Мальчик любил кошку...

— Кто это там? — удивленно закричал обходчик, услышав шаги.

— Я, — ответил мальчик так спокойно, словно здесь, в Северной Карелии, каждый день из леса выходят блуждающие в пространстве дети.

Его спокойствие постепенно передалось обходчику. «Да мало ли откуда он взялся, какая разница! Замерз, наверное, — вот что сейчас важно...»

— А, это ты... Пошли, чаем, что ли, угощу.

Обходчик был уже немолод. Он проработал на этой станции двадцать с лишним лет, а после того как станцию закрыли, решил остаться. Возвращаться ему было некуда: жена с дочерью уехали в Финляндию, однокомнатную квартиру на Писка-

ревке пришлось продать, чтобы было что разделить при разводе. Жил он совершенно один, и потому был рад любому гостю.

Хозяин поставил чайник на стол и разлил чай по кружкам. Мальчик почувствовал, что он здесь нужен, и даже вспомнил полузабытое ощущение дома. Кошка уснула на его коленях. Мальчик знал, что она тоже рада.

— Откуда ты взялся там, в лесу? — спросил обходчик.

— Из Кандалакши. Не пешком, конечно. Сначала на попутках, потом решил от трассы выйти к железной дороге. Я же не знал, что станция закрыта.

— А куда едешь? — спросил обходчик.

— Не знаю... Об этом я как-то не задумывался. Сначала я приезжаю в одно место, потом еду в другое. Что-то заканчивается, что-то тут же начинается. Обычное дело.

— Но ты, наверное, ищешь чего-то?

— Да, но то, что я ищу, само меня найдет. Я даже не знаю, как сказать-то... В общем, иногда случается так, что действительно необходимо, чтобы произошло чудо. Просто это — единственный импульс, который может помочь нам как-то все изменить. Но его без толку искать. На него можно только случайно наткнуться. А для того, чтобы наткнуться, нужно ехать.

— Я понимаю, о чем ты, я бы тоже хотел чуда. Как ты думаешь, оно придет?

— Не знаю. Может, придет, а может, и нет. Я просто жду, для меня это уже немало. Другие-то сидят дома и ни на что не надеются.

— Но ты блуждаешь где-то, а я сижу безвылазно здесь — так надо идти искать чудо или оставаться на месте?

— Не знаю, — ответил мальчик, — всегда думал, что ничего зря не происходит. Все события — цепочка взаимосвязей, ведущая нас к какому-то результату. Только мы редко это понимаем, потому что целей себе не ставим. Они как-то сами собой возникают, задним числом. Вообще-то, по-моему, это нечестно.

— Я думал раньше, что чем дольше ждешь, тем большее событие должно про-

изойти. Но теперь мне кажется, что это не так, и я боюсь его пропустить.

— А разве чудо — это обязательно событие?

— Конечно, нет. Это особое состояние, исходящее откуда-то изнутри, что-то вроде любви... Да чего толку говорить. Ты же сам понимаешь: те, кто ищут чудо, знают, какое оно, а кто не ищет — тот и не знает.

Обходчик налил еще чаю себе и мальчику.

— Все начинается с любви... — задумчиво шептал он.

Мальчику было тепло и уютно, а кошка уже давно спала на его коленях, уткнувшись в полу куртки.

За окном бушевала вьюга. Небо, связанное белыми бинтами пурги, молчало и не двигалось. С Белого моря обрывками газет летела соленая тоска. Так из нескольких составляющих получалось особое северное Молчание, которое не поймешь и не преодолеешь: кричишь — и крика нет, стучишься в двери — и двери словно убегают от тебя. В эти минуты понимаешь, что очень здорово спать на старой железной кровати в теплом доме рядом с любимым существом. А вокруг тебя на десятки километров — ни души.

Можно было уткнуться лицом в нее, зарыться так, чтобы чувствовать только ее. Она не была против — наоборот, сама вроде бы ждала ласки. Можно было смотреть в ее глаза и ухватывать на их изнанке что-то непонятное, тончайшее — то ли свободу, то ли настоящую, запредельную реальность. Кошка, казалось бы, не возражала и этому: не отводила глаз и наверняка видела намного больше, чем казалось со стороны. Можно было быть с ней всегда рядом — она нуждалась в заботе. Можно было беспрепятственно любить ее и быть при этом чертовски счастливым рядом с ней — уже этого было достаточно. Нелзя было лишь одного: услышать, узнать, любит ли она...

«Обходчик прав. Все начинается с любви, — думал мальчик, глядя спящую на его коленях кошку. — Но что же дальше?»

Свет был неполон.

Успеть запрыгнуть на товарную платформу уходящего поезда — не самая легкая задача и для взрослого человека. Мальчику, впрочем, это удалось, и теперь он двигался куда-то на север — как всегда, со своей кошкой. Он еще не знал, зачем он едет, но уже знал, что за этим последует.

С утреннего неба звонко покати́лась звезда и замерла в воздухе между небом и горизонтом. Мальчик успокоился и заснул. Разбудил его ленивый окрик железнодорожных дел служащего.

— Ты кто? Что здесь делаешь?

Мальчик молчал.

— Где твои родители?

Мальчик по-прежнему молчал, указывая при этом куда-то вверх. Железнодорожник посмотрел на небо и обомлел: в ярком зимнем небе плыла, покачиваясь, стая невероятных розовых птиц с оливковыми глазами. Фламинго двигались на север, куда-то в сторону Земли Франца-Иосифа, и в суровых поморских краях казались (да, собственно говоря, и были) полной галлюцинацией.

На лице железнодорожника отразилось смятение. Этого только мальчик и ждал. Замешательство служащего длилось лишь секунду, но куда там!

— Стой! — разнесся его крик.

На беду около диспетчерской курил сержант транспортной милиции...

В камере предварительного заключения кроме мальчика сидел лишь один человек — пожилой мужчина, задержанный на железнодорожном вокзале по ориентировке: перед этим несколько дней он находился в федеральном розыске.

— Меня посадят за поджог, — сетовал он, — да, за поджог. В мои-то годы...

Он тяжело вздохнул.

— Я родился в Ленинграде. Это сейчас он называется Петербургом, но родился я именно в Ленинграде, таком большом, сером, бетонном городе со множеством серьезных учреждений. Всю жизнь работал в одном из них — кукольным масте-

ром при Театре Советской армии. Я умел делать любые куклы — сначала простые, солдатские, потом сложные, офицерские. Я хотел добиться совершенства. Я мечтал о том, что наступит день — и куклы оживут, мое искусство станет безграничным. И лишь недавно я случайно достиг цели. У меня сразу стали получаться какие-то совсем особые куклы — генеральские, подумал я сначала. Но, представляешь, на первом же детском спектакле все эти куклы вдруг ожили! Они плакали и смеялись, играли свои роли как живые, без помощи актеров! Я был потрясен, я был счастлив. Вдруг стало ясно, что моя мечта сбылась! Но потом мне пришлось остаться в театре на ночную вахту. Как всегда после полуночи, я отправился по зданию, проверяя, всё ли в порядке. Когда я шел по коридору мимо своей мастерской, из-за двери слышался шум. Я открыл дверь и обомлел. Представляешь, эти куклы... мои куклы... они делали бомбы!

Мастер остановился, чтобы перевести дух.

— Вы мечтаете сейчас о чем-нибудь? — спокойно спросил мальчик.

— Какие мечты, о чем ты? Я сжег своих кукол, сжег свою мастерскую, сжег Театр Советской армии. Если бы я мог, я бы сжег Ленинград! У меня нет прошлого, мое настоящее ты видишь перед собой. Как можно думать о будущем в моей ситуации?

— Вы устали...

— Да, я устал! Мне страшно, потому что я тяну на себе опыт жизни! Опыт, потерявший всякий смысл!

— Значит, вы все-таки кое-чего хотите. Вы хотите освободиться от того, что у вас за спиной.

— Это невозможно. Чудес не бывает.

— Почему же? Бывают. Надо только их ждать.

— Так почему же чуду не произойти сейчас? Пусть будет! — воскликнул кукольный мастер — и вдруг остановился, сам испугавшись неожиданного последствия своих слов.

В тот же миг в воздухе растворилась сначала грязная камера, потом грязный

вокзал, потом грязный пристанционный поселок и осталась только огромная поляна в разноцветных цветах, залитая золотым светом. За оградой Летнего сада в полнеба простиралась веселая яркая радуга. Старый кукольный мастер стал выглядеть моложе: черты его лица разгладились, усталость и злость покинули глаза.

Изменился и мальчик. Он стал чувствовать себя немного взрослее, но сердцу было легко и радостно: он знал, что дождался того, чего хотел. И радость эту он мог хранить в себе всегда, не ожидая каждый раз чего-то еще. Тогда лишь он осмелился перевести взгляд на кошку — и обомлел.

Перед ним стояла девочка — та самая, которую он себе представлял, только еще лучше: черные вьющиеся волосы, зеленые глаза, задорная улыбка. И тогда ему показалось, что нет никаких преград для чуда.

— Здравствуй, — сказала девочка.

— Здравствуй, — ответил мальчик.

— Подожди! — успел крикнуть кукольный мастер до того, как мальчик и девочка подошли друг к другу близко-близко и... Он хотел сказать, что они здесь на мгновение, они вышли его проводить... Но поздно. Едва рука коснулась руки, картина померкла, и вот снова все, как было раньше: грязный поселок, грязный вокзал, грязная камера.

Не было лишь старого кукольного мастера.

— А что было потом? — спросил обходчик, разливая чай.

— Потом я без особого труда отделался от милиции — показал им пару стаяк тропических бабочек и огромную пеструю орхидею. Решетку мне отпирал сам начальник, а тут как раз и мурманский поезд пришел, так что путешествовал я с комфортом. Приехав в город, я добрался до моря, увидел, что дальше ехать некуда, и отправился обратно. Сначала электричкой, потом в теплушке. Это было уже проще, чем заскакивать на товарняк... А еще я понял, *что* это было — там, в камере.

— Тебе показали, как это должно быть? Чтобы ты не перепутал?

— Да, именно так. Я просто был свидетелем тайны. Хотя, с другой стороны, разве чудо можно с чем-то перепутать?

Обходчик задумался.

— И что ты собираешься делать дальше?

— Не знаю пока. Скоро весна.

— А я знаю, — улыбнулся обходчик, — первым делом ты попьешь еще чаю.

Надо было разогреть чайник снова, и обходчик пошел к плитке. Он размышлял о том, как хорошо, что однажды в жизни действительно можно дожидаться чуда, как дождался его кукольный мастер — пусть даже сидя в камере предварительного заключения.

А мальчик смотрел на кошку, спящую у него на коленях, и думал о привычных своих маленьких радостях. О том, что можно уткнуться лицом в нее, зарыться так, чтобы чувствовать только ее. О том, что можно смотреть в ее глаза и видеть за ними другие миры. И о том, что ему уже, наверное, никогда не узнать, любит ли она его, как он любит ее...

СЕРГЕЙ ШАМАНОВ

(г. Одесса, Украина)

Я, Шаманов Сергей, родился 2 декабря 1975 года в г. Одессе.

В 1996 году написал свой первый роман и рассказы.

В 1997 году стал лауреатом областного литературного конкурса молодых литераторов, проводимого Одесской областной организацией Союза писателей Украины с рассказом «Бриллиантовые слезы». Рассказ вошел в собранный по результатам конкурса альманах «Южная лира – 97».

В 1998 году на этом же конкурсе стал дипломантом с рассказом «Тень камня», опубликованном в альманахе «Южная лира – 98».

В 1998 году, на заре развития рунета, участвовал в проекте «ОдИн» (электронный альманах, где впервые были представлены произведения одесских литераторов). В указанном сборнике стал единственным автором, который был номинирован на «Тенета-98» (за рассказ «Тень камня»).

Публиковался с рассказами в литературной газете «Южная Пальмира», журнале «Пассаж», журнале «Дерибасовская — Ришельевская» (все — Одесса), а также в журналах «Порог» (Кировоград) и Дон (Ростов-на-Дону).

У ГРАНИЦЫ ПРИБОЯ

— Что ты делаешь в субботу? — спросил Игорь Коробков Анечку Ермолкову и замер в ожидании ответа, глядя в глаза самой красивой девочки школы.

— Проведу время с интересными людьми, — ответила девушка, и сомнения взяли Коробкова — достаточно ли он интересный человек, чтобы претендовать на время Анечки? Но ответить он мог, лишь сравнив себя с этими предполагаемыми людьми, и после некоторой заминки, испытав терпение девочки, настороженно спросил:

— Что это за люди?

— Друзья и родные. С кем еще выходные проводят?!

Коробков залился краской, левой рукой поправил дужку очков.

Они стояли в школьном вестибюле, сноп солнечного света из окна падал на доску объявлений, где дежурный менял расписание. Мимо проходили спешащие школьники, им и самим пора было торопиться на урок.

— Давай пойдем в кино?

— В субботу?

Он кивнул.

— Я подумаю, — сказала Анечка. — До субботы еще целых пять дней, сегодня только понедельник.

— Отлично! — сказал Игорь, и лицо его засияло от радости, не то от предвкушения свидания, не то от того, что он все-таки отважился ее пригласить.

Всю неделю Коробков вел себя с Анечкой учтиво-сдержанно: здоровался по утрам, встречаясь в классе, и взглядом провожал после уроков, когда она в компании подруг шла домой. В пятницу, едва прозвенел звонок, он вскочил, оставил вещи на парте, подошел к девушке и напомнил про кино.

Анечка сморщила лоб, качнула головой и ответила:

— Не хочу в кино. Давай погуляем у моря.

— Давай, — сразу согласился он. — Я знаю один красивый пляж между сопков, за городом.

— Как мы туда доберемся? — улыбнувшись, спросила она.

— Отец даст мне машину, — гордо ответил он.

Проводив Аню домой, он следующим утром был на том же месте за рулем старой папиной тойоты.

Коробков-старший, научив отпрыска вождению, строго-настрого запретил садиться за руль до получения водительских прав, но сейчас был в рейсе, и сын воспользовался его отсутствием. Авто, почти всю зиму простоявшее в гараже, с трудом завелось, нарушитель осторожно доехал до Анечки, благо машин в это время в их маленьком городке не было.

Анечка всю дорогу рассказывала о том, что, окончив школу, отправится в столицу поступать в театральное училище. Игорь сказал, что хочет стать моряком. Анечка вздохнула, явно огорчившись приземленности его стремлений.

Они быстро приехали, Игорь остановился перед пляжем, возле сосен.

Девушка была одета по-весеннему: в бежевом пальто, из-под полы которого виднелись черные колготки, и пожалела об этом, когда выбралась из машины. Серые облака стремительно проносились в утреннем небе, нависали над вершинами сопот, словно вулканический дым. Пляж за ветками сосен походил на прекрасное, но внезапно ощерившееся животное — пенные волны разбивались о берег, и сердце останавливалось от грозного рокота прибоя.

Анечка сменила сапоги на спортивные туфли, и они отправились к морю. Девушка ступала по песку длинными шагами, словно преодолевая невидимые препятствия. Обогнав Игоря, она обернулась к нему и, улыбнувшись, попятилась к воде. Ветер трепал ее вьющиеся золотистые волосы, она то и дело поправляла их ладонью. Когда движение вспять наскучило, она развернулась и побежала встреч волнам. Игорь, спрятав очки во внутренний карман пальто и потуже завязав шарф, бросился за ней.

— Как здесь чудесно! Это самый красивый пляж, — произнесла Анечка, охватывая глазами горизонт.

В воздухе пахло йодом и солью. Линия прибоя была усыпана галькой, битыми ра-

кушками, зелеными и коричневыми водорослями. Анечка присела возле медузы и, внимательно разглядывая ее, сказала:

— Похожа на хрустальную пепельницу.

Они неторопливо брели вдоль линии прибоя — Анечке хотелось все рассмотреть. На сухом участке песка они нашли шестиконечную морскую звезду с оранжевыми пятнами на спине. Коробков, спасая иглокожей жизнь, забросил, как мог, подальше в море.

Черная шкура морской звезды была шероховатой, Игорь понюхал руку и вытер ее о штаны, вызвав смех девушки.

Его смутил раздавшийся смех, и еще больше смущал тот смех, который он мог услышать, после того как признается ей в любви. Опыта в любовных признаниях у Игоря не было, он даже не мог припомнить ни одного фильма или книги, где бы это происходило.

Анечка, не подозревая о его терзаниях, заворочено смотрела на море.

— Я тебя люблю! — сказал он, и слова его, нерешительно сорвавшиеся с губ, утонули в рокоте прибоя. Анечка даже ухом не повела. Игорь решил, что она его не слышала, и это было к лучшему: признаваться в любви надо глядя в глаза.

Трусой пробежав между девушкой и морем, обогнав ее, он остановился. Анечка шла навстречу. Собираясь сказать ей признание, он, вновь почувствовав нерешительность, вспоминал все те моменты, которые должны были придать ему уверенности: вспомнил, как увидел ее в первом классе на линейке — Анечка стояла возле учительницы, сжимая в руках букет астр, голову украшали огромные белые банты; он вспомнил, как его посадили к ней за парту и вражда, характерная для девочек и мальчиков, переросла в дружбу. В пятом классе на физкультуре им пришлось бежать стометровку, и он, обгоняя всерьез настроившуюся на победу Анечку, не мог решить, что лучше: поддаться ей или доказать, что он быстрее. Не смог понять он этого, добежав до финиша первым, и не мог понять спустя несколько лет. А не так давно он наблюдал, как ее провожал домой мальчик из старшего класса, и, безумно ревнуя, он чувствовал, что готов горы свернуть ради Анечки...

— Аня, я хочу признаться тебе. Я тебя люблю! — выдохнул он.

Волна с грохотом ударила о берег и пенистым языком растеклась между ними. Аня, вскрикнув, отскочила от нее.

— Ты слышала? — взволновано спросил Коробков, не обращая внимания на волну, коснувшуюся его ботинок.

— Что слышала? — удивленно спросила Анечка, но по глазам ее и появившейся на подбородке ямочке Игорь понял, что все она слышала.

— Я тебя люблю! — повторил он, и пролетающие над ними чайки проглотили его слова, словно подброшенный кверху хлеб, и новая волна набежала, поглотив своим шумом и крики самих чаек.

— Ничего я не слышала! — выкрикнула Аня и, отвернувшись, сделала несколько шагов навстречу бурлящей стихии.

— Я тебя люблю! — крикнул он вдогонку.

— Не слышу! — ответила Аня.

Девушка шла вдоль моря, Игорь пошел за ней. Его признание в любви стало походить на игру. Почти догнав Аню, он снова, перекивая прибой, повторил признание.

— Не слышу! — крикнула девушка, засмеявшись. Она, петляя, бегала по берегу. Игорь трусил за ней и, раскрепостившись от вседозволенности, вызванной благодаря мнимой глухоте Анечки и действительно сильному рокоту волн, кричал: «Я тебя люблю!», а в ответ раздавалось веселое Анечкино: «Не слышу! Не слышу!»

Коробков отстал от девочки, ее фигурка готова была превратиться в бежевую точку. Он мучительно размышлял о том, что она играет с ним, а раз играет — значит, не воспринимает всерьез. И пока он думал об этом, солнце вышло из-за облаков, все вокруг засверкало, стало теплее, и даже ветер стих и зеленые волны потеряли свою силу.

Теперь она точно услышит его — решил Игорь и побежал к ней.

Анечка шла по мокрому песку, рассматривая морских ежей.

— С ними ничего не будет? — спросила она подошедшего Игоря.

— Дождутся прилива и снова будут в море, — успокоил он девушку.

Игорь наклонился, взял морскую звезду и запустил в море. Звезда не долетела до

воды, он бросился за ней, стараясь ступать по камням, торчащим в сыром песке, отыскал ее и снова запустил в сторону волн.

Анечка подошла к нему и остановилась. Ее голубые глаза сверкали на солнце, за спиной далеко-далеко покачивались сосны, ему даже показалось, что он ощутил запах хвои, и вполне возможно, что ветер с берега действительно донес до него их аромат. Он услышал, как песок скрипнул под его ботинком — самый подходящий момент повторить те слова, которые он недавно кричал, и сейчас, даже если он произнесет их шепотом, девушка все равно их услышит.

Он расстегнул воротник, шагнул к ней — и остановился, увидев страх на прекрасном лице девушки. Казалось, она потеряет сознание, и ему стало неловко, что он, намереваясь воспользоваться тишиной, вызывает у нее такие чувства, и захотелось забыть эти слова, подальше загнать их. Все существо юноши выражало растерянность, и она стала еще сильнее, когда Анечка приблизила к нему свое лицо и он ощутил ее губы на своих губах. Ее тонкие белые руки обняли его шею, и юноша заключил девушку в ответные объятия.

Целуя девушку, ошеломленный Коробков снова хотел признаться в своих чувствах, но слова, как мелочь из монеток разного значения, лежали в кармане его подсознания, и он от волнения не мог собрать их воедино. Анечка, отстранившись, попросила его молчать и вновь поцеловала со страстью, которой он от нее не ожидал, и он вдыхал ее поцелуй и готов был молчать, лишь бы это не прекращалось. Время приобрело относительную неопределенность, в которой мгновение не отличалось от бесконечности. Он закрыл глаза, и девушка зажмурила свои так, что выступила слеза, и в соленой, как море, капле, катящейся по нежной щеке, отражалась огромная волна, стремительно летящая на берег.

Нет, не из-за его признаний возник страх на лице девушки. Увидев, как морская стихия вздыбилась на мелководе, закрыв небо, Аня поняла, что не убежать от нее. Решительность и желание противостоять волне пробудились в ней. Пусть лучше так...

Она сильнее прижала к себе мальчика, растворяя в своем поцелуе, только бы не

видел он огромной стены, выросшей за его спиной.

Они стояли, крепко обняв друг друга, не чувствуя ничего, кроме своих губ, и волна, закрывшая полмира, налетела на них, сбила с ног, закрутила в своем водяном нутре. Коробков инстинктивно схватил Анечкину ладошку, открыл глаза, но не увидел ничего, кроме серо-зеленого марева, его крик потонул в воде.

Волна обрушилась на сопку. Срезав ее зеленую вершину, пошла по пляжу, добралась до сосен, словно щепки вырывая из земли могучие хвойные деревья, растеклась по побережью, уничтожив одиночные постройки, стоявшие вдалеке от моря, и оставила после себя огромное водяное поле, похожее на сточную канаву, забитую мусором. Мутная гладь, образуя многочисленные рукава, медленно возвращалась в море, на ее поверхности покачивались деревья и сорванная трава, предметы мебели и обломки жилищ, сломанные жизни и разбитые мечты.

***

Спустя много лет яркое мартовское солнце, как и тогда, в день трагедии, заливало пляж и грохочущее море. Молодая пара наслаждалась природой на берегу. Девушка сидела на подстилке и просматривала снимки на цифровой камере, ветер трепал ее черные волосы. Парень стоял сбоку от нее и, прищурившись от солнца, смотрел на море.

— Неужели они погибли? Так жалко, — сказала девушка. — Я думаю, кто-то из них выжил, иначе как люди узнали их историю?

Молодой человек посмотрел на девушку и качнул головой.

— Эта история стала мифом. Я слышал версию, где они отошли далеко от берега, спасая морские звезды, оставшиеся в песке после отлива, когда море отступило от берега на сотни метров перед цунами. Волна была такой же сильной, как и та, что смыла с земли Северокурильск. Их машину нашли в паре километров от пляжа. Она была изувечена, как сжатая в кулаке пив-

ная банка; без дверей, без крышек капота и багажника.

Молодой человек поднял с песка гладкий камушек и с разбега запустил его в бурлящие волны. Галька, пять раз подпрыгнув, исчезла в набегающей волне.

Вернувшись к подруге, он бросил на подстилку мокрый камушек, с виду точно такой же, как тот, что он забросил в воду.

— Прибой возвращает то, что забрал, — сухо сказал он. — Этот пляж потому и прозвали пляжем влюбленных. Иногда среди шелеста и грохота волн здесь слышатся слова того юноши, впервые в жизни признавшегося в любви. Местные знают об этом. Однажды я был свидетелем розыгрыша: на пляж приехала пара ребят; один был с крашеными волосами, выдутыми феном в модную стрижку из журнала мод, — бесполое существо с поломанным голосом; его друг, высокий широкоплечий парень, стоял у воды и, смущенно улыбаясь, повторял, оглядываясь: «Что ты такое говоришь?» Но на пляже, даже когда он смотрел на своего хихикающего друга, другой красивый голос говорил: «Я тебя люблю!» И когда они, смеясь, покинули пляж, я продолжал слышать эхо — и поверил в легенду.

— Не может быть! — сказала девушка. Она выключила камеру, отложив ее на середину подстилки, и, поднявшись, простествовала к воде.

Бирюзовые волны, вспениваясь, разбивались перед ней. Недалеко проплывал рыболовный траулер, сопровождаемый стайей чаек. Засмотревшись на него, она вздрогнула, услышав признание в любви.

Неужели?!

Повернув изумленное лицо, она увидела за спиной своего молодого человека.

— Это был ты! — крикнула она.

— Нет, не я! — ответил он, напустив на себя серьезный вид, но она ему не поверила и бросилась бежать.

Она бежала вдоль моря, ноги устали, но девушка не останавливалась. Ее друг остался на месте, она его едва видела, но голос, говоривший: «Я тебя люблю!» — слышался в каждой волне и не отставал от нее.

АЛЕКСАНДР ЧЕРНОВ

Специальный приз AVE благотворительного фонда Риты Колобовой

Александр Чернов родился в 1951 г. в Петропавловске-Камчатском. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького в 1981 г. Автор пяти книжек поэзии и книги рассказов. Печатался в антологиях, альманахах и литературных журналах («Русская поэзия. XX век», «Крым в русской поэзии», «Лед и пламень» и др.). Лауреат премии журнала «Футурум арт» (2005) и литературной премии им. Николая Ушакова (2007). Член Национального союза писателей Украины, Союза российских писателей и Международного пен-клуба.

«МОНТ РОДОЛЬФ»

Рассказ из цикла «Севастопольский шквал»

На дне души каждого лежит та благородная искра, которая сделает из него героя; но искра эта устает гореть ярко, — придет роковая минута, она вспыхнет пламенем и осветит великие дела.

А. Н. Толстой

В ночь с восьмого на девятое октября 1854 года полторы тысячи французских солдат до рассвета копали крымскую землю. Работали при свете костров и факелов, при сильном северо-восточном ветре, чей непрерывный гул заглушал звуки, издаваемые кирками и лопатами. К утру насыпали холм, названный ими «Монт Родольф», менее чем в километре от центрального бастиона. Французские моряки, артиллеристы и пехотинцы закрепились на насыпи и организовали ее защиту, несмотря на отчаянные попытки русских бомбардиров разрушить свежее укрепление в течение дня. Не удалась и ночная вылазка черноморских пластунов.

Полковник Эдуард Иванович Тотлебен срочно потребовал к себе командира разведчиков поручика Тотилина. Когда ротный вытянулся перед старшим начальником и набрал полные легкие воздуха, чтобы на одном дыхании доложить о неудаче, полковник жестом остановил его:

— Господин поручик, я уже посвящен в детали. Знаю и о потерях... Вы лучше расскажите, почему вы не завершили ар-

хитектурное образование в Англии? И как вы, без пяти минут инженер-архитектор, оказались в пехотном полку?

Сам Эдуард Иванович родился и вырос в Курляндии. И внешне, и по темпераменту напоминал типичного пруссака. Высокий, широкоплечий с властными манерами и пронизывающим взглядом, он, несмотря на свои тридцать семь лет, имел репутацию новатора в области военного дела. Полковник считал, что система инженерных укреплений вокруг крепости должна быть гибкой и подвижной, меняясь в зависимости от обстановки. Эту идею Тотлебен решительно отстаивал при обороне Севастополя.

Поручик Тотилин начал было объяснять, что пока он учился в Англии, его мать заболела, дела в имении расстроились, но Тотлебен опять нетерпеливо прервал офицера.

— Для меня важно знать, насколько вы сильны в фортификации. Ваша рота смогла пробиться почти к артиллерийским складам французов. Понимаю, что в ночном бою озираться особенно некогда, но все же. Вы не могли бы набросать хотя бы прибли-

зительную схему увиденных вами укреплений? Этот холм насыпан в зоне досягаемости наших батарей, но пока мы его будем обстреливать, боюсь, что он доставит нам много неприятностей... И прямые наскоки пехотинцев и саперов пока ничего не дают. Кстати, как ваш английский? За четыре года в Кембридже вы научились свободно изъясняться на языке Шекспира?

Тотилин растерялся. Он не знал, чем ему сперва заняться: чертить схему неприятельского капонира или подтвердить свое безупречное знание английского. Наконец он решительно подошел к столу, наклонился над чистым листом и быстро стал рисовать систему шанцев и параллелей, делая при этом надписи на английском и поясняя их вслух. Тотлебен поддержал поручика и стал задавать конкретные вопросы на том же языке:

— You are assured, what here there is a cellar for gunpowder storage? And where bombs, shells, rockets are hidden? Means, you have rushed into guards blindage at night. Therefore you also have banished. Frenchmen do not love, when strangers rummage at them in things. («Вы уверены, что здесь находится пороховой погреб? А где хранятся бомбы, снаряды и ракеты? Получается, что вы ночью вломились в блиндаж гвардии. Поэтому вас так быстро и прогнали. Французы терпеть не могут, когда посторонние роются у них в тумбочках».)

Но вдруг полковник вызвал ординарца:

— Мундир господину поручику!

И, неожиданно улыбнувшись, сказал Тотилину:

— А теперь вам предстоит побыть еще и офицером связи между английским и французским штабами.

Тотилин недоверчиво покосился на неприятельский офицерский мундир.

— Не переживайте, эту амуницию сняли не с трупа. Позавчера наши кавалеристы захватили обоз из Балаклавы. Будете носить юбку, — было непонятно, шутит строгий полковник или отдает приказание, — или, может быть, вам больше по нраву, как одеты валлийские стрелки?

— Если командование интересуется свеженасыпанный холм, где окопались французы, то почему бы мне сразу не переодеться в синюю форму французской пехоты? Я ведь, извините, и по-французски говорю с детства.

— Наши разведчики уже пробовали так поступить, но на этой проклятой насыпи все друг друга знают в лицо. А вот офицер из английского штаба вряд ли вызовет подозрение. Ваша цель — пороховой погреб и склад боеприпасов. Постарайтесь их уничтожить, а если не получится, то найдите способ передать самые точные координаты... Позовите командира саперов, — Тотлебен опять склонился над столом и рисунком, — пусть покажет господину поручику, как, а главное — где ставить искрометные механизмы.

На следующее утро над русскими бастионами и над мерлонами противника взвились белые полотнища. Солдаты с обеих сторон убрали с поля боя убитых. В основном были задействованы оркестранты, которые вне парадных построений всегда использовались в качестве санитаров или похоронных команд. Но за брустверы перебрались и многие любопытствующие, особенно из офицеров-новичков. Смешавшись с толпой пехотинцев, Тотилин в длиннополной шинели прапорщика подошел к группе зуавов. Те не обратили на него никакого внимания. Мгновенно сбросив с себя шинель, поручик оказался в форме валлийского стрелка. Сейчас он делал вид, что давно наблюдает за работами между войсками, что увиденное ему наскучило и что он возвращается на позиции французов.

Кстати, британские канониры еще не завершили подготовку своих укреплений к стрельбе и часто посылали офицеров к союзникам, чтобы набраться опыта. Так быстро и ловко обустраивались французские саперы на каменистом крымском грунте, что даже командующий союзными войсками генерал-адъютант Раглан лично пожаловал в район «Монт Родольф». С ним выехали и несколько офицеров штаба...

Поручик Тотилин уже не один раз пробирался за линию обороны города. Но прежде ему приходилось изображать из себя поляка-перебежчика, благо что и польский он знал от матери, урожденной графини Шильняковской. Тогда ему нужно было, чтобы враги подробно допрашивали его о ситуации в городе, о количестве русских войск и артиллерии, о снабжении боеприпасами и продовольствием осажденного

Севастополя. Данные, которые он сообщал противнику, были сильно преувеличены. Может быть, лишь благодаря его искаженным сведениям союзное командование не решилось на немедленный штурм города тотчас же после перехода англо-французских войск в район Балаклавы. Теперь же задача была не из простых.

Сначала поручик осмотрелся на насыпи. Днем она выглядела иначе, чем ночью, при вспышках ружейных выстрелов. Длинные ряды фашинов, частые габионы — все сплетенное из жердей, все скрепленное на скорую руку, выказывало явное нетерпение французов и готовность их к штурму города. Солдат почти не было видно, многие отдыхали в укрытиях. Артиллерия тоже молчала — ведь на бастионе и на траншее выставлены белые флаги. «Увы, для разведчика нет прекращения огня, нет временных перемирий», — подумал Тотилин. В это время к нему приблизился лейтенант шотландской гвардии:

— You from a staff? It is said that general Hiu Rouz too has left on a position. («Вы из штаба? Поговаривают, что генерал Хью Роуз тоже выехал на позицию».)

Сведения оказались утешающими. Значит, сейчас по крайней мере несколько британских офицеров находилось на «Монт Родольф». Хуже было то, что штабные фельдъегеря наверняка все знакомы друг с другом. Разведчик уже присмотрел себе тропинку между оврагами, по которой собирался ретироваться. Но как же пороховой погреб? Как же склад боеприпасов? Неужели придется остаться на ночь в расположении противника?

Сергей Тотилин происходил из рода потомственных военных. Кадет, юнкер, корнет... Когда пять лет назад он неожиданно вышел в отставку и уехал в Англию, его отец, генерал артиллерии Фёдор Тотилин, герой венгерского похода, перестал общаться с сыном. Но стоило Сергею вновь попроситься в действующую армию, как отец начал усиленно хлопотать на самом высоком уровне и добился возвращения сына в офицерский корпус. Чин поручика Тотилин получил уже в Севастополе — за разведку боем. С тех пор поручика и стали привлекать к необычным, требующим неожиданных решений вылазкам за наши редуты, за траншеи неприятеля.

В подзорную трубу Сергей разглядывал Севастополь. Он видел, как женщины и дети подносили новые и новые корзины с землей, как возвышающуюся над позициями белую башню окружали двойные ряды укреплений для пехоты и артиллерии. Опуская оптику, он цепким взглядом фиксировал и достопримечательности «Монт Родольф». Французы не обращали на него никакого внимания. Близился вечер. Сергей сейчас жалел о шинели, брошенной между траншеями, но хорош бы он был среди чужих с русской шинелью в руках. Странно, но от этих мыслей становилось менее холодно.

Между батальями большинство русских офицеров понемногу выпивали, играли в карты, фланировали по набережной и даже ухаживали за девушками. Тотилин же буквально жил войной. Без дела он томился от скуки, подолгу беседовал с пленными, извлекая по крупницам сведения, полезные для успешной обороны. Однажды он без обиняков спросил захваченного казаками британского майора, каковы были бы его чувства, если бы в ливерпульской гавани появилась русская эскадра, если бы она начала палить по Ливерпулю, а потом, предварительно высадив пехоту, кавалерию и артиллерию, осадила порт. Майору никогда не приходили в голову подобные мысли.

Кроме наблюдателей со стороны Севастополя, французы не выставили никакого охранения у входов в блиндажи и тоннели. Не охранялись и конюшни. «Может, рвануть к нашим на лошади?» — подумал поручик и, силой воли сдержав желание перекреститься, шагнул в лабиринт.

Зуавы при свете факелов казались еще чернее — эдакие зловещие церберы у входа в преисподнюю. Часовые не реагировали на вошедшего, тем более что началась загрузка каркасов и букетов и мимо Тотилина двигалась длинная вереница носильщиков с деревянными ящиками. «Вот и блиндаж с койками, — припоминал поручик позавчерашний рейд, заворачивая по горизонтальному проходу влево, — вот бункер командующего, а где же склад?» Солдаты с ящиками куда-то свернули, но Тотилин не рискнул идти за ними — слишком явным был бы его интерес. Плелся наугад, на запах металла, в направлении наклона языков пламени в факелах, а главное — туда,

где светильников становилось все меньше и меньше. Порох не терпит огня! Амбразуры, вырытые для пушек, вечером уже почти не освещали штольню. Но и в полутьме поручику становились понятными особенности конструкции укрепления. Явно не хватало деревянных креплений. Вместо бревен использовались каменные блоки, тяжелые и малоподвижные. Восстановить капонир после частичных разрушений будет практически невозможно. Сергей помнил, как англичане и французы разбирали кровли близлежащих домов по всей округе, чтобы использовать стропила в качестве деревянных лафетов для осадных орудий. Еще бы, ведь он со своими пластунами тогда две ночи не спал, а мотался по предместью Севастополя, поджигая редкие уцелевшие крыши. Осаждавшие теперь остро нуждались в древесине, тем более что русские казаки уже успели вырубить все перелески на несколько верст вокруг.

В фельдъегерской сумке Тотилина вместо донесений уместились два плоских цилиндра из железа. Про себя Сергей называл их камнегрызками. Эти искрометные устройства придумал и собрал лучший севастопольский часовщик Марголис. В металлический корпус усилиями трех мужчин наматывался, как пружина, зубчатый прут. По сигналу часового механизма у круглой коробки отваливалась стенка, и железный хлыст начинал разматываться и метаться во все стороны. Если рядом оказывались гранитные плиты или каменные стены, то искры летели, словно фейерверк. Оставалось только рассыпать порох рядом с установленной камнегрызкой, и воспламенение было обеспечено. Часы уже наладили на семь часов утра — время начала бомбардировки французских позиций. Только найти бы пороховой погреб или склад боеприпасов! Первая цель казалась более надежной. Из-за мощного сотрясения всего укрепления могли сдетонировать снаряды и бомбы.

Навстречу поручику двигалась чья-то фигура. Когда она приблизилась, Тотилин с трудом разглядел в мерцающем свете смоляного факела человека в штатском. «Галлюцинация», — подумал было офицер, но фигура обратилась к нему по-французски с сильно выраженным английским акцентом:

— M., vous ne montrerez pas, où ici la sortie a l'extérieur? («Месье, вы не покажете, где здесь выход наружу?»)

— Vous qui? («Кто вы?») — в свою очередь спросил поручик, прикидывая в уме рост и комплекцию штатского.

— Moi le correspondant de «Tajms». Je prépare le reportage sur les artilleurs français! («Я корреспондент «Таймс». Делаю репортаж о французских бомбардирах».)

— The British? («Британец?») — Yes, certainly. («Да, конечно».)

В руках репортер держал лист бумаги с детальной схемой всех ходов и ответвлений «Монт Родольф».

Английские газетчики так подробно описывали ход событий под Севастополем, что союзное командование даже пожаловалось королеве на утечку информации. Особенно усердствовала «Таймс». Карты позиций, чертежи укреплений и батарей, сведения о количестве солдат и пушек — все находило свое место на страницах этого компетентного издания. Попади несколько свежих выпусков газеты в Севастополь, русским бы вообще не понадобилась никакая разведка.

Тотилин, не раздумывая долго, отработанным ударом в шею на несколько минут отключил журналиста. «С подобной бумагой нам никакие камнегрызки не понадобятся», — решил поручик и заторопился к выходу.

Ночь — самое подходящее время для перехода к своим редутам в любом мундире. Когда часовые окликнули мнимого альбионца, тот радостно заорал в ответ:

— Свои! Что, не видишь? Твою...

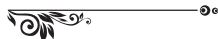
Утром с первого момента разгоревшегося артиллерийского боя французы были обескуражены тем, какое огромное количество пушек сосредоточили против них русские. В течение четырех часов залпы десятков тяжелых орудий перепахали все вокруг «Монт Родольф». В половине одиннадцатого взорвался пороховой погреб. Удар был такой силы, что, казалось, началось землетрясение. Столб огня вырвался из-под земли, подобно бурому вулкану. Когда дым рассеялся, возле перевернутых искореженных стволов осталось лежать около сотни черных тел французских зуавов. Спустя еще несколько мгновений второй взрыв уничтожил склад боеприпасов. На месте «Монт Родольф» образовалась глубокая воронка...

ЧЛЕНЫ ЖЮРИ ЛИТЕРАТУРНОГО КОНКУРСА

ИГОРЬ ПОТОЦКИЙ

(г. Одесса, Украина)

Прозаик, поэт, критик. Родился в 1950 г. в Одессе. Окончил филологический факультет Одесского государственного университета. Автор более 30 книг стихов и прозы. Среди них книги стихов «Лицо на небесах» (2000), «Крупичи нежности» (2001), «Избранные произведения» в 2 томах (стихи и проза, 2006), «Просто стихи» (2009), «Стихи Тебе» (2010), «Импровизации» (2010, Париж). Рецензии и отклики на книги И. Потockого опубликованы в Москве, Киеве, Нью-Йорке, Торонто, Иерусалиме. Стихи звучали на радиостанции «Юность» (Москва), Международном радио Франции (Париж). Стихи и проза были опубликованы в журналах «Аврора», «Смена», «Сельская молодежь», «Советиш Геймланд», «Радуга» (Киев), «Мурзилка», «Кукумбер», «Солнечный заяц», в альманахах «Поэзия. Графика» (Киев), «Дерибасовская — Ришельевская» (Одесса) и др. Член редколлегии альманахов «ОМК» и «Мория» (Одесса). Редактор альманаха «Звукоряд». Лауреат муниципальной премии «Твои имена, Одесса» за книгу прозы «Три улицы» (2004). Руководитель литературной молодежной студии «Поток» при Одесском объединении молодежных студий. Стихи были переведены на французский, финский, испанский языки.

ПРОЗА ВЗАХЛЕБ

Речку звали Гулькой, и была она спокойной и нежной. Я уже не помню, почему очутился в тех местах, где была совсем крохотная деревушка — всего несколько десятков домиков, но, кажется, я себя сослал в ссылку, вообразив гетевским Вертером, но оканчивать самоубийством свою жизнь мне совсем не хотелось, вот я и подумал, что тьмутараканье даст мне спокойствие. Я сказал своему начальнику: «Выбываю на месяц», а он ни о чем меня не стал расспрашивать, потому что знал о моих непростых отношениях с Лоркой, да к тому же она ему нравилась, а он только развелся с женой, а я сказал: «Всё. Точка. Больше не могу!» Он сразу понял, о ком я это говорю, и отпустил меня на все четыре стороны, но я поехал на восток.

Я сошел на маленькой станции, но там решил не задерживаться и на попутной телеге углубился дальше в неизвест-

ность. Так я попал в деревушку и к реке Гульке.

Я снял домик у самой Гульки и по утрам выходил смотреть на речку, барственную в своей первосолнечной неге. Ее стоячая вода почти без волн успокаивала меня, и я принимался размышлять о превращениях человеческой судьбы, не допуская в свои размышления образ молодой женщины, перевернувшей всю мою жизнь. Меня предупреждали: Лора слишком уверена в своей неотразимости, чтобы ею не пользоваться при каждом возможном случае, и что она копит своих воздыхателей и это накопление вызывает в ней азарт хищницы, но первое время она постоянно просила, чтобы я ее не смел ревновать, что я и делал с радостью, но потом она стала со мной говорить отрывисто, не заботясь о красоте фразы, из чего я понял, что я ей надоел.

Правда, у нас изредка случались еще сладко-короткие ночи любви, когда два тела одно целое, вздох — к вздоху, выдох — к выдоху, но все чаще, удовлетворяясь страстью, она смотрела на меня равнодушными, погасшими глазами, а мне хотелось бежать от нее как можно дальше, чтобы только не оставаться с ней наедине, но я был слишком привязан к боттичеллиевской красоте ее тела, выписанного яркими мазками, а еще в ней была светомузыка Шагала, а раньше я никогда таких тел у своих возлюбленных не видел — тел, похожих на шторм, к тому же я долго его добивался, потому что взять штурмом с первого раза не смог.

Опять я о Лоре, а ведь мне кажется, что река Гулька меня от этого наваждения вылечила. словно не со мной все происходило, а с выдуманным героем, допустим, Николаем Н., увлекшимся прозой Саши Соколова.

Я в очередной раз решил поставить на отношениях с Лорой Овчинниковой жирный крест, ведь ее наверняка сейчас обхаживает мой начальник, а она ему задиристо улыбается, но не дает себя целовать, ведь она знает сотни ухищрений, чтобы распалить мужчину, довести его до кипения, а потом бросить. Но вполне возможно, утешал я себя, Лора сейчас сидит, запершись в своей квартире, грустит обо мне и не отвечает на настырные телефонные звонки моего начальника.

Я часто бродил по деревушке, жители которой были приветливы, но только внешне, потому что у каждого из них была своя жизнь и они никого из посторонних в нее не допускали. И только один Кузьма Матвейч, бывший прапорщик, угощал меня квасом и пельменями собственного приготовления и рассказывал мне про Афган, где погибли десятки его товарищей, потому что рота его попала в засаду, а на помощь ей никто не пришел.

— Стервецы! — говорил Кузьма Матвейч. — Гады! (Это я о своих начальниках.) Сволочи!

Кузьма Матвейч глушил свои тяжелые воспоминания водкой, но только по вечерам. Днем он писал воспоминания и помогал соседям по хозяйству. Все написанное за день он изливал на меня, и мне уже начало казаться, что это на меня ползут душманы и в их глазах нет страха к близкой смерти — одно презрение к ней. Представьте себе, Кузьма Матвейч умел писать без литературных изысков, просто и здорово, и очень жаль, что его книгу до сих пор никто не напечатал. Впрочем, нужно уметь не только писать книги, но и находить обходные пути, чтобы их печатать, а Кузьма Матвейч в своей глухомани, понятное дело, ни на что подобное способен не был, да и писал он, как мне сейчас кажется, исключительно для себя самого.

А потом из Омска к Кузьме Матвейчу нагрянула племянница Света. Такая себе миловидная и вежливая девушка, вот он и стал чаще улыбаться, а я все реже появляться у них, но Света пришла ко мне и сказала, что Кузьме Матвейчу, да и ей просто необходимо мое общество.

— Я все о вас знаю, — сказала девушка, — но я вам не сочувствую, потому что вы сами во всем виноваты.

— Неправда! — Голос мой, скорее всего, звучал зло и напористо. — Просто так сложилось в моей жизни.

И я снова стал ежедневно вечерять с Кузьмой Матвейчем и Светой. Мне совсем не хотелось произвести на нее впечатление, но я легко сочинял шуточные экспромты по любому поводу. Я был сам удивлен, что они так легко записывались на бумаге. А еще я внезапно стал мастерски рассказывать анекдоты, чего прежде за собой не наблюдал, но так как я анекдоты никогда не запоминал, мне приходилось их сочинять ночами, когда я возвращался к себе домой. Потом я стал с иронией рассказывать о своих путешествиях в Париж и Мехико, где я познакомился с отличным мексиканским писателем Андресом Пагесом, а он познакомил меня с Вилье Лилем — поэтом,

пишущим только эротические стихи. Но так как я не помнил ни одного стихотворения Лиля наизусть, я придумывал стихи за него.

...Женское тело светилось под лучами луны, так светилось, что в Сельве на тысячу метров стало светлее, а свет плавал и колебался, вновь и вновь отправляясь в загадочное плавание. Слишком прекрасно было удлиненное женское тело, чтобы не уметь светиться в темноте...

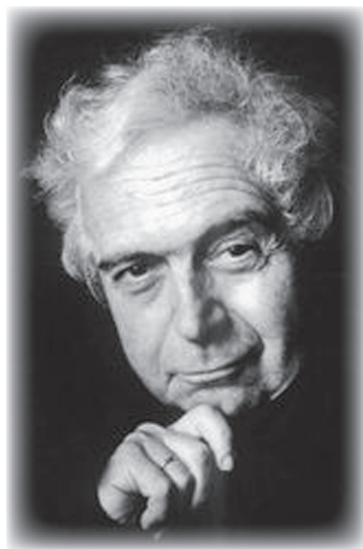
И глаза Светы вспыхивали, словно звезды, так ярко, что я постоянно наткался на них, и слеп от их сияния, и принимался, того не замечая, петь хвалу Светиным глазам и волосам, как слепой древнегреческий аэд, а она отвечала призывно-ласково на дрожание моего голоса, словно я ее завораживал, и только Кузьма Матвееч ничего не замечал, а тихо начинал похрапывать в своем самодельном кресле.

Я ничего не планировал заранее, но однажды мы поздней ночью пошли с девушкой к реке Гульке.

Света подплыла, прижалась ко мне, а у меня, как помнится, перехватило дыхание от ее изгибающегося тела, я чуть не задохнулся и боялся пошевелиться, чтобы ее не спугнуть, словно робкую птичку, но моя левая ладонь поползла по ее прохладному телу, перенявшему температуру воды, от

шеи — и ниже, ниже, где бугорки, такие призывные, а потом еще и еще вниз, но более резко, а голова уже кружилась, как в самолете при посадке, но это кружение было прекрасным. А чуть ниже талии девушка перехватила мне руку и произнесла одно из междометий, вернее, выкрикнула его, у меня нет сейчас сил его повторить, но оно меня не оттолкнуло, а наоборот, потому что есть междометия страсти, отличимые от всех других, произносимые на полувздохе, звучащие на полуструне, а еще мне показалось, что я увидел молнию в ее полубезумных и таких прекрасных глазах, но я все же пересилил себя и отпрянул, а она, засмеявшись коротким и наигранным смешком, резко повернулась и быстро поплыла, не оборачивая лицо и не предлагая следовать за нею, но я ей не повиновался и бросился вдогонку, а потом... Но этого я описывать не стану, потому что все было удивительно, как будто звезды стали слезинками скатываться с ночного неба, но, возможно, это были слезы девушки, шептавшей мне: «Я свечусь в ночи или нет?», но я ей ничего не отвечал, а только целовал ее лицо, и плечи, и ладони, и колени...

А на следующий день Кузьма Матвееч сказал, что его племянница внезапно уехала в город.

ЕВГЕНИЙ ГОЛУБОВСКИЙ

(г. Одесса, Украина)

Журналист, искусствовед, составитель и комментатор многих книг, связанных с историей, культурой Одессы. Родился в 1936 году в Одессе. С 1965 года работал в штате газеты «Комсомольская искра», затем — в «Вечерней Одессе». Вице-президент Всемирного клуба одесситов (президент — Михаил Жванецкий). 15 лет является редактором издаваемой клубом газеты «Всемирные одесские новости», последние пять лет также и заместителем редактора историко-краеведческого и литературно-художественного альманаха «Дерибасовская — Ришельевская». Лауреат журналистских премий.

«На столе заблудились слоны»

Такой была первая строчка стихотворения, с которого началась для меня Зинаида Шишова.

Семь слоников, приносящих счастье.

Заблудившиеся слоны на столе. Счастье, которое, казалось, совсем рядом, вдруг становится маревом. В жизнь врывается подлинная трагедия, страшная, бесчеловечная (не какая-то «оптимистическая трагедия», выдуманная соцреализмом). И все это прочитывается в ее стихах.

Для меня Зинаида Шишова, поэт, открылась в тоненьком «Первом альманахе литературно-художественного кружка», изданном в январе 1918 года в Одессе. И хоть рядом — стихи Валентина Катаева, Юрия Олеши, Бориса Бобовича, Георгия Долинова, именно «стихи Зинаиды Шишовой удостоены премии литературно-художественного кружка». Как рассказывал Вадим Долинов, еще один участник кружка, вот эту строку — «на столе заблудились слоны» — и он, и его тогдашние друзья запомнили сразу и на всю жизнь. Этой строкой первого из опубликованных в альманахе стихотворений Шишова вошла в литературу. Заблудившиеся слоны, как и заблудившийся трамвай Николая Гумилева, стали образом времени.

До сих пор остается неразгаданной тайной, как получилось, что цвет русской литературы 20-х годов XX века — Эдуард Багрицкий, Валентин Катаев, Юрий Олеша (этот список можно продолжать) — вышел из одесского литературного кружка «Зе-

леная лампа». Среди участников «Зеленой лампы» была и Зинаида (Зика, как звали ее друзья) Шишова.

Ее поэтическое наследие — две крошечные книги и десяток стихов в газетах и журналах. И тем не менее и Анатолий Фиолетов, и Эдуард Багрицкий считали ее ярким, одаренным поэтом. А в их кругу не было сантиментов (сама Шишова говорила: «Мы были волчата»), и друг к другу они проявляли требовательность, иногда и жесткость.

Зинаида Константиновна Шишова родилась 23 сентября 1898 года в семье учителя. Ее отец, Константин Данилович Шишов, преподавал математику в находившейся на Херсонской, 17 женской гимназии О. В. Кандыбы. Жила семья в Школьном переулке, 4 (ныне переулок Ушинского), там же родилась и Зинаида.

Биография Зинаиды Шишовой похожа во многом на биографии ее сверстников. Окончила в 1916 году гимназию. Уже с 4-го класса гимназии начала зарабатывать, давая уроки. В 1917 году поступила на юридический факультет Новороссийского университета. Писала стихи. Познакомилась с Эдуардом Багрицким, который, прослушав ее первые поэтические опыты, пригласил девушку в их компанию.

Вот несколько объявлений из газет 1917–1918 годов:

«Рождественский четверг студенческого литературно-художественного кружка. 28 декабря 1917 года. Отделение “Поэты”.

Зинаида Шишова. «Сумерки», «Письмо с фронта». Эмилия Немировская. «Синим шелком»».

«1918. Зал консерватории. Новосельская, 63. В воскресенье, 17 марта, второй интимный вечер «Зеленой лампы». Отделение третье, «При свете зеленой лампы». Новые стихи. Эдуард Багрицкий, Семен Кессельман, Юрий Олеша, Зинаида Шишова и др.».

«11-й четверг студенческого литературно-художественного кружка. 24 окт. н. с. 1918 г. Юрий Олеша, Эдуард Багрицкий, Анатолий Фиолетов, Зинаида Шишова».

Одесский краевед Александр Розенбойм, который познакомил меня с этими объявлениями, обратил внимание на то, что выступление 24 октября, где читали стихи Шишова и Фиолетов, стало их последним совместным выступлением. Шишова должна была выйти замуж за Фиолетова, но 14 ноября 1918 года талантливого поэта, работавшего тогда в уголовном розыске, застрелили бандиты.

Карта Атлантики

Я помню, мы в детстве с тобою склонялись над этим листом,
Наш путь был отмечен пунктиром, а гавани — красным крестом,
Эахо, Табаско, Чиэпес — и много таинственных стран,
И много таинственных знаков готовил для нас океан.
Мы, помню, пропахшие краской, любили спускаться в камбуз,
Любили следить под водою движенья гигантских медуз...
Мы видели в узком проливе остатки старинных галер,
А после мне ночью приснился в смешном парике кавалер,
Как он, окруженный врагами, в порыве бессильной тоски
Швырнул свои судна на скалы движением узкой руки.
Мы много видали с тобою, мой маленький, глупенький брат,
И после таких приключений так скучно вернуться назад
И в чинной огромной столовой со старшей сестрой и отцом
Сидеть над немецким спряжением с усталым потухшим лицом.

Всем, кто читал «Великое плавание» — роман об открытии Америки, «Джек-Соломинка» и другие книги писательницы, будут ясны истоки ее творчества.

Жизнь не баловала Зинаиду Шишову. Она вышла замуж за комиссара Брухнова, родила ребенка (его называли Маратом), но пришли роковые тридцатые, мужа арестовали, и ребенка она воспитывала одна. В архиве поэта Георгия Долинова, одессита, осевшего в Ленинграде (поэтому его архив сохранился в Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина), есть письмо З. Ши-

Свою единственную одесскую книгу стихов «Пенаты», вышедшую в издательстве «Омфалос», Зинаида Шишова посвятила Анатолию Фиолетову. Эта книга давно стала библиографической редкостью — в Одессе известно несколько экземпляров. Не сохранившуюся в круговерти истории книжечку стихов сама автор искала долгие годы.

И еще несколько слов о Зинаиде Шишовой. Она продолжала писать стихи в 20–30-е годы, но наиболее активно — в блокадном Ленинграде. И все же основной в ее литературном творчестве стала детская приключенческая, историко-романтическая проза. И ее истоки — тоже в ранних стихах Шишовой. В картотеке библиофила и краеведа С. З. Лущика нашлась выписка, что в одесском журнале «Огонек» 9 июня (27 мая) 1917 года опубликовано стихотворение Зинаиды Шишовой. Нашел этот журнал, прочитал еще одно забытое стихотворение и понял, что его можно поставить эпиграфом к ее приключенческим романам.

Шовой жене Г. Долинова — поэтессе Эмилии Немировской. И вновь поблагодарим А. Розенбойма, переписавшего это письмо и привезшего его в Одессу.

«Миля, очень прошу Вас зайти ко мне. У меня два дня нет совершенно денег. Займите где-нибудь ради Христа до 28-го 5 рублей. Я больна, Марик болен, нет топлива, нет денег и ничего. Нет сил.

У меня — ясное сознание, что мне приходится конец. Миля, если увидишь портниху — попроси ее зайти — вата в пальто опусти-

лась, я пыталась ее поднять и еще хуже напортила. Теперь пальто надеть нельзя. Если зайдет ко мне, пускай захватит с собою черные нитки.

Приходите, Миля, я больше не вынесу одиночества и этого ужасного безвыходного отчаяния».

Из отчаяния ей удалось выйти, но жизнь не баловала радостями. Будучи журналистом «Комсомольской искры», я попросил ее о встрече, но она предпочла ответить на вопросы, связанные с одесским издательством «Омфалос», со сборником «Омфалитический Олимп» в письме. Знаю, что подобные письма получал от нее литературовед Роман Тименчик и другие. Как видно, личные встречи для нее даже в 60-е годы были трудны...

«Москва 24.3.65.

Уважаемый тов. Голубовский (извините, не знаю Вашего имени и отчества).

Письмо Ваше получила только что и уж отвечаю. Космическая скорость! Боюсь только, что письмо до этого пролежало положенное время в ССП. М. б., Вам пригодятся такие дополнения к Вашей статье:

«Омфалос» — слово греческое, означает — простите! — «пуп». Не исключено, что и пресловутая пленительница Геракла называлась как-нибудь вроде «Пуповины». Субсидировал изд-во одесский банкир Натанзон, не получая от этого никакой выгоды, а исключительно ради возлюбленной своей — замечательной танцовщицы Эльзы Крюгер, которая очень любила нашу «Южно-русскую школу».

«Омфалитический Олимп» — это, конечно, литмистификация. Авторами стихов были В. Бабаджан, М. Лопатто, А. Фиолетов, но он до выхода сборника не дожил. Волошин в сборнике не участвовал, но Вы правы: в то время всякие подделки и мистификации, стилизации под... были в большом ходу. Вспомните... хотя нет, Вам этого не вспомнить. Давайте по-газетному: вспомним хотя бы киевский «Парнас дыбом» или стихи Наташи Росийской.

Со сборником стихов Климентия Бутковского произошла совершенно мистическая история — помните, как у Франса в

рассказе о никогда не существовавшем и вдруг воплотившемся садовнике?

Писал стихи тот же Витя Бабаджан, фамилию автору мы подбирали все скопом, — и вдруг он ВОЧЕЛОВЕЧИЛСЯ! Явился приехавший с турецкого фронта какой-то прапорщик или поручик по фамилии Бутковский, по имени (надо же!) Климентий (а не Кле...) и потребовал гонорар за стихи. Натанзон и Бабаджан, оба красные от сдерживаемого смеха, выплатили ему — для смеха же — гонорар. Однако потом произошло более печальное событие: «Омфалос» получил запрос от матери погибшего на фронте Акима Бутковского — не ее ли это сын, который совсем не погиб, а, переименив имя на более красивое, живет себе в Одессе и пишет стихи. Кое-как ей ответили.

Теперь о «долго живших в Одессе» классиках.

Долго жили в Одессе Куприн, Бунин. А Толстые (Ал. Ник. и жена его, прекрасная поэтесса Наталья Крандиевская) уехали с последними белыми за границу. Волошин — в Крым, свой Крым.

Амшья Нюренберга я знала. Сейчас в бывшей его мастерской в Перцовском переулке на Соймоновском проезде живет вдова его погибшего товарища — художника Соколика.

В «Омфалосе», кроме Витиной книги о Сезанне, еще были выпущены или только подготовлены к печати, кроме монографии об Эль Греко, того же автора (Филиппа Гоziасона) монография о Матиссе, Гойе...

Ну, кажется, все...

Теперь уже у меня к Вам большая просьба. В том же «Омфалосе» в 1919 году вышла книжечка моих стихов «Пенаты». Стихи плохие, и я бы не поддалась уговорам Олеси и Фиолетова и сама бы их в печать не отдала. Но после смерти моего мужа Фиолетова я очень болела, и все это было сделано без моего согласия. Настоящим знатокам поэзии книжечка эта ни к чему, а для меня дорога по-другому. М. б., можно раздобыть ее в Одессе? Если что-нибудь услышите о «Пенатах» — очень прошу, напишите.

Привет Вам и милой Одессе.

Зинаида Шишова.

P.S. Когда-нибудь в моих мемуарах Вы об Одессе 20-х годов прочтете рассказ более подробный».

Защиту книгу «Пенаты» Зинаиды Шишовой от самой Зинаиды Шишовой. И в ранних стихах, опубликованных в одесской печати, и в книге «Пенаты» есть дыхание настоящего поэта. Да, еще не преодолены влияния ее кумиров тех лет — Николая Гумилева и Анны Ахматовой. Но уже угадывается свой ломкий и искренний голос, своя вовлеченность в трагедию, отсчет которой и начинался в 1917 году.

Небезынтересно заметить, что о выпущенной одесским издательством «Омфалос» книге стихов З. Шишовой «Пенаты» похвально отозвался отнюдь не склонный к похвалам Иван Бунин.

Письмо, написанное Зинаидой Константиновной спустя полвека после происшедших событий, — живое, яркое, эмоциональное, как и ее воспоминания об Эдуарде Багрицком и Юрии Олеше. Жаль, что воспоминания о литературной Одессе 20-х годов она так и не успела написать. Единственная неточность, на которую следует обратить внимание, — сборник «Омфалитический Олимп» действительно составляли коллективно, но третьим участником был не Анатолий Фиолетов, а Николай Бахтин. Хотя, повторюсь, не в этой детали важность письма, а в том, что для Зинаиды Шишовой и в середине 60-х годов Одесса 1917–1918 годов наполнена живыми голосами друзей, ставших уже историей.

Многие стихи сборника «Пенаты» — еще не зарубцевавшаяся рана, связанная с гибелью мужа, талантливого поэта Анатолия Фиолетова. Окаянные дни города, страны совпали с личной трагедией. Вся книга «Пенаты» посвящена Анатолию Фиолетову.

И тут я вспомнил об одном нерасшифрованном посвящении...

В Москве, в семидесятые годы, я был в гостях у сестры Вениамина Бабаджана — Тотеш. Перелистываю толстую тетрадь со стихами Бабаджана, расспрашиваю о нем, о Фиолетове, об издательстве «Омфалос». И вдруг из тетради на пол вылетает тонкий листик бумаги. Поднимаю — и вздрагиваю: строфа подписана «А. Фиолетов».

Я слышал, что Зина Шишова происходит из семьи французов Рибাদу. И вдруг стихи. Много лет спустя я опубликовал их в сборнике А. Фиолетова «О лошадях простого звания» (Одесса, 2000 год).

Ваши предки Рибато
Были добрые французы.
Вижу — бабушка в бандо,
С ней гусар в тугих рейтузах,
Стройный ус и черный стан,
Славный сын гвардейской школы,
Королевский капитан,
Добродушный и веселый,
Революцию хуля...

На этом листик обрывался. «Революцию хуля». Дописал ли Фиолетов это стихотворение, обращенное к Шишовой, к той, у кого «на столе заблудились слоны»?..

Уже переизданы стихи Анатолия Фиолетова. Пришел черед найти нового читателя стихам Зинаиды Шишовой — и самым первым, разбросанным по журналам и альманахам и вошедшим в книгу «Пенаты», и зрелым, написанным в блокадном Ленинграде.

И мы — сквозь время — услышим чистый голос поэта, отлученного от поэзии, но не предавшего поэзию.

СТАНИСЛАВ АЙДИНЯН

(г. Москва, Россия)

Станислав Айдинян родился в 1958 г. в Москве. Искусствовед, прозаик, поэт. Член Союза российских писателей, Конгресса литераторов Украины, Южнорусского союза писателей. Вице-президент Творческого союза профессиональных художников. Литературный редактор и секретарь А. И. Цветаевой (с 1984 по 1993 г.). За личный вклад в отечественную многонациональную культуру и укрепление российской государственности награжден медалью Лермонтова и медалью «Профессионал России». Публикации: в одесской антологии поэзии «Кайнозойские сумерки» (2008, Одесса), в одесской литературной антологии «Солнечное сплетение» (2010), в альманахах «Межвековье», (1999, Санкт-Петербург), «Равноденствия» (2002, 2004, Санкт-Петербург), «Дерибасовская — Ришельевская» (2001, Одесса), «Путь к Арапату» (2005, Москва), в журналах «Грани» (1998, 1999, 2008), «Новый мир» (1994, 1995, 1999), «Мир Паустовского» (1998, 2005) и др.

АЛЬГАМБРА

Какие странные названия
Встают из глубины веков...
На башне пламенной Альгамбры
Есть призрак — маятник часов.
Над ним, над тучами — созвездья,
В них тонет тихий ход минут,
А во дворе, вблизи фонтана,
Нас чьи-то тени тяжело ждут.
Кто вколдовал зверей во мрамор?
Кто в черный камень львиный гнев —
Клыков оскал, горящий адом, —
Вковал и запер ото всех?..
И кто неслышно, словно кошка,
Крадется в полночь галерей,
Когда из малого окошка
На башне свищет соловей?..
Когда весна вокруг, цветенье,
Альгамбры сказочный дворец
Весь в ожиданье озаренья —
На башне — солнечный венец...

ЭПИТАФИЯ XX ВЕКУ

Огонь горит меж Марсом и Луной,
Вступает змей в права и полномочья,
И ветер веет по шипам двустрочий,
И смысл бытия — как облачный фантом.
Не в букву слова, в шквала бурелом
Вложил Творец свое благословенье;
Не слышат Бога и его велений,
Кто в стойло жизни тяжело погружен.
Лишь изредка, в тумане, там, где храм
Века назад был вознесен главою,
Неясно слышим пенье с аналоя,
Проскопия звучит вослед орлам...
Мы знаем тайну: мира больше нет.
Мы знаем: испустила дух планета, —
Лишь видимость души, чья песня спета
Средь призраков пустеющих химер.

ПОЭТИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ ФЕСТИВАЛЯ

СЕРГЕЙ ГЛАВАЦКИЙ, координатор

(г. Одесса, Украина)

Поэт, драматург, музыкант. Председатель Южнорусского союза писателей, Одесской областной организации Конгресса литераторов Украины, Одесской областной организации Межрегионального союза писателей Украины. Член руководства Конгресса литераторов Украины. Составитель одесской антологии поэзии «Кайнозойские сумерки» (2008), одесской литературной антологии «Солнечное сплетение» (2010), ряда других изданий; член редколлегии шести литературных изданий. Соорганизатор Международного поэтического фестиваля «Межгород» (2009, Одесса), член жюри Международного литературного фестиваля «Славянские традиции» (2009, 2010, АР Крым, Шелкино). Публикации: в антологии «Украина. Русская поэзия. XX век» (2008, Киев), альманахах «Меценат и мир. Одесские страницы» (2004, 2009, Москва), «Дерибасовская — Рибельевская» (2008, Одесса), «ЛитЭра» (2009, 2010, Симферополь), в журналах «Российский колокол» (2008), «Дон» (2010), «Южная звезда» (2010), «Октябрь» (2010), в газетах «Литературная газета» (Москва), «Литература и жизнь» (Киев) и др. Автор сборника стихотворений «Неоновые пожары» (2006) и книги драматургии «Апокалипсис улыбки Джоконды» (2008, в соавторстве с Евгенией Краснояровой).

БЕЛЫЙ ШУМЕР

Радость моя, наш сентябрь — ушел.
Он не дождался нас и — обезумел.
Весь его свет и одежда белый шелк,
Белый шумер — растворен в белом шуме.

Солнце мое, нами он — дорожил,
Знал, что не будет другого расклада,
Груз его — нашу счастливую жизнь —
Вместе с собою унес в листопады.

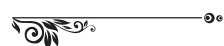
Радость моя, наш сентябрь сожжен
Рыжей листвой inferнального сада.
Выбежав в осень, скрываясь от жен,
Он поражен был такою засадой.

Солнце мое, он — отжил и остыл,
И — обратился в космический холод.
Мы — его бранный, единственный тыл —
Только лишь айсберги, не — ледоколы.

Радость моя, наш сентябрь погиб
Через три месяца после разлуки.
Я не подам ему больше руки,
Ибо бесплотны у призраков руки.

ЕВГЕНИЯ КРАСНОЯРОВА, член жюри

(г. Одесса, Украина)

Поэт, прозаик, драматург. Член Одесской областной организации Конгресса литераторов Украины, Южнорусского союза писателей, Одесской областной организации Межрегионального союза писателей Украины. Лауреат Международного фестиваля русской литературы «Болдинская осень в Одессе», Международного литературного фестиваля «Славянские традиции». Член жюри международного фестиваля «Пушкинская осень в Одессе» (2009). Публикации: в одесской антологии поэзии «Кайнозойские сумерки» (2008), одесской литературной антологии «Солнечное сплетение» (2010), в альманахах «Меценат и мир. Одесские страницы» (2008, 2009, 2010, Москва), «Дерибасовская — Ришельевская» (2008, 2010, Одесса), «ЛитЭра» (2009, Симферополь), в журналах «Российский колокол» (2008), «Южная звезда» (2010), «Дон» (2010), «Октябрь» (2010), «Другое полушарие» (2010), в газетах «Литературная газета» (Москва), «Литература и жизнь» (Киев) и др. Автор книги драматургии «Апокалипсис улыбки Джоконды» (2008, в соавторстве с Сергеем Главацким), сборника стихотворений «Серебряные монгольферы» (2009).

РУССКИЕ АНГЕЛЫ

Светлые духом будут стоять — как сосны,
Даже в раю из пластика и акрила.
Даже в краю, который чума накрыла,
Будут — как Солнце.

В этих таежных дебрях чужих историй,
В этих алмазных копиях многоэтажек,
В этих печах — скитуют льняные стражи
Белого моря.

Денно волшбят серебристыми голосами —
При ветре любом слышен напев их вольный.
Их видно в толпе по хлебным карманам,
полным
Всякими чудесами...

Сердцами лазоревы, пепельны волосами —
Вяхири наших посадов, побитых градом.
Им ничего, ничего для себя не надо
Под небесами.

В этих картонных углах, на бетонных пашнях,
В воздухе, сгнившем от пагуб и пустословий,
Молят они хозяев своих гнездовий
За — нас, за — наше...

***

Над камнем древнеримским колышется
тимьян —
Здесь время, заглубев, застыло вне приличий.
Спасется и погибнет святой Себастиан,
Аттила бросит клич и захлебнется кличем,

И будут гипподромы властителей и вражд,
И в пурпуре чума, и лепра с колокольцем...
... И юный лжепророк, и отравитель-паж,
И грязные стада старух и богомольцев...

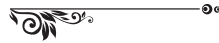
Как ветер по траве, как вешняя вода —
Меняющие лишь названия и лица,
Они проходят здесь. Они спешат туда,
Где мрак небытия надорван летописцем.

Колышется тимьян. Всесилие и власть
Обещаны тому, кто нерушим и вечен...
Проходят времена, но камню — не пропасть.
И ты на камне том — печать. Поэт. Предтеча.

ЕВГЕНИЯ БИЛЬЧЕНКО, член жюри

(г. Киев, Украина)

Евгения Бильченко родилась в 1980 г. в Киеве. Поэтесса, прозаик, переводчица. Философ, культуролог, религиовед. Доцент кафедры культурологии Института философского образования и науки Национального педагогического университета имени М. П. Драгоманова. Член редакционной коллегии Международного литературно-художественного журнала «Ренессанс» (Киев). Член Всеукраинского творческого союза «Литературный форум», литературного объединения «Каштановый дом» и др. Победительница всеукраинского литературного конкурса «Витоки-2009» в номинации «Поэзия» (1-е место), лауреат всеукраинского поэтического фестиваля «Краснодонские горизонты – 2009», финалистка всеукраинского турнира поэтов (в рамках всеукраинского фестиваля русской поэзии и культуры «Пушкинская осень в Одессе – 2009»). Публиковалась в журналах «Просто неба» (Львов), «Золотой век» (Киев), «Дети Ра» (Москва), «Зинзивер» (Санкт-Петербург), «Дарьял» (Владикавказ) и др. Произведения печатались в альманахах «Современный Ренессанс», «Каштановый дом», «Крылья», в антологиях «Пушкинская осень в Одессе – 2009», «Мы помним... (1945 – 2010)». Автор сборников поэзии «Моя революция» (2009) и «Жесть» (2010).

НИТЬ

Мой Бог давно меня просек,
Но не торопится с отмщением,
И я боюсь, что это все
Опять закончится

Прощением

Вины, которой нет конца...
Под ногти въелась и ощерилась —
Хоть бей в лицо, хоть пей с лица —
Вина — как мания

Прощением

Как длинный, лунный полусвет,
В узлы зажатый между щелями...
Господь, распутай мне рассвет
На Ариаднино

Прощением

И я пойду, держась за дождь,
Сквозь планировочку пещерную,
Как недоразвитая дочь, —
В слепой и полный свет

Прощением

Сотру — табула расой — боль,
Оставив только две пощечины...
И выйду к солнцу — в пыль и соль.

В ноль.
В воскресение Прощёное...

ТЕКСТ В ТЕКСТЕ

Как пыль, припрятана за этажеркой
Мечта.
Ты верил в искупительную жертву
Христа.

Она тебя любила: разве в Еве
Суть зла?
Невестою Христовою твоею
Была.

Быть суженой — читай: отцом и другом,
Сестрой.
В последней битве подхватив хоругви,
Встать в строй.

Вот, кажется, еще один журавлик
В крови.
Лишиться сна — наименьшее из правил
Любви.

Апокриф, комментарий, догма, ересь,
Урок?
Я в книге вашей поздней вставкой греюсь
Меж строк.

Ты так хотел. Своей монашьей волей
Без рук.
Наверное, я твой последний воин
В миру.

Наверное, я ничего не знаю —
Знай сам.
Дай Бог твой слог мне сохранить, как знамя,
Мирам.

АЛЕКСАНДР ЛЕОНТЬЕВ, член жюри

(г. Одесс, Украина)

Александр Леонтьев родился в 1962 г. в Краснодарском крае. Прозаик, поэт, переводчик. Член Одесской областной организации Конгресса литераторов Украины, Южнорусского союза писателей. Лауреат Международного фестиваля русской поэзии и культуры «Болдинская осень в Одессе» (2008), Международного литературного фестиваля «Славянские традиции» (1-е место в номинации «Малая проза», 2009, АР Крым, Шелкино), Международного конкурса им. Сергея Михалкова на лучшую книгу для подростков (2010, Москва), Международной литературной премии «Славянские традиции» (2010, Киев). Публикации: в альманахах «Болдинская осень в Одессе» (2008, Киев), «ЛитЭра» (2009, Симферополь), журнале «Дон» (2010), газете «Литература и жизнь» (Киев) и др. Автор книги прозы «Тягнякяч» (2007).

УДОД (рассказ)

В то утро я поднялся еще до рассвета, на улице было зябко и ветрено. Когда я прибежал на гребную базу, эллинги были еще закрыты. Побродив немного между стойками для лодок, я решил спуститься к бону, сбежал по бетонной дорожке вниз, потом обогнул высоченный тополь и остановился, — на боне прямо у воды кто-то сидел. Я приблизился и узнал Леру; мне показалось, что глаза у нее заплаканы.

— Привет, ты чего тут делаешь в такую рань? — спросил я и почувствовал, как застучало сердце. — Ты что, плачешь?

— Вот еще, придумал тоже!

Но глаза у нее были красные, я-то был не слепой. Пусть, думаю, говорит, что хочет, а меня не проведешь. Честно скажу, меня все это несколько озадачило.

— Ты что, следишь за мной? — вскинулась она неожиданно, потом поднялась, прошла мимо, даже не взглянув на меня, и стала подниматься по трапу к эллингам.

— Нужна ты мне больно, вот еще, — бросил я ей в спину.

Она даже не обернулась.

В то утро я спустился к бону последним, подождал, пока все уйдут вниз по течению, и потом быстро пересек реку.

Было тихо, от воды поднимался пар, волна с глухим шипением билась о высокий берег. Над горизонтом висел золотисто-оранжевый шар; лопасть весла легко рассекала блики на воде, кожа под футболкой горела, я шел

против течения спокойным, размеренным ходом. Я ни о чем не думал. Мысли куда-то улетели, растворились, исчезли. В голове растекалась приятная легкость и пустота.

Неожиданно я услышал сзади плеск и шум гребков. Я оглянулся. Это была она, Лерка, между нами было метров двадцать, не больше. Я ускорился, перешел на длинный плотный гребок, налегая всем корпусом на весло. Она отстала, но ненадолго и, когда я приблизился к лагуне, в которой тренировался, была совсем недалеко от меня.

Я остановился и, поставив весло на баланс, смотрел, как она приближается.

— Ну, чего остановился? — крикнула Лерка, подплывая. — Хочешь, давай погоняемся? Или ты испугался!?

— Тебя, что ли?

В горле у меня было сухо, щеки горели.

Я наклонился и проскочил под веткой ивы, которая стелилась почти по самой воде. С шумом байдарка проскользнула в сумрачную заводь. Лера последовала за мной.

Сквозь прозрачный шатер листвы пробивалось солнце, и его огненные снопы падали на заводь, и от воды поднимался пар, пар клубился между деревьями, но солнечный свет все прибывал, прибывал, и стволы деревьев окрашивались багряным золотом, и снопы падали, пробиваясь сквозь влажный зеленый сумрак, и отражались от воды так ярко, что нужно было зажмуриться, чтобы не ослепнуть от этого блеска.

Было так тихо, что слышно было, как с весла падают капли. Гомон птиц смолк, когда мы проникли в заводь, но теперь по две, по три они вновь запевали.

Я посмотрел на Леру, она улыбалась.

— Ты чего? — спросил я ее.

— Взъерошенный ты какой-то.

— Сама ты... — слова застряли у меня в горле, потому что в этот момент птица с хохолком-веером вспорхнула с ветки и села на другую, в метре от Леры. Лера медленно положила весло на деку байдарки и приложила палец к губам, я кивнул.

— Красивая какая, — прошептала Лера.

— Да-а... — протянул я.

Впервые я видел удода. И он тоже смотрел на нас с удивлением. Глаз-бусинка подрагивал в теплом веке; удод сидел настолько близко, что можно было его рассмотреть. Легкий утренний ветерок ерошил рыжие перья его сложенного хохолка и розоватые перья на брюшке, и он суетливо поводил из стороны в сторону длинным, слегка загнутым книзу тонким клювом.

— Поймай его, поймай, ну же, давай, Лерка, давай! — громко зашептал я.

Но она и не думала меня слушать.

— Совсем как ручной, — услышал я звук ее голоса, который унес порыв ветра.

— Смотри, смотри, он сейчас улетит, — я не выдержал и дернулся в лодке так, что чуть не вывернулся; хорошо, что вовремя поставил весло на баланс.

В тот же миг сильный порыв ветра прошелся по деревьям, посыпались на воду соринки, веточки, клейкие листочки, птица вспорхнула и, часто-часто взмахивая широкими крыльями, улетела. А еще через минуту мы услышали из прибрежной чащи крик: «Уп-уп-п. Уп-уп-п». Мы сидели в байдарках, как зачарованные.

— Говорил же — хватай! — воскликнул я в сердцах.

— И что потом?

— Дома иметь такое чудо, представляешь?!

— Птица должна жить на свободе. Я однажды подобрала и принесла домой выпавшего из гнезда птенца, а потом он умер.

— Так то птенец.

— А если это мама и у нее птенцы, что тогда? Они должны погибнуть, потому что ты захотел новую игрушку, так, что ли?

— Да ну тебя, правильная ты такая! Гоняться будешь?

— Что-то не хочется...

— Как знаешь, а я ускорюсь разок.

Развернувшись, я стал на старт, потом набрал полные легкие воздуха, воткнул весло в воду, рванул его на себя, лодка подпрыгнула подо мной, а я, задержав дыхание, все вкапывал, вкапывал, вкапывал, ветер шумел в ушах. Не долетев до конца заводи нескольких метров, я резко притабил и развернул байдарку.

— Чемпион! — крикнула она.

Я сильно запыхался, но старался не показывать этого и, подплывая к ней, спросил:

— Слушай, а чего ты утром ревела там, на боне?

— Тебе показалось, не было такого.

— Как хочешь, можешь не говорить.

Мы стояли рядом, раскачиваясь на волнах, катящихся от топкого берега, которые нагнала моя байдарка. Внезапно мне захотелось ей сказать что-то хорошее, что-то такое, от чего бы она улыбнулась, рассмеялась, и я все силился придумать нужные слова, а они не приходили мне на ум; я как онемел, будто мне сковали язык. И еще она так странно на меня смотрела: растрепанная, в зеленой футболке, ее глаза сияли. Я хотел ей сказать все, рассказать, как я всегда подсматриваю за ней из окна, когда она возвращается из школы, или когда спускается из эллинга на воду, или когда гуляет с братом по набережной, или когда выходит на балкон и помогает бабушке вешать белье. Я хотел ей рассказать все, и горячая волна подкатывала к горлу, неся с собой поток всех этих слов, но из рта у меня вырвалось совсем другое:

— Пора возвращаться.

— Да, да, конечно.

На гребную базу мы вернулись, каждый своим ходом. И почему-то я больше не ходил в эту лагуну, и ругал себя, и злился. И мы с ней, как и прежде, просто перекидывались обычными фразами при встрече: «Привет» — «Привет». И все.

Тогда, наверное, все и началось, и длилось почти все лето, но потом, в начале августа, в наш двор приехал этот тип с длинным носом, которого прозвали Удод, и все испортилось.

Он терся все время возле нее, плел, наверное, всякое, играл на гитаре, блял своим девчачьим гнусавым голосом, и я видел, как она на него смотрела, и мучался, не спал ночами, ругал себя за свою немоту, ругал себя и не находил себе места, но потом это все улеглось, как ветер в поле, и стало легче. Да, стало легче.

АЛЕКСЕЙ ТОРХОВ, член жюри

(г. Николаев, Украина)

Алексей Торхов родился в 1961 г. в селе Олинск Читинской области (Российская Федерация). Поэт, прозаик. В Николаеве живет с 1993 года. Публиковался в журналах «Радуга» (Киев), «Журнал ПОэтов» (Москва); «Российский колокол» (Москва), «Чайка/Seagull» (США), альманахах «Юрьев день» (Киев), «Девятый сфинкс» (Николаев), «Стых» (Днепропетровск), «Аркуш» (Днепропетровск), «ART-штурм» (Днепропетровск), «Свой вариант» (Луганск), «ЛитЭра» (Москва) и др. Представлен в поэтических антологиях «Украина. Русская поэзия. XX век» (Киев, 2007), «Песни южных славян» (Донецк, 2008), «Земляки» (Москва, 2009). Обладатель Гран-при всеукраинских фестивалей «Звуки поэзии – 2005» (Винница), «Летающая крыша – 2005» (Черкассы), «Элита-2006» (Луганск), «Подкова пегаса – 2006» (Винница). Неоднократный участник международных литературных фестивалей «Киевские лавры», «Волошинский фестиваль», «Каштановый дом». Лауреат Международного фестиваля «Славянские традиции – 2009» в трех номинациях. Автор поэтических книг «Сеятель птиц» (Винница, 2007), «Чайная пауза перед блюзом» (Николаев, 2009). член Межрегионального союза писателей Украины (2006), член Конгресса литераторов Украины (2006), с 2007 года — член правления КЛУ, председатель Николаевской областной организации КЛУ, член творческого общества ДООС, руководимого Константином Кедровым (Москва, 2008). Награжден литературной премией имени Владимира Сосюры (МСПУ, 2009).

МНЕ БЫ СТАТЬ КОНЕМ

(монолог поэта, ставшего на путь излечения)

Мне бы стать конем о семи педалях
(на иСКОННОМ значит — «быть семи
пядей»!)

Мне бы словом толковым осесть у Даля,
а не на ночь (у какой-то!) глядя.

Мне бы в мотыльки над твоей иконой,
чтоб свеча пылала святым кострищем.

Мне б козырной плацкартой в ночном
вагоне,
не смыкая глаз поднебесным днищим...

Стать конем — не клячей! — вот это
мне бы...

Бить копытом на том и на этом свете!

Не звездой, не дырой, не заплатой в небе —
только воздухом, гривой вплетенным
в ветер.

За пределы. Влет. Мне и неба мало.

Чтоб до пены вразнос. Чтобы за кавычки...
...В отделение нашем сплошь — коновалы.

Может быть, коня им лечить привычней?!

Мне бы стать конем в пальто «от Армани»!

И до ГОРЯ ОТ подиУМА наржаться.

И босым бесподковно бродить в тумане.

Ковылять ковылями... Эх, любо, братцы!

Любо... И трансцендентно! Лепо...

Как серпом по ямбу — вон из формата!

Из стихов, где молитвы бездушный слепок —
в ухо Господа воплем без глянца (матом!)...

Вот такая блажь. Вот такая дурка.

Не дает заснуть, плющит, словно доза.

Мне бы стать конем. Милым Сивкой-

Буркой.

И умчать тебя от зеркал и прозы.

И умчать из нашего мимоletzья...

И домчать. До смысла. До воплощенья...

...Ладно. Мне пора — там компот на третье...

И любимое, из овса, печенье...

ЦВЕТАЕВСКАЯ ОСЕНЬ

МАРИНА ЦВЕТАЕВА

(1892–1941), русская поэтесса

Марине Цветаевой

Жила. Любила. И страдала.
Желала. И в любви сгорала.
Ждала. Искала. Жить устала.
Решилась. И ее не стало...

Рита Колобова

КРЫЛАТЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ

Кривая вывозит, прямая топит.

Крылья — свобода, только когда раскрыты в полете; за спиной они — тяжесть.

Наши лучшие слова — интонации.

Успех — это успеть.

Что мы можем сказать о Боге? Ничего. Что мы можем сказать Богу? Всё.

Источник молитвы не страх, а восторг.

Раз все вокруг шепчут: целуй руку! целуй руку! — ясно, что я руку целовать не должна.

Весь наш дурной опыт с любовью мы забываем в любви. Ибо чара старше опыта.

Богини бракосочетались с богами, рождали героев, а любили пастухов.

Грех не в темноте, а в нежелании света.

ИГОРЬ ПОТОЦКИЙ, член жюри

***

Из линий Матисса, влюбленного в женское тело, ты
вся состоишь. Уверенно ты посмотрела и вдруг повелела
вспугнуть эту тишь. Сыграла ноктюрн свой вчерашний
на память — из звуков дождя. И строчку на небе я вы-
сек, как пламя, но лишь для тебя. И вся ты раскрылась
внезапно, как эхо, что бродит в горах, для тайного
чувства и звонкого смеха на тонких губах.

***

Нас окружающие, словно лес,
Возникли звуки из таежной чащи,
Потом твое дыханье стало чаще,
А звезды — ярче в глубине небес

И выстроились вновь в алмазный ряд,
Словно птенцы впервые по ранжиру,
Как победители на свой парад,
Явив себя поверженному миру

Врагов. Они их сокрушить смогли,
Но ты уверена в своей победе,
Ведь веточки сирени расцвели
С мечтою о грядущем нежном лете.

Люби меня! Все остальное — бред,
Возникший ниоткуда, тьма глухая.
Склонись ко мне, беззвучно повторяя,
Что по росе из мглы идешь на свет.

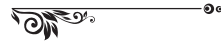
***

Вот ты ступаешь медленно сквозь дождь,
Сквозь многоточье капель оголенных,
С одной мечтой, что вновь меня найдешь
Благодаря листве дубов и кленов.

И, прошлые отринув времена,
Где были и обиды, и печали,
Войдешь опять в меня ты, как волна,
Оставленная нами на причале.

НАИЛЬ МУРАТОВ, член жюри

Родился 1951-м в г.Баку. Писать начал, будучи студентом 3-го курса политехнического института; вместе с Татьяной Мартыновой, Борисом Херсонским, Александром Бейдерманом, Кимом Каневским и Николаем Базелевым посещал литературную студию при Дворце студентов, позднее известную как студия Юрия Михайлика. Выбрал карьеру ученого, защитил кандидатскую диссертацию по органической химии. В настоящее время работает доцентом в Одесском национальном политехническом университете. Автор романов «ГАМЛЕТ: полная версия» и «Королева эльфов». Последний удостоен диплома лауреата конкурса им. К. И. Паустовского за 2009 г. Стихи Муратова легли в основу авторских песен. В 2010 году у Наиля Муратова вышла совместно с И. И. Потоцким книга «Любка и Апрель»

***

Взываю к тебе, Господи Иисусе,
Непонятый, но милосердный Боже,
Пусть осень меня, наконец, отпустит,
И прошлое уже не тревожит!

Взываю к тебе, истерзанный Бог мой,
Услышанный, но истолкованный ложно,
Прости все мои грехи и в круг свой
Прими души моей бег тревожный.

Прими, Господь, ее сердцебиенье,
Прими все то, что ей было свято,
Она не может уйти в забвенье,
Очередной твоей став утратой.

Взываю к тебе, добрый мой Иисусе,
Взгляни на небо: маша крылами,
Там наши души летят как гуси
Нестройным клином меж облаками.

Меж облаками, мой добрый Боже,
Летят они к твоему порогу,
Но если кто-то им не поможет,
Они не смогут найти дорогу.

Взываю к тебе, светлый мой Иисусе,
Путь укажи заблудившейся стае,
И осень меня, наконец, отпустит,
И боль твоя, наконец, растает.

МОЛИТВА № 2

Иже еси на небеси не все,
Господи, душу ее спаси простую,
слепленную из твоего, Господь, теста,
но не находящую на земле места.

Я пропою восторженную аллилуйю,
только душу ее сохрани святую,
слепленную из твоего, Господь, теста, —
мне на земле без ее любви тесно.

Ты оживить душу ее можешь
и подарить ей свое тепло, Боже!
Так сотвори, Господи мой, чудо,
Славить я вечно милость твою буду!

Иже еси на небеси, мой Боже,
ты сохрани душу мою тоже,
слепленную из твоего, Господь, теста,
но не находящую на Земле места.

Не помяну имени твоего все!
Господи, душу мою спаси не злую,
ищущую себе на земле места, —
Господи, ей без твоей любви тесно.

***

И рада бы моя душа в рай,
Да грехи не дают ей туда войти,
И она от вечера до утра
Обходные к раю ищет пути.

Так охота ей в небесной тиши
Ощутить целебную благодать,
Что, возможно, когда-то она, глядишь,
Через черный ход сможет в рай попасть.

Через черный ход, мимо райских врат,
Где архангел Пётр заступил на пост,
Проскользнет душа — ей сам черт не брат! —
Покидая сонный земной погост.

Проскользнет, взлетит и, скосив крыла,
Завернет вираж, да какой крутой!
Ведь она всегда озорной была,
Ах, какой была она озорной!

Посмотрите вы на ее полет,
На размах и стать стреловидных крыл.
Пусть душа другая псалмы поет,
Бог к моим молитвам уже остыл.

И, нахмутив бровь, он черкнет пером,
И тотчас слетится со всех сторон
Рать небесных ангелов во главе с Петром
За душой моей под церковный звон.

Пропадет она ни за медный грош
Здесь, в раю, где души — одна семья!
Дай мне, Боже, то, что у них берешь,
Но взамен верни им то, что отдал я!

ОЛЬГА ЛЕСОВИКОВА, член жюри

(г. Одесса, Украина)

Я родилась весной, когда природа пробуждалась, когда капель живой водой звучала, когда подснежник поднимал снега. Я дочь, я мать, я женщина-жена. Мечтаю и люблю, слова рифмую и прозой порой балую; тропую сказок, притч хожу и счастья птицу нахожу, звеня веселым колокольцем, Оле-Лукойе под зонтом, определяя суть времен сквозь сновиденья, шелчками легкими ловлю мгновенья и, фотомастерской пройдя огонь и воду, я различаю волшебства дорогу: без негатива позитива не бывает, «душа обязана трудиться», понимаю. И я тружусь, просеивая злаки, сажаю, поливаю и поляю, и песню благодарности пою тому, кто дарит свет с живительною влагой.

***

Свеча-монахиня, огонь в ней заточен.
На послушание сей свет был обречен,
И в нем сгорают суета и страх,
Обиды горы тают на глазах.
Израненной душе даруя исцеленье,
Свеча приносит веру и спасенье!

Костер-бунтарь,
Свободы собственной он царь!
Играет пламя, сладостно трещит,
Но жизнь зависит от того, что в ней горит,
А догорит — и ветер всё развеет,
И страсть к величию значенья не имеет.

Всё и всегда меняется на свете.
Из маленьких большими станут дети.
Свеча — лишь каплей воска на столе,
Костер — лишь горкой пепла на земле.
Но в книге, что записана Вселенной,
Значенье каждого останется нетленно.

Ведь можно только небо закоптить,
А можно мир любовью освятить!

***

Быть ветром, чтоб тебя ласкать
И твои губы целовать,
Мечтаю!
Быть морем, чтоб тебя обнять
И твое тело ощущать,
Мечтаю!
Быть солнцем, чтоб тебя согреть
И чтоб в глаза твои смотреть,
Мечтаю!
Быть ночью, чтоб к тебе прийти,
В подарок звезды принести,
Мечтаю!

***

Не закрывай глаза на календарь,
Несбывшееся со счетов не списывай,
Круги свои в квадраты будней вписывай
И фейерверком праздника взрывай!

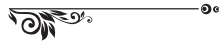
ГДЕ РОЖДАЮТСЯ СТИХИ?

Они прозрачны и легки,
И в воздухе как мотыльки,
И словно мысль неуловимы,
Непредсказуемы, незримы,
Промчатся, оставляя след,
Рождая то шедевр, то бред.

КОРНЕТОВА ИРИНА

(г. Одесса, Украина)

*Родилась и живу в Одессе. Стихи пишу с июня 2009 г.
Приз благотворительного фонда AVE и приз зрительских
симпатий на «Пушкинской осени в Одессе».*

ПИСЬМО

*Всё врозь у нас — рты и жизни...
Марина Цветаева, «Поэма конца»*

И поезд тронулся... Не стану оригинальничать, мой друг: зачем писать про чемоданы и про колесный перестук? К чему описывать пейзажи за плохо вымытым окном? Рассчитывать хронометражи из пункта «А» до пункта «Дом»? Не упрекай меня в жеманстве, я назову маршрут (позволь?): перемещение в пространстве из пункта «Мы» до пункта «Боль»... Там, на заплеванном перроне, осталась тень моя и плачет... Мой белокурый чичероне, судьба нередко нас дурачит. Зачем нечаянная встреча связала в узел «рты и жизни»? В сухом остатке — «время лечит» и все обычные цинизмы...
Пытаюсь выразить словами, как много для меня ты значишь. Наш мир разорван поездами. А ты, любимый, тоже плачешь?
Наверно, боги к нам пристрастны: законы пройденных дорог перемещают нас в пространстве из пункта «Страсть» до пункта «Долг».
Post scriptum: прошлое ранимо... Бездумно пью горячий чай, а поезд мчит неотвратимо из пункта «Ты» в депо «Прощай...»

СВЕЧА, КАПЕЛЬ И ШОКОЛАД

Уходит снег — печально тает...
Заварен чай. Горит свеча.
Беспечный кот с хвостом играет
И умывается, мурча.
Разнежил тело плед пушистый,
Маняще пахнет шоколад...
Звучит капель светло и чисто.
Открою книжку наугад —
Каким уютом дышит фраза
«Давным-давно, во мгле веков...»
Тихонько вьется нить рассказа
Про ведьм, русалок, рыбаков.
Декабрьский мрак самозабвенно
Укрыл туманом голый сад,
А я одна в своей вселенной:
Свеча, капель и шоколад...

ЕВГЕНИЙ ГОЛУБЕНКО

(г. Одесса, Украина)

Одесса, ул. Комсомольская 24, роддом № 2, 1955 год — родился Я, Голубенко Евгений Дмитриевич. Или город тому виной, или расположение светил на небе, но на роль ангела-хранителя мне досталась муза поэзии. И пошло, и поехало... Все люди как люди: начиная с детских лет выстраивали на пляжном берегу дворцы из песка, а повзрослев — коттеджи на Канарах. Я же понапридумывал себе воздушные корабли, стремящиеся к воздушным замкам... И, подгоняемые легким морским ветром, распускали они над волнами белые облака парусов, а ночью темной флотилией проплывали над головой, поймав струю небесного течения. Но однажды, выйдя из рассветной купели, мой ангел-хранитель, моя муза обрела реальные черты. И мои корабли в алом убранстве полетели ей навстречу...

Обо всем дальнейшем, что со мной происходило, можно почитать в сборниках «Катя Мур» (2008), «Год без Мур» (2008), «Посеребренная любовь» (2009), «Трилогия любви» (2010).

ОСЕННЕЕ

Краски рассвета и краски заката
Осень сумела свести воедино,
Чтоб желтизною айвой цукатной
Выкрасить листья, добавив кармина.

Красным, оранжевым, бурым, медовым,
Сотней нюансов и сотней оттенков
Осень стремилась раскрасить портовый
Город и пригород, крыши и стены.

Мир канифольный, мир золоченый
Переплелись, дополняя друг друга.
И по брусчатке, в том веке мощеной,
Ветер проносит из листьев хоругви.

Ширилась осень, звала, разрасталась
Неудержимо, объемно, вулканно.
И на мгновение всем показалось —
Это надолго, на постоянно.

ПОТРЕПАННЫЙ ОДЕССКИЙ СТАРЫЙ ДВОР

Потрепанный одесский старый двор,
Мелодию нащупывая скрипом,
Семи ветрам объятья распростер:
Шальным, залетным, бесшабашным,
сиплым.

И тает незатейливый мотив
По-доброму, по-свойски, по-житейски,
Разумно, с тактом, с чувством совместив
Мелодию Успенской и Еврейской.

Мой старый двор который век поет
Тепло, светло, знакомо, колыбельно.
И сердце тихо екает мое,
Скрипучей потревоженной дверью.

АНАТОЛИЙ ЯРОВЕНКО

(г. Одесса, Украина)

Приз читательских симпатий

Родился в 1992 году. Коренной одессит. Занимаюсь компьютерной графикой, веб-дизайном, полиграфией, программированием. Учусь в Международном гуманитарном университете (1-й курс, направление «дизайн»). Победитель всеукраинских и международных творческих конкурсов. Участвую в научных конференциях и конгрессах. Стихи начал писать для их иллюстрирования посредством компьютерной графики. В дальнейшем увлекся не только поэзией, но и поэзией перевода. 30 сентября 2010 года, в Международный день переводчика, состоялась презентация книги «Поэзия перевода. Вариации», в которую вошли и два моих поэтических перевода с английского языка («Отчаяние» В. Лавкрафта и «Аннабель Ли» Э. По). Художественное оформление обложки также было разработано мною. Интересуюсь авангардными течениями поэзии. При иллюстрировании поэзии Серебряного века еще в 10-м классе под руководством учителя русского языка и литературы Ковалевой Лилии Владимировны я написал стихотворение «Серебряный век», а под влиянием поэтического посвящения М. Цветаевой ее умершему супругу Эфрону («П. Э.») я написал своеобразную аллюзию «Письмо не в пустоту...». Более подробную информацию обо мне и моих увлечениях можно получить на моем персональном сайте www.Yarovenko.LNA.od.ua.

ПИСЬМО НЕ В ПУСТОТУ... (аллюзия на «П. Э.» М. Цветаевой)

Любимая! Я знаю, не простите
Вы мне того, что Вам я напишу.
Быть может, объяснений захотите,
Но я уже уехать поспешу.

Меня Вы не ищите, ради Бога!
Не проклиняйте, очень Вас прошу!
У каждого из нас своя дорога,
Я путь держу к другому шалашу...

Еще при жизни Вас я позабуду,
И Вы меня забудете навек!
Я вещь Вашей никогда не буду!
Я преданный Гордыне человек!

Меня уверенно считая своей тенью,
О, как же слепо заблуждались Вы,
Не замечая, что так нехотя и с ленью
Дарил я Вам заветные мечты.

Последний раз я Вас назвал любимой,
Ведь я пишу письмо не в пустоту:
Пишу его я женщине ранимой
С мольбой — простить меня за прямоту.

СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

Тот век Серебряным не зря назвали,
Ведь их виски посеребрила седина
Намного раньше, потому что они знали,
Что предаст их всех Советская страна.

Ахматова, Цветаева, Волошин —
Их список можно дальше продолжать.
Тот, кто из них остался не допрошен,
Тот властью был отпущен умирать...

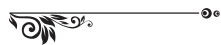
Стихи их долго были под запретом,
Но час настал, и мы читаем вслух
Рожденные безудержным поэтом
Слова, что прославляют русский дух.

КСЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВА (БРАЖИНЕНКО)

(г. Одесса, Украина)

Приз читательских симпатий

Ксения родилась (1990 г.) и выросла в Одессе. Окончила Одесский экономический лицей и Одесский политехнический университет. Писать начала в 15 лет, но до последнего времени не воспринимала свое творчество всерьез. Впрочем, всего несколько месяцев назад все изменилось: Ксения начала выступать на поэтических чтениях, посещать литературную студию «Поток», приняла участие в конкурсе «Алые паруса». В ближайшее время планирует выпустить сборник вместе с другими молодыми одесскими авторами. Кроме литературы увлекается интеллектуальными играми, журналистикой и экстремальными видами спорта.

ДЕНЬ ВАЛЕНТИНА

Давит к земле до края набитым ранцем,
Заданным сочинением о Емеле.
Валька, сосед, совсем не умеет драться,
Я не пыталась, но говорю: умею.
День Валентина — праздник, по мне, дурацкий.
Валя принес в подарок воздушных змеев.

Шустро мелькает в прядях цветная раста,
Секс вызывает радость, как в детстве — санки,
Много напитков — крепких, хороших, разных.
Ближе не стоит, thank you, спасибо, danke.
День Валентина — имхо, совсем не праздник.
Валька влюбился, бегают на свиданки.

Солнце на плечи давит лимонной сферой,
Сколько же можно жарить, гореть, лосниться?
Муж уезжает завтра, я с ним — на север.
Помню чужие руки, не помню лица.
День Валентина — праздник унылый, серый.
Валик уже пять лет как живет в столице.

Я с сыном, Валец, ласкова, неразлучна,
Сказками о Емеле кормлю на полдник.
Каждое воскресенье — отличный случай,
Время воздушных змеев, качелей, пони.
День Валентина — праздник, конечно, лучший.
Валик, сосед, должно быть, меня не помнит.

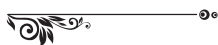
Давит к земле до края набитым ранцем.
Лезвием память — хватит, куда больнее?
Валя, сосед, совсем не умеет драться.
Те, дворовые, были быстрее, сильнее.
Я отучилась, вышла за иностранца,
Валька погиб...
У пяток река синее.

ЛЮДМИЛА НОВОКРЕЩЕНОВА

(г. Одесса, Украина)

Награждена специальным призом
за эссе «СИЛА ИСКУССТВА»

Родилась в г. Одессе в 1938 году.
Доцент, кандидат технических наук.
Автор пяти книг.

СИЛА ИСКУССТВА

*Моим стихам, как драгоценным винам,
Настанет свой черед.*
М. Цветаева

Прошло около двух лет после смерти мамы, очень близкого мне духовно человека, искреннего, самоотверженного друга. Чтобы отвлечь от грустных мыслей, друзья, зная, что я люблю поэзию и художественное чтение, пригласили меня в филармонию. Там известная одесская чтица Елена Куклова должна была выступить со своей программой о Марине Цветаевой.

Прекрасная программа, замечательное чтение, а главное — талантливые строки стихов любимой Марины Цветаевой привели меня в совершенно необычное состояние. Исчезло все окружающее, я поднялась в другой мир, полный Гармонии и голубого Света. Глубочайшая внутренняя тишина охватила меня.

В этом состоянии я возвращалась домой. Шла не спеша, изредка, по необходимости, ныряя в наш обычный мир, чтоб перейти мостовую или сесть в троллейбус. Это состояние сохранилось и дома, с ним я легла спать.

Но самое удивительное было то, что после этого я вдруг почувствовала в себе способность писать стихи!

О сила Искусства, сила сердца человеческого и его таланта!

Искусство душу поднимает,
Искусство душу раскрывает,
Как солнца яркие лучи,
У розы алой лепестки.

АННА СТАРКО

(г. Одесса, Украина)

Родилась 18 августа 1997 года в солнечном городе Одессе.

Увлекаюсь литературой, особенно поэзией Серебряного века, немного пишу, недавно выпустила первый сборник стихотворений. Учусь в гимназии № 6. Являюсь читателем и почитателем гениальной и любимой Марины Цветаевой.

***

Мне голос был от сумрачных небес,
Он говорил уйти от этих праздных городов,
Что мой корабль ждет своих портов
И слово не имеет больше вес...

Что есть страна поэтов — менестрелей,
Где сад и дом меня три века ждут,
Но люди мест сих больше не найдут —
Ведь чувства все, как черновик, сгорели...

Там тишина, и призрачный покой,
И ангелы, как ветер грез, смеются,
А окна солнечным теплом нальются,
Благословят улыбкой и мечтой...

О небо! Помоги! Ты щедро, мудро,
Но я хочу хоть нищенкой тут быть
И средь людей отчаявшихся плыть,
Чтоб подарить надежду им, как утро...

ЭДУАРД МАРГАРЯН

(г. Одесса, Украина)

Родился в Армении в 1997 г., через год семья переехала на Украину, в Одессу. Вот уже 12 лет живу здесь. Начал писать в 11 лет. Преимущественно люблю сочинять в жанре фэнтези. Также мне нравится описывать природу и сочинять обращения к человеку, наполненные особым смыслом. Пишу я ради удовольствия, мне нравится передавать свои чувства и мысли на бумагу, обдумывать разные вопросы на философские темы. В жизни хочу стать удачным человеком, объездить весь мир и, если будет возможность, жить в Англии, ближе к природе.

«ПОЭТ И ЖЕНЩИНА В ОДНОЙ...»

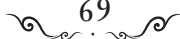
Темные, слегка вьющиеся волосы, грустное лицо, прекрасные глаза, пронзающие в самое сердце. Когда смотришь на портреты Марины Цветаевой, трудно представить, что этой красивой женщине выпала на долю такая непростая судьба. Она не сдавалась и мужественно боролась до конца — за себя, за семью, за поэзию. Она писала (хотя уместнее сказать «творила») в тяжелые времена. Революции, голод, разруха, потеря близких и друзей... Все это ей пришлось пережить. Одного за другим Цветаева хоронила дорогих сердцу людей, но ничто не отражалось на прекрасном лице, только глаза становились грустнее да в уголках губ залегла глубокая складка. Ее стихи от невыносимых страданий становились только терпче и пьянее, словно вино. «С годами становится только лучше», — говорила иногда поэтесса.

Ее любимым растением была рябина. К ней у Марины было особое, материнское чувство. Символ этого дерева с кроваво-красными ягодами встречается чуть ли не в каждом ее стихотворении. Кто-то из великих сказал, что «без Марины русская поэзия никогда бы не смогла считаться полноценной», и был совершенно прав. В стихах Цветаевой даже черствый человек найдет звенящую струну, затрагивающую душу и бередящую самое сокровенное, то, что носят в сердце, пряча от людских глаз.

Марина Цветаева была потрясающей женщиной, талантливой поэтессой, сводила с ума мужчин и женщин, не переставала любить одного-единственного человека, при этом ведя свободный образ жизни. Она родила двоих детей, которых безумно любила, при этом признавалась в том, что никогда не уделяла им должного внимания. Она клубок противоречий, она святая и распутная, прекрасная и грешная. Ей посвящали стихи...

Поэтесса не уставала любить жизнь, борясь за каждое мгновение, и в итоге... ушла из нее по собственной воле.

Поэт и женщина в Цветаевой были двумя эквивалентными сущностями, и поэзия вращалась в жизнь настолько крепко и плотно, что быт превращался в бытие и сама поэтесса не могла разделить себя и своего лирического героя.

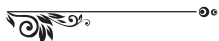
КОНКУРС ОДНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ

Памяти Риммы Казаковой

* * *

Линия жизни, бороздка
намертво вбита в ладонь.
Как я устала бороться!
Боже, откуда берется
этот задор молодой?!
Высохли Божьи чернила,
и не стереть нипочем
то, что судьба начертила,
что лишь смиренно прочтем.
Радостно, странно, ужасно
верить, по бритве скользя!
Как я устала сражаться!
А не сражаться нельзя.

Из интервью с Р. Колобовой, организатором поэтических турниров, международных проектов («Конкурс одного стихотворения», «Цветаевская осень», «Международный Гринковский фестиваль «Алые паруса»»), членом Международной ассоциации писателей и публицистов, Союза писателей Северной Америки, Национального союза журналистов Украины, награжденной почетным знаком «Золотой платан» (Украина) и Золотой Есенинской медалью (Россия), «Женщиной Года» в номинации «СМИ» (2010), управляющей департаментом по культурным и международным связям Причерноморской академии языковых технологий..., главой БФ AVE, главным редактором альманаха «Золотая Ника»

ИСКУССТВО — БЕЗ ГРАНИЦ

— *Рита Валерьевна, позвольте Вам задать вопрос не по теме. Насколько счастливым для Вас был 2010 год?*

— Год Тигра для меня был полосатым. С одной стороны — потеря любимого человека, а с другой, как в компенсацию, — события огромной важности. Я узнала много новых замечательных людей. Были, конечно, ошибки, но больше — побед. В 2010 году начала работать над своей новой книгой...

— *Что за «события огромной важности» Вы упомянули?*

— Конечно, в первую очередь это мой новый проект «Алые паруса»...

— *Я так понимаю, проект также носит характер международного?*

— Не улыбайтесь. Секрет такого «довлечения» к статусу «международный» — не в амбициях, а в стремлении преодолеть все рамки, преграды, границы для общения творчески одаренных людей из разных уголков мира, ведь Искусство — без границ. Язык Прекрасного поймет каждый. Не терплю никаких рамок, клеток, условностей, сужающих пространство Свобо-

ды Мысли, Свободы Полета. Рвануть «за флажки» позволяет международный статус проектов. Все просто.

— *Конечно, Вы масштабно мыслите! Но позвольте задать вопрос, как Вам удалось в столь сжатые сроки организовать более десяти, кажется, фестивалей в рамках одного Вашего проекта «Алые паруса»?*

— Начнем с того, что Первый Международный Гринковский фестиваль «Алые паруса» стартовал в августе 2010 года в Одессе в честь 130-летия со дня рождения русского писателя Александра Грина, любимого мною с юности...

— *Кстати, об истоках возникновения такой идеи — пару слов, как все зарождалось?*

— В конце года, после подведения итогов, попросила дать информацию обо всех грядущих юбилеях среди русских писателей и поэтов. 130-летие А. Грина послужило вполне достойной причиной для старта. Душа просила праздника, романтики, чего-то более грандиозного, чем конкурс...

— *И Вам это удалось! Еще не было такого разнопланового фестиваля, чтобы так гармонично переплелись все области жизни, где присутствует Романтика! Мне очень понравился фильм о Вашем фестивале на сайте ave.odessa.ua. Чья была идея такой палитры?*

— Программу фестиваля составляла моя единомышленница Ольга Лесовикова. Она предполагала, что я выберу к основному, литературному, подраздел, близкий по гриновскому духу. Это были пункты-варианты. Но я выбрала все! Ну как можно лишить людей встречи с Искусством? Каждая картина несет в себе Радость, Свет. А как без песен, без танцевальной феерии «Бегущая по волнам»? Сколько грации и красоты мы бы потеряли! Молодежная программа с ее «ГРИНландией», «Кладоискателем», конкурсами — от малой прозы до детского рисунка, песочной скульптуры — это же целый мир! Мир глазами ребенка! А юношеская парусная регата?! Нет, я ничего не вычеркнула. Более того, структура Программы оказалась сама по себе уникальной: она легко принимала и новые направления: такие же энтузиасты, как и мы, стали к нам обращаться со своими проектами, реализовать которые мы им помогли в этом фестивале.

— *А кто был первым, кто Вас поддержал?*

— Когда Оленька отдала мне составленную на одном дыхании программу фестиваля, она планировала поездку в Петербург. До этого я осталась без администратора сайта. Я была в отчаянии и намеревалась отказаться от задуманного (о фестивале я еще никому, кроме близких мне друзей, не говорила), и тут началась мистика: как-то неожиданно у меня происходят встречи, одна другой интересней; мне предсказывают события никак не связанные между собой две удивительные женщины, ясно увидевшие не только мои планы, но и появившееся в душе грустное настроение отказаться от них. Отговаривают, убеждают делать фестиваль, «очень важный для многих людей» (причем меня поразила идентичность их информации — в разных местах, в разное время одного короткого периода сомнений). Обе меня предостерегали от излишней доверчиво-

сти, говорили, что это приведет к потере больших денег (заранее отмечу: это произошло!) о намерении непорядочных людей из окружения не только лишить меня «авторства», но и присвоить себе успех... Эти женщины, как провидицы, словно были посланы мне Небом, чтобы укрепить меня, убедить идти к цели и делать фестиваль. Одна из них — Тамара, другая — Ливия. Светлые, милые. Но тогда я не могла представить, насколько они точно описали сценарий одного из вариантов Пространства. Впрочем, «предупрежден — значит, вооружен!».

В это же время происходит еще одна, не менее важная, встреча, когда, как в ключевой момент, мозаика мыслей и событий складывается в целостную картину. Это было знакомство (совершенно не планируемое!) с Николаем Ильичем Маковецким, возглавляющим руководство Одесским морским вокзалом. Он случайно увидел у меня фотографию, на которой по-отечески душевно меня обнимает Борис Давидович Литвак, очень дорогой мне человек, обожаемый, уважаемый и любимый не только одесситами — слава о нем границ не знает: он дарит надежду, он помогает сотням тысяч страждущих. Это Человек огромной души, Личность с большой буквы.

Именно с этого фото мы раскрыли с Николаем Ильичем друг другу сердца с полным доверием и симпатией. Когда он услышал, что я хочу сделать фестиваль «Алые паруса», тут же ознакомился с содержанием Программы, и тоном, не терпящим возражений, стал отмечать, что можно будет сделать на Морвокзале, — пункт за пунктом. Он был уверен, что и Морской порт поддержит меня. И не ошибся! Начальник Одесского морского порта, Николай Пантелеймонович Павлюк, — замечательный человек, настоящий романтик! Он оказал нам всестороннюю поддержку!

Весь Морвокзал был предоставлен под грандиозную Выставку искусств, а самый лучший причал (с видом на маяк со смотровых площадок и с Потемкинской лестницы) — для швартовки в акватории порта первой в истории Одессы яхты под алыми парусами Гриновского фестиваля. И все было великолепно: и яхта, и оркестр Морской академии, и 130 гелиевых алых шаров,

отпущенных в безоблачную голубую высь всеми юными Ассоль с пожеланиями счастья и исполнения желаний!

Одно за другим в тот день под диктовку Николая Маковецкого, в стиле нон-стоп, писались письма в Центр выставочных технологий (Юрию Вечь) и в Одесский дом (Сергею Сюрко). Забегая вперед замечу, что руководители этих компаний, по природе своей тоже романтики, хоть в жизни и конкурировали, но на фестивале работали вместе, и благодаря их благородству художникам, скульпторам, мастерам декоративно-прикладного искусства и др. были бесплатно предоставлены великолепные выставочные павильоны!

После этих писем отступать было невозможно. Срочно нужен был сайт, специалист, и первой же мыслью было обратиться к человеку, который всегда поддерживал меня в моих творческих мероприятиях, — Юрию Работину, председателю ОРО НСЖУ, членом которого являюсь и я. Юрий Анатольевич, как всегда, подставил мне свое сильное, надежное плечо. Это были первые мои ангелы-хранители, помощники в создании Фестиваля.

— *Как же вы смогли за несколько месяцев реализовать подготовку стольких мероприятий?*

— Напомню, что меня поддержал Юрий Работин: все СМИ были с нами! Мы выходили на все самые популярные телеканалы, Юра звонил по телефону, и ему для меня везде давали эфирное время на интервью, и можно было пригласить всех желающих одесситов и гостей города к участию в фестивале «Алые паруса». Поражало, какой надо было заработать авторитет, чтобы все совершенно бескорыстно (даже самые коммерческие телеканалы!) откликнулись и присоединились к нам. Такая теплая волна благодарности к нашим коллегам, тележурналистам! Юрий Работин, несмотря на загруженность и собственные проекты, стал одним из самых активных соратников. Пресс-центр в эти дни ассоциировался со Смольным, а Работин — с Лениным...) Разговоры, звонки, письма, задания, встречи. В один из организационных моментов случайно оказался в пресс-центре Жорж Алиевич Казанов, председатель ОО «Творческий

союз Казанова», неутомимый выдумщик и волшебник...

— *Это координатор феерии «Бегущая по волнам»?*

— Да, он стал координатором этого романтического подраздела — конкурса танцевальных коллективов. Он же рассказал мне об Эдуарде Брониславовиче Лебединском — молодом, прогрессивно мыслящем руководителе детского центра «Молодая гвардия» (одесского «Артека»). Жорж Алиевич, ознакомившись с объемом молодежной программы фестиваля, другого кандидата не представлял. Юрий Работин тут же набирает номер телефона, и уже через час я знакомлюсь с Эдуардом Брониславовичем, он знакомится с молодежной программой и... берет ее всю! Он — с нами! В таком ритме шла подготовка...

Велись переговоры с Москвой. Безусловно, литературный конкурс составлял самый главный раздел фестиваля. Александр Грин, который писал и стихи, остался в истории русской культуры прежде всего как писатель. Поэтому мне очень важно было, чтобы литературный раздел фестиваля возглавлял всеми уважаемый, известный в мировом литпространстве профессионал, мнение которого было бы весомо.

Такая характеристика соответствует Леониду Костюкову, которого мне выпало счастье увидеть случайно в один из Гоголевских вечеров 2009 года в Золотом зале Литературного музея г. Одессы. Я была поражена легкостью изложения, доступностью, готовностью к диалогу и разъяснению любого материала. Он призывал не закипать в провинциальном пространстве, интересоваться произведениями мастеров, заниматься работой над собой, а чтобы расти, выходить «на мировое пространство Интернета», изживая местечковость из сознания. Такие мысли меня будоражили и находили родственный отклик в собственной душе. И для меня было великой честью, что Леонид Костюков согласился возглавить литературную часть фестиваля «Алые паруса».

Я также благодарна за поддержку замечательному писателю и поэту Игорю Потоцкому, всем членам жюри конкурса

малой прозы и тем поэтам и писателям, что были с нами.

— *А сколько стран было представлено в «Алых парусах»?*

— Украина, Россия, Беларусь, Америка, Молдова, Казахстан, Польша, Израиль. Но перед закрытием фестиваля о своем желании поучаствовать и о готовности к сотрудничеству в 2011 году заявили также Германия, Испания, Франция (проект «Глория»). Будет новый проект из Питера.

— *Была ли реализована Ваша благотворительная программа?*

— Частично. Хотелось бы (и, надеюсь, это станет реальностью) помочь в содержании самому последнему дому Грина, где он и умер, — в Старом Крыму. Там, говорят, нужен ремонт кровли, стен; не помешал бы им и компьютер, и годовой запас оплаты оператору-администратору сайта, который бы могли создать, будь на то средства...

Все подарки с гала-концерта мы повезли в Тузовский детский дом (Татарбунарский район Одесской области). Я специально выбрала такой удаленный от города интернат, куда реже попадают благодетели и спонсоры, чтобы к тем детям тоже могла прийти хоть и небольшая, но радость. Впечатление от посещения осталось тягостное...

Юрий Анатольевич организовал автобус. Повезли от пресс-центра деткам канцтовары для школы. Мы пригласили их к участию в «Алых парусах» — среди них очень много талантов! Надеюсь, сможем решить вопрос, чтобы их на нескольких автобусах все-таки привезти в Одессу (они так хотели увидеть алые паруса с Морвокзала!); хотелось бы, чтобы они научились мечтать и поверили: чудеса случаются!.. Хотелось бы победителей всех номинаций свозить на удобном автобусе в Крым, организовать путешествие по местам Грина, но пока я хочу обеспечить достойную Международную Гриновскую премию, чтобы это было не только почетно, но и дало возможность лучшему из претендентов на награду издать свою книгу...

Хочется деткам из детских домов помимо игрушек привозить компьютеры, одежду... Хотелось бы привлечь к благотвори-

тельности меценатов не только всего мира, но и Украины, — она богата на олигархов, похоже, так же, как и на голодающих стариков и детей... Пока же я могу последним подарить несколько дней праздника Мечты...

Еще несколько слов о новом, тоже международном, проекте — открытии Арт-галереи в самом сердце Одессы, в Городском Саду, в изящном интерьере кафе «Наполеон», официальный адрес — Преображенская, 28. Приглашаем на экспозицию творческих людей из любой страны. Цель нового проекта — самой зарабатывать какие-то средства на благотворительность для тех же детей. Своё согласие о сотрудничестве мне дала руководитель Международного проекта «Арт-туризм» Галина Лекарева-Никитина, художник, искусствовед, за плечами которой — Питерская художественная академия. Информационную поддержку обещала Екатерина Пименова (авторская программа «Галереи»).

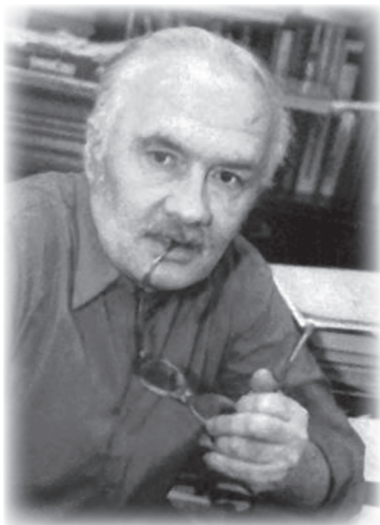
— *Возвращаясь к прозе жизни, хочу спросить: как Вы защищали свои авторские права?*

— После фестиваля я обратилась в такую официальную организацию, как «Укрпатент», куда для начала подала заявку за № 729065, а затем, чуть позже, из филиала Украинского центра инноватики и патентно-информационных услуг мне пришел ответ — отчет о выполнении работ по предоставлению патентно-информационных услуг по договору № 4974 от 15.09.2010 года, где было отмечено, что по Национальной процедуре информационного поиска и Мадридскому соглашению подобных моему фестивалю «Алые паруса» нет, и наш фестиваль (а также его логотип за № 201014167 от 14.09.2010 г.) занял свою нишу как в украинской, так и в международной, мадридской системе. Свидетельство № 138992. Подходит к завершению официальное оформление Благотворительного фонда AVE в Управлении юстиции...

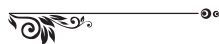
— *Что ж, поздравляем. И желаем Международному Гриновскому фестивалю «Алые паруса» попутного ветра, семи футов под килем и моря радости впереди!*

Александр Киселев

ЖЮРИ КОНКУРСА

ПАВЕЛ МАЦКЕВИЧ, неисправимый романтик

Павел Мацкевич — член Союза писателей Москвы, член Межрегионального союза писателей Украины, член Национального союза журналистов Украины, автор 6 романов и более 200 статей.

Лауреат премии СП Москвы (2008 г., за историческую прозу), муниципальной премии «Твои имена, Одесса» (2008 г., за романы «Кровные» и «Омраза»), всеукраинской премии журналистов за «Толковый словарь славянских, древнерусских и византийских терминов» (2010 г.), Составитель антологии одесской литературы «Квинтэссенция», главный редактор литературно-художественного журнала Ave (10 выпусков), составитель литературно-культурологических сборников «Южный город» (13 выпусков) и «Звёзды южного города» (3 выпуска).

«НЕТ, Я НЕ ИЗДАТЕЛЬ И НИКОГДА НЕ СТАНУ ТАКОВЫМ...»

— Павел, не так давно, а если быть точным, пару лет назад, в Малом зале Центрального дома литераторов прошла презентация литературно-художественного журнала Ave. Что это — хорошо спланированная рекламная акция или закономерность, очередной виток в жизни журнала, его подъём и переход на более высокую ступень развития?

— Видите ли, я был принят в члены Союза писателей Москвы почти пять лет назад. Чуть позже мне было предложено Риммой Казаковой провести творческий вечер по моим историческим романам. Но я... испугался: слишком серьезно ЦДЛ для провинциала. Тем не менее спросил о презентации журнала Ave, который является объединяющим для русскоязычного мира, и получил согласие. Однако я сам поставил условие: «через год». Но вдруг в мае появился анонс, что презентация состоится 22-го. Пока шли выяснения, кто может приехать, кто нет, случилась трагедия: умерла Римма Казакова. Но презентация была перенесена на октябрь. И она состоялась. Понятно, что, с одной стороны, любая презентация — реклама, с другой — более тесное знакомство с московскими

писателями. Конечно, это все стимулирует развитие журнала. И там, в ЦДЛ, я вновь получил приглашение провести свой творческий вечер. Приглашение я принял, но опять поставил условие: «через год», да и то если окончу историческую серию романов. Так что весьма смешно: мне предлагают то, о чем мечтают авторы всего мира, а я в ответ еще и ставлю условия. Бред какой-то.

— Действительно, ситуация более чем странная. Но оставим превратности судьбы в покое и вернемся к разговору о журнале. Мне как рядовому обывателю интересен, например, тот факт, что Вы вместо того, чтобы презентовать свои книги, свои литературно-художественные труды, предложили Римме Федоровне подготовить в ЦДЛ презентацию журнала. Неужели издательское дело для Вас важнее написанных Вами же и не знакомых широкому кругу читателей романов?

— Нет, я не издатель и никогда не стану таковым. Журнал Ave представляет собой объединяющее начало в разобщенном мире литературы. И меня увлек не технический процесс издания, а своеобразный

поиск Человека в мире литературы. Иначе говоря, психология творчества. Все люди разные, но поиск общего стержня литераторов, мне представляется, будет интересен всегда. На сегодня это выглядит так: литературное произведение — это производное. От чего? От автора? От идей, проводником которых выступает автор? Так что же лежит в основе мышления и реализуется в форме производного — литературного произведения?

Еще одно немаловажное замечание, точнее вопрос, на который мы постараемся дать ответ: «Не заблуждаемся ли мы, используя термин “литература”? Может быть, этот термин уже архаизм и применяется лишь с целью подмены понятий, для камуфляжа нынешних текстов? Так сказать, для придания статуса произведению? Не пора ли изменить термин? К примеру, «текстовина» или «букватура»? Где-то прозвучало: «сетература».

Все это происходит оттого, что настоящие писатели видят жизнь вокруг, а другие видят себя в центре жизни, которую они и формируют по своему вкусу.

И цели литературных произведений стали иными: не показать тот или иной аспект в жизни, а себя в этом аспекте или, на худой конец, доказать свое видение.

Не вдаваясь в психологический анализ глубже, чем требуется для восприятия усредненным читателем, отметим, что, на наш взгляд (обратите внимание: на наш!), необходимость создания литературного произведения имеет три отличных друг от друга истока. При этом самое важное то, что каждый исток имеет свою в корне отличную от других движущую силу.

Первое: высказать свое мнение, свое видение и так самоутвердиться независимо от результата.

Второе: добиться именно результата — получения вознаграждения в любой форме (деньги, лесть, да что угодно).

Третье: необходимость выложить квинт-эссенцию творческого потенциала, иначе сказать — стремление к идеалу.

Как первое, так и второе реально, достижимо, осязаемо. Тут дело лишь за техникой и удачей, что в первую очередь подразумевает способность попасть «в формат» сегодняшнего дня. А это сегодня означает обман, наушничество, прямой подлог, что практикуется особенно часто. Иначе сказать — понимание конъюнктуры. Коротко: цель и апофеоз достижения ее — договор найма или, на худой конец, не дать сделать что-то другому человеку.

А вот с третьим истоком дело обстоит куда хуже.

Здесь не решает ничего, кроме одного: Талант.

И редко, ох как редко талант может быть услышан при жизни. Редкие исключения только подчеркивают правило. Спасает лишь то, что «рукописи не горят», да и «пропить талант невозможно».

И существует литература, подпитываемая третьим истоком, третьей составляющей. Однако беда в том, что слово «литература» портят первые две психологические составляющие. Так было испорчено слово «товарищ», так испортили «пионер», такая участь постигла многие термины давнего и недавнего прошлого.

Однако один термин остался: «талант». Его тоже пытаются приложить к глупости. Но этот термин оказался удивительно стойким. Почему? Да потому, что его невозможно разводнить, как термин «литература». Именно и только талант неподвластен времени. Талант или есть, или его нет. Третьего не дано.

«ПИСАТЕЛЬ — В ПЕРВУЮ ОЧЕРЕДЬ ЧЕЛОВЕК»

— Ну, положим, словообразование «сетература» уже не ново. «Текстовина» и «букватура» скорее ассоциируются с макулатурой, чем с предметом по определению интересным и заслуживающим внимания. А вот как обстоит дело с настоящей литературой? Ориентируется ли журнал на художественную литературу? Ту, что,

по словам Сергея Костырко, «не обслуживает время и даже не отражает его, а формирует»?

— Журнал Ave как раз и оправдывает свое название. И знаете как? Своим названием! Что означает «Ave»? Есть три ответа: «да здравствует», «славься» и... «прощай»!

И вот что скажем в ответ применительно к литературе, что выберем? Что-то изменилось за последние годы? Исчезла литература? Исчезли писатели? Вроде всё есть, да что-то не то. Но что? Каковы критерии литературы вообще и чем они могут разниться с опусами сегодняшнего дня? Каков должен или обязан быть писатель хоть в идеале, хоть в расхожем понятии?

Чтобы разобраться в ворохе вопросов, начнем, как говорится, ab ovo. Итак, как ни крути, но писатель — в первую очередь человек. Уже это одно подразумевает в нем все, что присуще человеку. И плюсы, и минусы. И все это переносится на его произведения... О, если бы!

Самая большая ошибка — сращивать писателя или поэта с его произведениями. Но именно этого и добиваются писатели и поэты. Почему? Увидим, если подумаем, позже. Но вернемся к произведению. Чем же отличается литература сегодняшнего дня?

Заметно, что литературные произведения остались по структуре такими же, как и ранее, но изменились ценности, которые лежат во главе угла произведений. Что это означает? Это означает, что культ насилия, тщательно прикрытый словами о добродетели, завоевал мысли. Итого — двойной стандарт к подходам «Что такое хорошо и

что такое плохо?». Иначе это можно охарактеризовать бессмертной фразой «Цель оправдывает средства».

Действительно, за примерами, как говорится, далеко ходить не нужно. Детективные романы (справочники для убийц), порнография (называемая эротикой), бесшабашность и развратность героев (естественность и реализм) — вот основные приметы литературы. Создается (и небезосновательное!) впечатление, что если в произведении есть мужчина и женщина, то это заранее предсказывает сладострастные сцены, а если двое мужчин или две женщины — то, несомненно, только для убийств.

Перечисленное — неперенный атрибут современной литературы. Причем вскользь замечу, что все с отвращением говорят о современной книжной продукции и при этом пишут... то же самое! А как же, именно на это и есть спрос! Почему?

А вот тут все объясняется именно тем, кого можно назвать писателем. Писатель не может по самой своей сути быть двуличным. На то он и писатель. Но назвать себя писателем нетрудно, да еще и получить бумагу, подтверждающую это. Но бумага не заменит произведений. Вот и получается, что писателей много, а вот настоящих писателей очень мало.

«Я НИЧЕГО НЕ ИЗДАЮ, Я ФОРМИРУЮ ЖУРНАЛ»

— Павел, давайте говорить начистоту. Вы утверждаете, что не являетесь издателем. Но тем не менее выпускаете литературный журнал. Говорите о том, что он является «объединяющим началом в разобщенном мире литературы», и ни словом не упоминаете о самих произведениях, публикуемых в Ave. Для меня, например, так и осталось тайной, на какую из «литератур» Вы ориентируетесь: на «справочники и пособия для убийц» или порнографию, выдаваемую за эотику? А, может, все же делаете ставку на настоящую, скажем классическую, литературу?

— В принципе, даже перечень авторов указывает, на какую литературу журнал ориентируется и на кого ориентирован. Назову фамилии представленных в журнале писателей и поэтов: Вознесенский, Набоков, Казакова, Солнцев, Гусейнов, Збарская, Исаева, Герасимов, Перловский,

Виньковецкая, Грушко, Дижур, Фурман, Колобова, Жирмундская, Шарапов, Ратников, Полисский, Нилова. Чудесны работы Ростиславны, к примеру. Вы о себе не забыли? Я — нет. Значит, Иванов. А теперь скажите, в творчестве которого из этих авторов присутствует псевдолитература?

А теперь об издательстве. Я ничего не издаю, я формирую журнал. Издательство — это в первую очередь производство. Да, журнал в самой большей части издается на мои деньги. На мои деньги и рассылается адресатам. Ну и что? В журнале не присутствует главный элемент — коммерция, он для меня в материальном плане исключительно и изначально разорителен. Так какой же я издатель? Скорее, неисправимый романтик.

— Не могу знать. Вполне возможно, что псевдолитература и моя фамилия созвучны, но об этом пусть скажут те, у кого есть время и желание говорить на

эту тему. А вот упомянутые Вами А. Вознесенский, Р. Казакова, Р. Солнцев и П. Грушко более чем значимы и авторитетны. Другое дело, что и довольно известные «толстые» литературные журналы публикуют произведения маститых писателей, но, поверьте, нигде я не слышал утверждения, что они что-то, например мир, объединяют! Почему, исходя из каких соображений, Вы считаете Ave журналом, объединяющим русскоязычный мир?

— После презентации в стенах Центрального дома литераторов в Москве я вполне уверенно об этом говорю. Опубликовано работы живущих в Германии, США (Нью-Йорк, Филадельфия, Женева, Бостон,

Хьюстон, Чикаго и пр.), Швейцарии (Женева), Франции (Париж), Украине (Донецк, Львов, Днепропетровск, Одесса, Измаил), России... Как еще назвать такой венок? И журналы едут в эти страны. Нет ни одного номера, который публиковал авторов только одной страны.

Конечно, разбросанность не преодолеть одному журналу. Но знаете, каков девиз шахматной федерации (ФИДЕ)? Девиз таков: «Мы одна семья»! И мне бы хотелось так сказать о писателях. Но... до этого далеко и очень далеко. Ранее я об этом говорил. Но принципы, на которых строится журнал, позволяют мне утверждать, что направленность его — на объединение.

«ПРОДУКЦИЯ ЕСТЬ, ОТДАЧА ЕСТЬ, СМЫСЛА НЕТ...»

— Скажем так: ЦДЛ — серьезное заведение, и многим дорога в него заказана. Для Вас, как я понимаю, двери всегда открыты. В связи с чем я прошу Вас ответить на стандартный, возможно, вопрос: «С чем Вы приедете в Москву в этот раз?»

— В ЦДЛ двери могут быть открыты только в случае, если есть что сказать, чего-то добиться в литературе. И творческий вечер, как я говорил ранее, будет лишь при условии, если я закончу серию исторических романов.

А вот приехать в Москву я хотел бы на собственный творческий вечер, который, по моему замыслу, должен отразить различие исторического романа и романа на историческую тему. Но... вместо нового исторического романа я наконец-то закончил составление «Толкового словаря славянских, древнерусских и византийских терминов».

Тут я хотел бы поделиться некоторыми мыслями.

Видите ли, исторический, вернее, псевдоисторический роман заполнил полки магазинов. И вес этих романов в прямом смысле таков, что полки гнутся от тяжести бумаги. Право, ради экономии лучше было бы эту самую бумагу хранить в рулонах, чтоб после использовать для напечатания чего-либо стоящего. А так — стояние на полках, трансформация во вторсырье, переработка — и вновь бумага, придание ей формы книги, затем вылеживание этих книг на полках и т. д. Все идет по кругу.

Затратная экономика? Нет, безотходное производство, которое само себя кормит. Действительно, хранение бумаги, на которой что-то напечатано, — способ хранения, экономия сырья, загрузка заводов по переработке и так далее. Да и оборот этой бумаги на каждом этапе дает отдачу в деньгах. Вот так и делаются деньги из воздуха! Продукция есть, отдача есть, смысла нет. Но деньгам не нужен смысл. Деньги сами по себе самодостаточны. Потому хотя бы, что не пахнут. Да и тратятся эти самые деньги зачастую не из своего кармана, а из государственного, то есть из карманов налогоплательщиков. Оплачено ими, а после захотят или не захотят покупать эти книги те же налогоплательщики (то есть платить второй раз) — не важно. Машина крутится, все равно найдется недоумок, который будет уверен изначально, что в этих книгах он узнает правду. Все-таки оболванивание никак нельзя сбрасывать со счетов! А все потому, что налоги обезличены, и знай, не дай Бог, налогоплательщик, какие книги выпустят на его деньги, то, думаю, кое-что высказал бы в адрес «управленцев культурой». Впрочем, управленцам все равно, главное — освоить деньги. А иначе нужно было бы доказывать, что что-то понимаешь. А так управленцы категорически согласны с тем, что они ничего не понимают, а понимают те, кто пишут. Причем пишут используя государственные средства почему-то только хорошо знакомые люди, то есть те, кого чиновники называют писателями неза-

висимо от того, что те пишут. Ну а дальше схема укладывается в одну фразу: «Ну как не порадовать родному человечку?»

Но ведь нужно количество оболваненных увеличить, чтобы платили дважды, то есть покупали псевдолитературу. И тут конъюнктура такова, что гриф «исторический роман» успешно конкурирует с грифом «совершенно секретно». Правда, сейчас это уже не очень-то срабатывает и потому вынужденно подкреплено титулами авторов — бывает, вообще экзотическими, существующими лишь в воображении авантюриста от бумаги. Собственно, это тоже влияние на биомассу, то есть на тех, кто еще верит, что в печатных изданиях сохранилась порядочность; именно для них пишутся титулы, звания и прочая мишура, ничего общего не имеющая с наукой, да и вообще ни с чем, кроме как с радостью мошенников: «Вот быдло, как я их?!»

На полках магазинов выстроились книги, объединенные общей темой и грифом — «Исторический роман». Полистаем, прочитаем... Да-с, историей тут и не пахнет, а пахнет дерьмом. Но это не смущает тех, кто пишет и публикует за счет «развития культуры населения» такие романы. Действительно, это продукт жизнедеятельности, и не только того, кто написал, но и чиновников, что управляют культурой. Чем же он должен еще пахнуть?

— *Интересная картина получается. За что ни возьмись, а любое, даже самое правое дело псевдолитература портит, да вот еще «букватура» с «текстовиной» под ногами путаются. Как же быть? К какому храму дорогу искать? И, кстати, как у Вас в сложившейся ситуации продвигаются дела с изданием литературно-культурологического сборника «Южный город»?*

— Ну, то, что псевдолитература многое портит, то так было всегда. Но безыдейных столетий не бывает, и потому всегда существует как настоящая литература, так и тонкая прослойка людей, которым эта литература нужна. И именно это те люди, которые и являются настоящими людьми, саморазвивающимися, интеллигентными и с радостью согласны, в конечном счете, тянуть за собой всех остальных. Повторяю: так было всегда, и ничего странного нет в том, что массовая литература как раз и предназначена для масс. А массы просты и

безыскусны. Вкусно поесть, сладко поспать, поменьше работать — тут решает не титул и звание, и не деньги. Тут решает самовоспитание и саморазвитие. Это заметно: «Встречают по одежке, а провожают по уму».

— *Вы говорите, что увлечены поиском Человека в литературе и утверждаете, что «ЮГ» для многих авторов является стартовой площадкой в литературный мир. Но Вы, конечно же, слышали и о существовании довольно расхожего мнения, что гении рождаются раз в сто лет. Скажите, настало ли время гениев и кого из авторов, публикующихся в «Южном городе» сегодня, Вы отметили бы особо? Есть ли среди них, а возможно, и среди одесситов, Катаевы, Багрицкие и Олеси?*

— Как-то Мандельштам спросил у Блока, почему он так долго и обстоятельно объясняет своим слушателям теорию стихосложения, ведь гении рождаются раз в сто лет. На что Блок ответил приблизительно так: «Писателями и поэтами они, конечно, не станут. Зато какие будут читатели!»

Что касается «Южного города», то, несомненно, могу отметить прозаические работы Олега Лаврентьева, Елены Савиловой; из поэтов можно назвать Надежду Таран, Евгения Матвеева и еще некоторых других..

Дальше? Дальше существует специфика Одессы, которая как ни пыжась, а все равно остается провинцией в литературе. И для того чтобы реализоваться, десятки одесситов покинули свой город и обосновались в Москве в первую очередь. Это и упомянутые Катаев, Багрицкий, Олеса. Но сейчас, как раз благодаря журналу Ave и сборнику «Южный город», который в не меньшем, а то и в большем количестве уходит за рубеж, ситуация стала меняться. Медленно, со скрипом, но — меняться. В московской «Независимой газете» отметили поэта Юрия Ратникова, одесские авторы смогли выступить на презентации журнала в ЦДЛ. Замечу, что за все время существования Одессы ни один писатель, живущий в Одессе, не выступал в ЦДЛ. Для этого нужно было уехать...

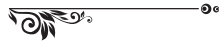
— *Ну что ж, в завершение нашей беседы мне остается лишь пожелать Вам успехов во всех начинаниях. Удачи Вам и продвижения вперед!*

Донецк — Одесса, 21 ноября 2008 г.
Интервью брал Ростислав Иванов

ПАВЕЛ ГРУШКО

(г. Бостон, США)

Павел Моисеевич Грушко (р. 1931, Москва) — российский поэт, переводчик и либреттист. Член Союза писателей СССР (1965) и Союза писателей Москвы.

Окончил Московский институт иностранных языков имени Мориса Тореза (1955). Переводил широкий круг испаноязычных поэтов, от Луиса де Гонгоры и Франсиско Кеведо до поэтов XX века, не только испанских, но и латиноамериканских, филиппинских и др. Автор ряда собственных стихотворных сборников. Широкой известностью пользовалась рок-опера «Звезда и смерть Хоакина Мурьеты» на либретто Грушко по мотивам Пабло Неруды. Некоторые стихи Грушко написаны по-испански (в частности, ему принадлежат испанские песни в советском кинофильме «Всадник без головы»). С 2000-го года живет в Бостоне, США.

«От поры до времени некоторые воспоминания становятся стихами. Порой даже кажется, что ничего и не было, кроме оставшегося в стихах и на фотографиях.

И зачастую стихи эти, прямо или косвенно, связаны с моей еврейской сутью. Из подобных произведений я мог бы составить объемистый сборник...

...При всем при том я поэт, принадлежащий русской культуре (кстати, время от времени пишу стихи и на испанском). Между тем стихотворные тексты — не бабочки-однодневки, не бегущая строка на телеэкране: они рассчитаны надолго и, значит, должны быть изделиями добротными. Эта трудно достижимая цель понуждает многое оставаться доспевать в столе...

...Этот мой почти болезненный перфекционизм — от безмерной ответственности перед словесностью, перед моими наставниками Савичем, Зенкевичем, Левиком, Тарковским, Штейнбергом.

Рекомендовавший меня в Союз писателей в 1965 году Ярослав Смеляков говорил: «Я пишу на языке, на котором плакала моя мать». Возможно, броская фраза глубоко почитаемого мной поэта, автора замечательного стихотворения о Любке Фейгельман, немного смущала меня как юношу «с пятым пунктом». Сегодня я понимаю: я пишу на языке, на котором плачет и смеется русская поэзия...»

Павел Грушко

ВСТУПЛЕНИЕ К ЗАВТРАКУ

Мама работала на воинском пищеблоке.

Новобранцы звали ее «тетя Каша».

И хотя у нас провалились от голода

щеки,

пустая домой приходила кормилица

наша.

Она не умела — ей от этого было бы хуже.

А все же соседки ей вслед шипели:

«Жулье!..»

Промерив за день все окрестные лужи,

по вечерам у калитки мы ждали ее.

Она приносила сытные запахи кухни,

мы ее и в жару стерегли, и в слякоть

и, как щенята, подробно ее обнюхивали —

ей, наверно, трудно было не плакать.

Она дотрагивалась до наших щек

и, улыбаясь, молчала о чем-то

тоскливо...

Только раз принесла она с кухни кулек

с худющими косточками чернослива.

Это было здорово и довоенно,

и горько было до нежной сладости!

Но даже это, сказать откровенно,

мы сочли за признаки маминой слабости.

В ту пору тучи шли тяжело и низко,

но военное небо уже румянилось краем...

Вообще-то наша мама была пианистка.

Она и сейчас еще (иногда) играет.

Павел Грушко о переводе

«Влияние иноязычного поэта или прозаика, который захватил тебя при чтении, вошел в твое сознание и пересказан твоим пером, благотворно. Как влияние русского писателя. Так ошеломили меня в свое время Иннокентий Анненский, Анна Ахматова, Осип Мандельштам. Порой, написав стихотворение, задумаешься: вроде это уже где-то было. Одно лирическое стихотворение я начал так: “Люблю тебя, не ведая стыда...”. Потом хватился: это ведь ахматовское “растут стихи, не ведая стыда”. Эту начальную строфу я выбросил. Избавиться от подобного комплекса помогает мысль Михаила Михайловича Бахтина о том, что “чужое слово должно превратиться в свое-чужое (или в чужое-свое)”. Все уже сказано другими. Однако новизна — в неповторимой сущности каждого нового опыта, твоего опыта, а не заимствованного, и если творчески воспринимать мир, в том числе идеи и слова, то это и станет твоим неповторимым “своим-чужим”. Все переходит из одного в другое. Два десятка лет назад я сформулировал для себя это как арт-концепцию “Trans/форм”, основанную на теории и практике литературного перевода, приемы которого применимы в любых жанрах искусства. Иные режиссеры и актеры не догадываются, что они переводчики пьес на язык сцены. А «Вавилонская башня» Питера Брейгеля-старшего — не перевод ли слов из Библии? Все перевод, даже речь — с языка мыслей».

Перевод П. Грушко

ЛЕОПОЛЬДО ЛУГОНЕС (1874–1938)

НИЗШИЕ

Трудяга муравей по сердцу мне,
который крошку тащит на спине,
кусочек лепестка или иголки,
весь черный от добытых в муках смолки,
страдающий от едкой кислоты
в пылу своей всегдашней суеты...

И паучок, чьи восемь спиц связали
искусно сеть легчайшую в рояле...

И трепетная бабочка, что носится
от мака к маку, точно письмоносица...

И мальва тихая, чье состраданье
столь животворно на открытой ране...

Ягненок, льнувший девичьей головкой
к тому, кто точит нож рукою ловкой...

Вода, проворная и даровая, —
серебряная чистота живая...

И тень руины, где который год
лишь пепел обретається да кот...

Подкидыш одинокий, чье сознанье
хранит какое-то воспоминанье...

И жаба дряхлая — из вековух, —
которая, забившись под лопух,
грусть разгоняет ловлей сонных мух...

И городок родной в краю родном,
где я почить хотел бы мирным сном.

ФРАНСИСКО ДЕ КЕВЕДО (1580–1645)

О КРАТКОСТИ ЖИЗНИ И О ТОМ, НАСКОЛЬКО НИЧТОЖНЫМ КАЖЕТСЯ ТО, ЧТО ПРОЖИТО

Кто скажет, что такое жизнь?.. Молчат!
Оглядываю лет моих пожитки,
истаяли времен счастливых слитки,
стореи дни мои — остался чад.

Зачем сосуд часов моих почат?
Здоровье, возраст

— тоньше тонкой нитки,
избыта жизнь, прожитое — в избытке,
в душе моей все бедствия кричат!

Вчера — ушло, а Завтра — не настало,
Сегодня — мчать в былое не устало.
Кто я?.. Дон Был, Дон Буду,
Дон Истлел...

Вчера,
Сегодня,
Завтра —
в них едины
пеленки и посмертные холстины.
Наследовать успенье — мой удел.

АНТОНИО МАЧАДО
(1875–1939)

***

Гитара из таверны, пыль на струнах,
ты всем поешь, кому бренчать в охоту:
тот петенеру вспомнит,
этот хоту.

Гитара, маета ночных пристанищ,
поэтом ты не стала и не станешь.

Душа живая, ты бродяг тревожишь
мелодией своею одинокой.

Закрыв глаза, тебе внимает путник,
а слышит ветер родины далекой...

Из интервью Павла Грушко «Русскому журналу»

— Кто Ваши любимые переведенные Вами авторы и почему?

— Полагаю, это те, чье влияние, в первую очередь как читатель и писатель, я испытал и продолжаю испытывать: Луис де Гонгора-и-Арготе (мир его барочных метафор), Хуан Рамон Хименес (многотональный лиризм), Пабло Неруда (нонконформизм его книги «Эстравагарио»), Октавио Пас (осмысление доколумбовой Америки и современного мира), Хорхе Луис Борхес (особенно его взгляд на взаимоотношения Автора, Текста и Читателя), Хулио Кортасар (полигон его форм, сюжетов и приемов), Элисео Диего (христианская совестливость и сострадание ближнему), Хосе Хименес Лосано (скупая яркость художественных средств).

К тому же со многими из «любимых» я имел счастье общаться, что тесно связало переводимые тексты с сущностью авторов: это, к примеру, те же Пабло Неруда, Хулио Кортасар, Октавио Пас, Элисео Диего, Хосе Хименес Лосано, а также Николас Гильен, Хосе Лесама Лима, Эльвио Ромеро и другие.

— Возвращаетесь ли к своим старым работам, чтобы что-то переделать?

— Да. Во-первых, в тех случаях, все более редких, когда, перечитывая, нахожу у

себя грамматические ошибки, неправильное употребление слов или — в поэтических текстах — неправильные ударения (к слову сказать, я не стесняюсь показывать свои огрехи друзьям и ученикам: ведь они могут попасться на том же, — у русского языка немало подвохов, о которых не догадываются некоторые заносчивые «мастера» и «редакторы»). Естественно, тут же исправляю ошибку и делаю все возможное для переиздания исправленного варианта. Во-вторых, при переизданиях, — это всегда повод для нового прочтения, а так как все мы ежеминутно меняемся вместе с миром, то меняется и наше взаимоотношение с текстом; неизменно находится при этом нечто тебя не удовлетворяющее. Вот почему я сторонник проставления в книгах даты перевода. Есть у меня и сделанные мною в разные годы переводы одного и того же оригинала, — кажется, что выполнены они разными людьми.

— Кто Ваши любимые писатели — классики, современные?

— Если ограничиться пятерками прозаиков (не испаноязычных), то это — из российских — Пушкин, Толстой, Замятин, Платонов, Эпфель. Из зарубежных — Боккаччо, Стендаль, Кафка, Гессе, Фолкнер.

ИРИНА КОРНЕТОВА

(г. Одесса, Украина)

Специальный приз от БФ AVE

Родилась и живу в Одессе. Стихи пишу с июня 2009 года. Приз зрительских симпатий на «Пушкинской осени в Одессе».

ТЫ — ИНДИГО, А Я — КАРМИН...

Нежно-дерзкий, беспечно-гордый,
Взгляд — кинжален, укус — змеин...
Вдохновенно-безумный, твердый:
Ты — индиго. А я — кармин...

Полюс Северный, Южный... Между —
Целый мир равнодушных спин.
Безнадежно горчит надежда...
Ты — индиго, а я — кармин.

Раствориться в тебе? Едва ли...
Режу пальцы о кромки льдин.
Плещет горечь в моем бокале...
Ты — индиго, а я — кармин.

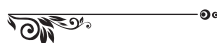
Я пунцовой, бесстыжей масти,
Безрассудство огня и вин...
Ты готов умереть от страсти?
Ты — индиго, но я — кармин.

Всё не так. Рву венец созвездий:
Между нами не будет стен.
Это мир ярко-острых лезвий...
Ты — индиго. Но я — Кармен.

АНАТОЛИЙ ЯРОВЕНКО

(г. Одесса, Украина)

Одессит. Занимаюсь компьютерной графикой (гепральдикой, веб-дизайном, иллюстрированием книг и пр.), веб-программированием. Учусь в Международном гуманитарном университете. Отдавая дань памяти творчеству Риммы Казаковой, создал портрет поэтессы из сборника ее стихотворений («портрет из слов»).

ПАМЯТИ ПОЭТЕССЫ

Худая женская рука
Сжимала тонкую бумагу,
Словно тореро — свою шпагу,
С плащом идущий на быка!

По телу пробегала дрожь,
И голос трепетно срывался.
А за окном осенний дождь
Ее стихами упивался.

Она ж, не видя ничего,
Кроме своих бессмертных строчек,
Ласкала их, как малых дочек, —
Частичку сердца своего.

А зал восторженно внимал
Словам прекрасной поэтессы,
Чей голос к небесам зывал
Не хуже старой доброй мессы...

И, наклонившись чуть вперед,
Она читала и читала...
Затих партер, балкон, проход,
В котором места не хватало

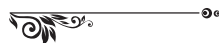
Ценителям высоких фраз
И почитателям таланта!
Она ж одна была в тот раз
Сильнее древнего атланта!

На хрупких плечиках своих
Поэзии держала своды!
Когда же вздох ее затих,
Ее стихи читали годы!

ЕЛЕНА КАСЬЯН

(г. Львов, Украина)

Родилась во Львове, училась на режиссерском отделении Львовского культпросвета. Руководитель Львовского клуба АП, поэт, автор-исполнитель, блогер. Шорт-лист австралийского конкурса короткой прозы «Антиподы-2008» (Сидней) и всемирного фестиваля поэзии «Эмигрантская лира-2010» (Бельгия). Участник Международного фестиваля поэзии в Стамбуле (апрель 2010 г.). Выпустила три альбома собственных песен: «Это просто весна» (1997), «Город-море» (2006), «До востребования» (2010). Лауреат многочисленных фестивалей авторской песни, в том числе Грушинского (2009). Стихи публиковались в белорусском молодежном альманахе «Першоцвет» (2001), в журнале «Меценат и мир» (2009), в московском литературном альманахе «Конец эпохи» (2009), в сетевых журналах. В издательстве «Ахилл» (Львов) вышла книга стихов «До востребования» (2010). В издательстве «Контакт-Культура» (Москва) вышла детская книга «Фея по фамилии Дура» (2010). Подборки рассказов выходят в сборниках серии «Фрам» (составитель — Макс Фрай) издательства «Амфора», С.-Петербург (2008–2011).

***

Повезу тебя на саночках, на саночках —
Только змейки от полозьев на снегу.
Посмотри, как изменился город за ночь,
Я тебя ему оставить не могу.

Повезу тебя по горочкам, по горочкам,
И все пальцы о веревочку сотру,
В этом воздухе рассветном столько горечи,
Что глаза мои слезятся на ветру...

Повезу тебя тихонечко, тихонечко,
Ни кровинки в запрокинутом лице,
Только музыка трамвайных колокольчиков,
Только гаснущий фонарик на крыльце,

Только снег метет, и город словно сказочный —
То ли сверху небеса, то ли внизу.
Повезу тебя на саночках, на саночках,
Прямо к Богу на крылечко повезу.

* * *

За то, кем я была, и кем ещё побуду,
пока, как клейкий лист, не развернётся жизнь,
простите все меня,
кто, может быть, отсюда
посмотрит в черноту мою, и даль, и синь...
В нарядную меня — тростиночку, трёхлетку —
в хрустящее бумажное бессмертие моё,
где я под Новый год стою на табуретке,
и хохочу над тем,
как бабушка поёт...

Когда я отступлю — на шаг, на два — от края,
и встанут предо мной
мой дед, отец и брат,
которых больше нет (а я стою живая),
то, думается мне, сильнее во сто крат
я полюблю вас всех — и тех, кого не знаю,
и тех, кого забыла, забуду навсегда,
и тех, кого сейчас
бесследно забываю,
(ты спросишь «и меня?», и я отвечу «да»)...

Осыплемся мы все, как маковое семя,
из всех своих пустых бесчисленных сердец.
Но алые цветы пока цветут всё время,
пока ещё цветут
и зреют, наконец,
и истекают вглубь — то молоком, то мёдом,
и оплетают вдаль — то светом, то огнём,
и если не мешать, то прорастают сходу
сквозь ель,
сквозь табурет,
сквозь девочку на нём.

Я с вами заодно (не хуже и не лучше),
но мир стоит в дверях, как вечный Новый год,
и выведет нас всех, по одному, за ручку,
туда, где смерти нет,
где бабушка поёт,
где все уже равны и ростом, и любовью,
где не о чем роптать... лишь грустно от того,
что каждому из нас положат к изголовью
прощенья и конфет,
и больше ничего.

АНАСТАСИЯ МАРИНА

(г. Москва, Россия)

Являюсь студенткой 5-го курса Московского государственного областного университета, учусь параллельно на двух факультетах: физико-математическом (очно) и экономическом (заочно). Занимаюсь научно-исследовательской деятельностью в области дифференциальных уравнений. Выступаю с докладами на конференциях (в том числе и на международных). Увлекаюсь фотографией, много путешествую и читаю. Любимые русские писатели — Ф. М. Достоевский, В. В. Набоков; зарубежные — Г. Гессе, Э. М. Ремарк.

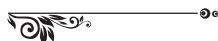
8 + 1 ЖИЗНЬ

Я, как кошка на раскаленной крыше,
Плавлюсь в неге собственных мыслей.
Спасибо, боги, что подарили свыше
Мне, беспечной, аж девять жизней.
Одну — для того, чтоб увидеть
Мир, людей, красоту мироздания.
Вторую — чтобы предвидеть
Помыслы, мечты и желанья.
Третью — да просто для счастья,
Веселья, игры и полета.
Четвертую — чтоб в холод ненастья
Выбрать новые точки отсчета.
Пятую — для познания правды,
Боли ошибок и чувства «грусть».
Шестая — это время расплаты
За пять жизней грехов — и пусть!
В седьмой для нас новая сцена
С магией чисел, летним дыханьем.
Тут исчезнет слово «измена» —
Все пронизано любовным исканьем.
Восьмая — награда за поиск:
Любовью окончен путь...
Быть может, ангелов происки,
А может, и жизней суть.
Кажется, хватает и восемь
Нам жизней для познания себя.
Но знаю, зачем девятую просим:
Чтоб еще раз прожить любя!

ВЛАДИМИР НАЗАРУК

(г. Одесса, Україна)

Назарук Владимир родився в Одессе. Студент 4-го курса Одесского национального университета имени И. И. Мечникова. Учитель украинского языка и литературы в ОУВК «Гимназия № 2». Поэт, сказочник и детский писатель.

ВИШНЕВІ ПОЦІЛУНКИ

Вишневі поцілунки
Вишневого кохання
Вишневим візерунком,
Вишневістю бажання
Торкаються клітинок
Мого палкого тіла
Неспинно, без зупинок,
Як ти того хотіла.
Вишневі поцілунки,
Неспинно, рік за роком,
Для мене є дарунком —
Моїм маленьким богом.
Вишнева диво-казка
Вишнево розквітає.
І ця безслівна ласка
В мені життя тримає...

* * *

Скільки слів даремних
Перебитих вітром?
Скільки днів нікчемних,
Не зігрітих світлом?

Я тебе кохаю...
Я молю за тебе...
Я на двох шукаю
Шлях один до неба.

Ця ранкова тиша
Срібні сипле роси.
Біль один, та більше
Нас не стрітять грози!

ЛЮДИНА ІЗ МОРЯ

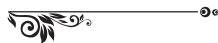
Для тебе усміхнеться морем серце
І хвилею ударить по човну.
Зеленою водою обернеться
Тепло моїх обіймів. Я здійму
Навколо тебе хвилі легкокрилі,
Які омийуть розум від турбот.
До них я залучу пісні стосилі,
Які піднімуть вище всіх висот —
До неба, де радіють ясні зорі,
Де разом ми тепер на самоті.
Я був колись людиною із моря,
А став душею наших двох життів.

Скільки слів кохання
Перебитих вітром?
Я взірву мовчання —
Цим безхмарним світлом.

ЮЛИЯ ГВОЗДЕВА

(г. Одесса, Украина)

Родом с Херсонской области. Родилась в семье учительницы и военного. Окончила среднюю школу, потом Одесскую национальную академию пищевых технологий. Работаю на зерновом терминале. Посещаю литературную студию «Поток».

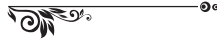
***

Незмінно згорають ночі,
Натомість приходять ранки...
Тихенько я повертаюсь
З очима чужої коханки.
Мереживо сіє небо
Туманами, скрізь тумани —
Блакитно і дуже тихо,
Від цього мене дурманить.
Так хочеться тут лишитись,
В безмовній дрімоті моря
Хоч трішки отак пожити,
Не знаючи зла і горя.

ТАТЬЯНА ЧУМАЧЕНКО

(г. Одесса, Украина)

Родилась в г. Одессе, в семье филологов. Училась в Одесском педагогическом колледже (специальность — «учитель младших классов»). В 2010 г. с красным дипломом окончила ЮНПУ им. Ушинского по специальности «украинская филология».

В ноябре 2010 г. родила дочку Олесю, но творчество не бросила. Поэзия — мое второе счастье. Без книги я не проживу и дня.

ЛЮБОВ

Коли в твої очі дивлюся,
Тону я в озерах біди.
І сльози дражнять мої губи,
І серце спустошено б`є.
Ніхто не пізнав таємниці,
Ніхто не пізнав... Навіть ти!
Я знаю, забутись треба,
А серце тихесенько мре.
Світанки такі несуразні:
Так боляче, страшно. Тремчу...
Мені так самотньо, так сумно,
Хоч люди навкруги снують.
Дивлюся на тебе, коханий,
Приходиш і вдень, і у снах.
Але я забутись не можу,
А спокій лиш мрії дають.

ТУРНИР ПОЭТОВ

ВИТАЛИЙ МАСАНОВЕЦ

Автор трех поэтических сборников, член литературной студии «Музыка слова»

ЧЕЛОВЕКУ

Большой коммерческий магнит
Монеты тянет из карманов,
Взамен даруя нам огни
Диктующих телеэкранов.

Как скудоумен человек
И жалок по своей природе,
Отдавший двадцать первый век
На растерзанье телемоде,

Не различающий границ
Меж жизнью истинной и ложной.
О, сколько странных глупых лиц
Пошли дорогою тревожной

И не заметили, как грязь
Им стала слаще, чем варенье.
Землею правит «шоу-связь»,
А телевизор — слух и зренье.

Не погружайся в мир Сетей,
Рекламных трюков и капканов, —
Огнем неверных новостей
Рабы продавленных диванов

Уставший обжигают мозг,
Когда скучают вечерами,
За дорогой программный лоск
Цепляясь беглыми зрачками.

На вынос сор души готовь
И осознай красы нетленность.
Очисти отравленную кровь,
Закрыв глаза на современность,

Забывшую язык любви,
Презревшую порыв к искусству.
И лишь о том богов моли,
Чтоб смог найти дорогу к чувству,

Узреть невидимую нить,
Соединяющую души,
Ведь нет иначе смысла жить.
Ах, как забиты наши уши

Веселым, но коварным злом,
Кричащим из телеэкрана,
И рост прирученных персон —
В балансе со шкалой обмана.

Рекламно-жизненный поток,
Вооружившись словом «мода»,
Преподаст плохой урок,
От чар которого свобода

Теряет свой природный цвет
И гнется плавно, осторожно.
Но видеть ежедневный бред
Порою вовсе невозможно.

Не верь тому, что говорит
Технологическое чудо —
Оттуда каждый день глядит
На всех очередной Иуда.

КУРКИН Сергей

*Сергей Куркин родился 27 апреля 1968 года
в Одессе. Поэт, бизнесмен.*

ЗАЧЕМ ВРАЖДА СРЕДИ ПОЭТОВ?

Зачем вражда среди ПОЭТОВ?
Обиды, колкости и злость?
Примеры низменных сюжетов
И чести сломанная трость!

ПОЭТ — особенное племя!
И зависть — не его порок.
В нем не дает гордыни семя
Хороших урожаев в срок!

Зачем вражда среди ПОЭТОВ?
Хотя какой тогда «ПОЭТ»?!
Когда слова — страшной стилетов,
А кровь в глазах закрыла свет!

Прощает БОГ грехи ПОЭТАМ,
Так не за НИМ ли им идти?
Ведь грош цена любым сонетам
В любви — без главного: «Прости!»

Зачем вражда среди ПОЭТОВ?!
Живет вражда или ПОЭТ!
Из главных для стиха заветов —
Нести в словах добро и свет!

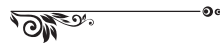
Нет места дерзким самозванцам,
Где поэтический олимп!
Здесь языка бесовским танцам
Не поднесут из лавра нимб!

Зачем вражда среди ПОЭТОВ?
Грехи не добавляют лет!
Скажу для гордых лжеэстетов:
Кто с ближним черств, тот не ПОЭТ!!!

ПОЧЕТНЫЕ ГОСТИ АЛЬМАНАХА

ВИКТОР МАМОНТОВ

Родился на героической и песенной земле Слобожанской Белгородщины в с. Борисовка, что раскинулось среди садов по берегам светлоструйной речки Ворсклы. Уже 50 лет работает в журналистике. Удостоен почетных званий «Заслуженный работник культуры Украины», а так же «Заслуженный работник культуры Молдовы». Автор более 20-и книг поэзии и прозы, его произведения публиковались в Болгарии, Венгрии, Польше. Дипломант 9-го Международного Пушкинского конкурса в Нью-Йорке (специальная премия). На его слова композиторами России и Украины написано более 40 песен и романсов. Лауреат литературных премий Украинской Ассоциации писателей «Гілка золотого каштану», «ВО ИМЯ ДОБРА» имени выдающегося украинского юмориста С. Олейника, а в мае 2008 г. удостоен международной литературной премии им. К.Симонова с вручением золотой медали. Член Международной ассоциации писателей баталистов и маринистов.

ЧУР МЕНЯ

Отрывок из повести

***

Печатать плановый тираж дивизионки заканчивали за полночь. Только когда вышел последний номер газеты, отливающий гляncем свежей, цвета вороньего крыла, краски, Махов почувствовал тягучую, расслабляющую усталость, отключающую и мускулы, и нервы. Заныла спина. «Опять симптом постельного режима, — встревожился Виктор Игнатьевич и тут же чуть ли не прикрикнул на себя: — Не смей, подполковник! Время ли валяться тебе в госпитале?!»

Он вышел из приземистого домика редакции. Полная веселая луна плыла по небу среди ярких шаловливых звезд. Слабый ветер шелестел отяжелевшей от ночной прохлады листвою тополей. Их тонкие вершины слегка клонились в угоду ветерку, и казалось, что они раскачивают небо.

Боль в позвоночнике возродилась — будто рашпилем по кости... Махов осторожно лег на широкую скамейку, заложил руки

за голову, вытянул ноги, как на растяжке. Боль постепенно смягчала, таяла, а он, глядя на Большую Медведицу, прошептал: «Выручай, земляка». Эти слова стали для него заклинанием на всю оставшуюся жизнь после того, когда он впервые произнес их на одном из крутых перевалов, на которые так богаты суровые горы Афганистана.

В тот далекий уже вечер Махов допоздна задержался в редакции, готовя материал о боевой операции. У него, ответственного секретаря многотиражки, была возможность отказаться от участия в выходе на «охоту», но он предпочитал все увидеть своими глазами, примерить на себя, чтобы потом сказать читателям правду. Отпечатав написанное под свежими впечатлениями «общения» с духами, Виктор расслабился. Достал фотографию жены и дочурки Ирины, прислонил ее к гильзе, еще хранившей в металле пульсирующий огонь боя, и начал сочинять письмо. Обратился, как обычно: «Здравствуйте, мои ласточки. Как вы там

без меня? Моя жизнь военная, походная идет своим чередом на встречу с вами. Там, где стреляют, я не бываю, так что не беспокойтесь, цел и невредим ваш папка — журналист».

Ручка скользила по бумаге и увела легко складывавшиеся в слова и строчки мысли Махова в ту далекую, непостижимую дорожную жизнь, которая и оценилась-то по настоящему тут, под пулями душманов, под постоянной надеждой на удачу.

«Иришка, если бы ты знала, как я тебя люблю, доченька моя...» — сказал вслух Махов и тут появился запыленный — одни глаза блестят — посыльный. Он был бесцеремонным:

— Бросайте всё. Вас срочно вызывают.

Командир батальона сдержал слово — сообщить о новом внезапном выходе группы на задание. Махов давно договорился, чтобы его включили в ее состав.

Ему рассказали, что мирные афганцы готовились к празднику. В городе должны были пройти народные гуляния. Стало известно, что душманы хотят обстрелять город реактивными снарядами. Из Пакистана просочились через горы их хорошо вооруженные группы. В нескольких местах устраивали засады, силами царандоя и самооборонцев, а к одному, самому дальнему, они не успевали выйти — время поджимало. Вот и обратились по обыкновению за помощью к советским — они не откажут. А как откажешь? Логика железная: воевать ведь сюда притопали, вот и воюйте... А во имя чего, в угоду кому и ради чего — это уже другой коленкор. Потом кто-нибудь какнибудь да разберется.

До каждой черточки и точки изучали карту, наметили основной и запасной районы высадки, прикинули наиболее подходящие маршруты выдвижения к перевалу, надежные пути вероятного отхода. Казалось, всё учли и всё до мельчайших деталей предположили, когда садились в вертолет.

В предвечерний час «вертушка» была над седыми горами. Когда она резко накренилась и быстро, как скоростной лифт, понеслась вниз, к скалам, Махов понял: посадки не будет, придется прыгать метрах в двух-трех от земли. Тут подталкивать так, как это бывает при выброске с парашютом, нельзя: даже натренированный от толчка

может уложиться на спину с полной боевой выкладкой, и тогда считай — амба...

Вертолет вдруг начало раскачивать, и Махов уловил тревогу в глазах разведчиков. Он вспомнил где-то прочитанное: «длиннен путь предписаний да назиданий, а короток путь примера» — и первым выпрыгнул на плоский пятачок, окруженный венцом угрюмо-серых скал. За ним последовали разведчики.

Облегченная «вертушка» унеслась резвой стрекозой к родным пенатам, а группа, встряхнувшись после первого напряжения, осторожно двинулась по неизведанному маршруту в звенящую опасностью неизвестность.

После бесшумного часового перехода добрались к руслу давно пересохшей речушки, рассредоточились, выставив наблюдателей и часовых. В их затаенное ожидание неспешно вошла ночь, звездная, прохладная и тихая, как вода в колодце. Под ее ласковым покровом разведчики тронулись в путь, к перевалу. Через полтора часа поднялись на него, еле переставляя поватневшие ноги. Махов поднял глаза к небу и сказал: «Ребята, срывайте звезды и прячьте за пазуху, как яблоки». А звезды было совсем рядом: казалось, протяни руку — и достанешь.

В тишине, настоящей на жгучей тревоге — где коварные душманы? — раздалась команда:

— Проверить оружие! Прикрытие остается здесь.

Дальше шли с такой осторожностью, какая возможна только в предчувствии роковой ошибки: если душманы поблизости — жди выстрела.

Махов первым, глядя в бинокль, заметил условный знак на перевале у тропы — остроконечную каменную глыбу, неведь кем затащенную на орлиную высоту.

— Есть знак, — тихо сказал он, и эти слова повторил каждый. Группа замерла. Выждав несколько минут, бесшумно, будто летая по воздуху, бойцы рассредоточились. Все наблюдали. Все ждали боя.

Время тянулось ужасающе медленно. Махов, лежа за лысым, отполированным ветрами и туманами камнем, начал было сомневаться в том, что на тропке шириной поуже метра могут появиться душманы с реактивными установками. Днем еще куда

ни шло. Риск — превеликий. А ночью... Но на то их и называют духами. Начавшие было уставать глаза Махова уловили мгновенно возникшую белизну на фоне темной скалы, скупно отражавшей лунный свет. «Неужто сигнальщик?» Но больше никаких признаков. Минута, вторая проходят, третья истаяла огарком свечи... «Померещилось?» Но тут же снова он — белый всплеск у скалы: точно сигнальщик!

— К бою! — передалось шепотом из уст в уста.

Духи появились, как привидения. Двигались вереницей, чуть пригнувшись под переносимой тяжестью.

— Пять, восемь, двенадцать, — насчитал Махов, когда первый душман начал уже спускаться по круто менявшей направление тропе. «Сейчас ударим», — подумал Махов и почему-то бросил взгляд в небо. Ему показалось, что все звезды пригасли, и лишь такая свойская, завораживающая его с детства Большая Медведица щедро льет на него из сияющего ковша серебристо-лиловый свет. «Выручай, земляка», — прошептал он и, услышав команду, нажал на спусковой крючок незаменимого «калаша».

Раскаленные трассеры прошли непорочную темноту горного покоя. Дробные выстрелы автоматов и пулеметов разбудили глухую немоту ущелий. Вспугнутое это множило грохот стрельбы.

Душманы приняли бой, залегли. Они яростно отстреливались, конечно же, надеясь выиграть время, чтобы пустить в ход установки. Но внезапность нападения разведчиков лишила их шансов на организованные действия. Тропа, на которой их настиг шквал перекрестного огня, стала последним прибежищем перед вознесением к великому аллаху.

Когда душманы прекратили огонь, Махов вместе с командиром группы — немногословным, приземистым капитаном — и двумя солдатами пошел на досмотр.

Эх, дожидаться бы рассвета! Но как пьянит победа даже бывалых бойцов, известно лишь победителям.

Приближались по одному со всеми предосторожностями, выдерживая дистанцию. И никто не подумал даже, что, возможно, не все бандиты убиты, а молчание тропы обманчиво.

Длинная очередь пронзила хрупкую тишь, сменившую нервный шум боя. Махов упал. И уже без него ребята довершали бой гранатами, собирали богатые трофеи. Он очнулся на чьих-то ласковых руках и сквозь угасающие зрачки бессильно смотрел на теряющие свет бриллиантовые звезды Большой Медведицы и просил ее беззвучно, в мыслях: «Не дай умереть».

Не дала! Выжил! Вернулся в строй...

ОБЪЕКТ НОМЕР ОДИН

Подполковник Махов подошел к длинному, метров в двадцать, приземистому глинобитному строению, покрашенному, в противовес довлеющему над здравым смыслом темно-грязному цвету казарм и штабных объектов, в светло-голубой колер. Посмотрев на пустынное серое небо, Махов переступил порог и запутался в оборках тюлевой занавески, закрывавшей дверной проем от назойливых мух и пыли. «О лето красное, любил бы я тебя...» — всплыло в памяти и оборвалось насмешливым женским голосом:

— Кто там попался в нашу сеть?

Махов высвободился из занавески, зацепившейся за звездочку на погоне, и замер. Перед ним стояла стройная глазастая женщина, еще не успевшая потерять свежесть юности, и улыбалась так приветливо, будто для нее именно в этой встрече сосредоточилась вся радость жизни. Она назвалась:

— Леля, корректор-машинистка. А вы — редактор, — и элегантно протянула руку с тонкими, длинными пальцами. Махов, все еще тающий в обаянии лучистых глаз и белозубой улыбки Лели, чмокнул руку, щелкнул каблуками:

— Махов. Если угодно-с, Виктор Игнатьевич. Можно просто — Виктор.

Леля села, ничего не ответив, и начала вычитывать гранки.

— Вы обиделись? — спросил Махов.

— Наоборот. Вы так любезны, галантны. Смутилась, правда, не скрою. Нынче офицеры дамам руки не целуют. Это осталось в фильмах.

— У них не хватает для этого времени. Ну а те, которые располагают им, как видите сами, — пытался продолжить разговор Махов, но Леля помахала листком бумаги, как веером, и сказала приказным тоном:

— Ладно, ладно, Виктор Игнатьевич, закроем тему.

— Понятно. А где остальной люд?

— Уехали.

— Куда?

— За Кудыкины горы. Если хотите уточнения — на стройку.

— А газета когда выходит?

— Послезавтра.

— И это ясненько. Где мой рабочий стол?

— У вас — кабинет. Дверь слева.

Махов вошел в кабинет. «Три на четыре будет», — прикинул он. Сел за стол, устал потянулся, потрогал веселые васильки в керамической вазочке, предположил: «Наверное, Леля поставила». Ему хотелось почему-то, чтобы именно так и было.

Над столом висел портрет Горбачева, в простенке между окном и дверью — Язова. «Власть и сила», — подумал Махов и отметил как бы между прочим, что они друг без друга мало чего стоят. Распадется их союз — другие непременно воспользуются этим распадом, а охотих предостаточно.

Так сложилось, что Виктор Игнатьевич никогда еще не видел портрет Горбачева так близко. А тут вот он, отретушированный Михаил Сергеевич, глаза в глаза. Махов долго, не мигая, смотрел своим испытывающим соколиным взглядом в заказной дежурно-бесстрастный взор президента, и в нем возникло желание встретиться с ним, живым, и потолковать откровенно о житье-бытье, выудить в его советах то самое прорицание, которое поможет ему, капельке в океане людских судеб, найти верную дорогу к умиротворению, уже давно улетучившемуся в невозвратность с той самой шестой части суши, о прочной безопасности и неделимости которой так долго вещали на всю Вселенную и коммунисты, и беспартийные, и старики, и молодежь. Но хитроватые, с упрямой в глубине затаенной нераскрытостью глаза первого президента оставались безучастными, непостижимыми в своей портретной отрешенности от мира сего. «Эх, Миша, Миша, — вздохнул Махов, — наломал ты, комбайнеришко, нам дровишек. Раззадорил ты Филякиных, а должной управы на них не нашел, замены им, беспардонным, стоящей не подготовил. Топор начал выковыривать новый, а дровосеки остались прежние.

В какой лес они подадутся, каких донкихотов валить станут?» Вдруг Махову показалось, что Горбачев прищурил глаза, будто ожил и до него дошли этот маховский вздох и та тревога, которую не так-то просто отринуть ему, офицеру, не иссушившему в себе корни, питающие его гражданственность — не показную, а истинную, в основе которой лежит незыблемо забота о благе Отечества, возвращенная на совести и чести.

Махов втайне недолюбливал Горбачева с первых шагов его генсекретарства за его дежурную, с кривинкой улыбочку. Ибо считал, что она не что иное, как признак неуверенности в себе — в лучшем случае, а в худшем — признак готовности плыть по волнам на любом корабле с любой командой, полагаясь на авось и на то, что какой-нибудь покровитель найдется и решит все сам. И подозревал Махов, что всю эту затею с расхристанной перестройкой породил не сам отстандартизованный общепартийными канонами Михаил Сергеевич, а замаскированный до поры до времени покровитель. И если это так — то не ждать добра. Все рухнет! Он, Махов, простой смертный, может кому угодно доказать, что истинные вожди и герои рождаются не в политических разборках и спонтанных перестройках, а в пору всенародной беды. Когда всем миром надо родную землю защищать. Кто этого не уяснил, пусть вспомнит о Дмитрие Донском, Минине Пожарском, Богдане Хмельницком, Сталине.

В дверь вкрадчиво постучали.

— Войдите.

Леля полуоткрыла дверь, очаровательно улыбнулась:

— Комлев звонит. Обрадован.

— С чего бы это? — Махов взял трубку. Тут же Леля положила на рычаг свою — телефоны были запараллелены.

— Здравствуй, Комлев, здравствуй, старина, — дружески произнес Махов. Комлев, чем-то перевозбужденный, прокричал:

— С приездом, Виктор Игнатьевич! Не смог встретить, а хотел.

— Почему редакция без войска? От меня сбежали?

Ответсек в отпуске. А я с солдатами на объекте, — ответил Комлев.

— Что за объект? Новую редакцию строите?

— Объект номер один.

— А без загадок можно? Полагаю, не избушку на курьих ножках варганите...

— Не телефонный разговор. Я скоро подскочу. Все расскажу.

Старшего лейтенанта Комлева Виктор Игнатьевич знал больше года. Порывистый, даже порой открыто нервный — давал о себе знать Афганистан — он не любил сантиментов. Считал, что человек проявляется в работе и ценить его надо мерой и качеством этой работы. В газету пришел корреспондентом из командиров взводов — и не жалеет. Познакомился Махов с ним глубокой осенью на полигоне, во время учений. Когда наводилась саперами переправа через водную преграду, с понтона свалился в воду солдат. Быстрым течением его понесло к еще не закрепленным понтонам, бегемотовыми спинами покачивавшимся на быстрой воде. Солдат барахтался, явно теряя силу. Кто-то, схватив деревянный шест, бросился в воду. Это был Комлев. Он подплыл к беспорядочно махавшему отяжелевшими руками солдату, подвел под него шест. Тот уцепился в дерево мертвой хваткой, а Комлев удерживал его на воде, пока не подоспел спасательный катер.

Комлев, худощавый, черноглазый, подстриженный под ежик, чем-то напоминал скворца. Промокший до костей, изрядно продрогший, он сидел в палатке на раскладушке. Увидев Махова, достававшего блокнот из полевой сумки, улыбнулся стеснительно:

— Не надо. Я сам борзописец. Из дивизионки. Комлев Марат Иванович.

— Будем знакомы, товарищ старший лейтенант, — протягивая руку, сказал вошедший. — Махов Виктор Игнатьевич. Из окружной газеты.

Пожилой старшина с обветренным, красным, как перезревший помидор, лицом принес Комлеву сухую одежду. Бережно положил ее на краешек раскладушки и затем достал из-за пазухи сверток.

— Это от командира полка. Медики доставили. Для сугреву, так сказать.

Старшина крикнул, хохотнул многозначительно и ушел. Марат развернул сверток и поднес к заискрившимся удовольствием глазам вместительный пузырек со светлой жидкостью.

В палатку просунулся старшина:

— Забыл сказать, спирт это, девяносто шестой, так что разбавляйте водичкой. По вкусу. Как говорится, чем богаты... Жив-здоров, лежу в больнице, сыт по горло, жрать хочу.

— Спасибо, а то я думал, что для растирания, — наигранно, под простачку ответил Комлев и взболтал содержимое пузырька.

— Закусочку я доставлю, — предупредил довольный попечитель героя и, многозначительно кашлянув в огромный кулачище, скрылся.

— Спасибо, очень тронут, — крикнул вслед старший лейтенант.

Махов приказным тоном потребовал:

— Поворачивайся на живот. Под лопатками спиртиком натру.

— Зачем драгоценность переводить, — возразил Комлев. Но Махов уже налил спирта в сложенную лодочкой ладонь.

Хорошенько, до красноты, растерев спину, Махов посоветовал:

— Уши, раковины, смочи спиртиком.

Марат не воспротивился, сказав:

— Ну а остальное в утробу.

Махов осуждающе ответил:

— Ну и словечки у тебя, ну и выраженьица.

Комлев засмеялся:

— Ухожу от штампов.

— Это неплохо. Но учти, каждому из нас хватает творчества настолько, насколько глубок и порядочен его источник.

— Кстати, дарю вам, товарищ подполковник, умную мысль: люди дуреют из-за денег и наград. Ваша книжечка при вас? Запишите.

— Я только свои записываю, — ответил Махов и, разглядев в углу палатки две раскладушки, сказал, ожидая реакции коллеги:

— Пожалуй, и я тут заночую. Не против?

— За! — поднял руку Комлев. — Милости просим.

В палатку, пыхтя, ввалился старшина, прижимая к богатырской груди алюминиевый бачок и желтый, расписанный цветами китайский термос.

— Куда поставить?

Махов сноровисто, будто выполняя контрольный норматив, установил раскладушку:

— Вот вам и стол для яств. Ставьте сюда.

Старшина исчез так же внезапно, как и появился, а офицеры, глотая щедрую слюну, раскладывали в алюминиевые тарелки наваристую гречневую кашу, обильно сдобренную подливой, большие куски хорошо прожаренной рыбы, салат из свежей капусты.

— Пир на весь мир, — весело потирая руки сказал Махов. — Вздрогнем понемногу и вспомним всё хорошее, что было и чего не было с нами.

Марат, поровну разлив спирт в эмалированные кружки и разбавив его водой, сказал:

— Сам Бог видит, что не пьем, а лечимся. За ваше здоровье, товарищ подполковник!

Махов ответил:

— За здоровье! И давай без званий — мы же одни.

Они забыли о времени. Как-то так уж получилось, что больше говорили об афганской войне, на которой оба хлебнули горяшка. Теперь, на дальнем расстоянии, имея возможность спокойно разобраться в ее бессмысленности и злобности, они старались быть доказательными и бесстрастными.

Махов сразу же понял, что Марат давно не делился наболевшим на душе и больше слушал, чем говорил. Он понимал, что взаимность возникает тогда, когда ты уверен, что твои переживания воспринимаются искренне, глубоко, а не ради того, чтобы показаться участливым. Виктор Игнатьевич не мог быть неискренним слушателем, потому что знал: Марат ищет в нем какую-то надежду.

Комлев командовал в Афгане взводом роты разведки. Не раз приходилось смотреть смерти в глаза, но душа его не ожесточилась. После каждой боевой операции он обнимал солдат и говорил: «Родные мои, как я вас люблю!» Он очень гордился тем, что именно в его взводе было меньше всего потерь, больше награжденных, чем в других взводах. Если из Союза приезжал сменщик и просил Марата поделиться опытом, тот перво-наперво советовал: всегда думай о солдатах, их матери ждут.

Мирно, раздумчиво ведя беседу, журналисты никого не ругали, никого не хаяли

и не проклинали. Они, испытывавшие на собственной шкуре всю боль и весь стыд дурацкой авантюры, пытались самолично, без указок и без подсказок, без посторонних советов и наветов пробиться к той правде, которую пока, по их непоколебимой убежденности, еще мало кто знает.

— Стихи пишутся? — спросил Махов.

— Иногда в голову лезут какие-то строки, но я отгоняю их. Устроил, так сказать, поэтическое голодание. Стихи, как говорят, никуда не уйдут. Я, Виктор Игнатьевич, сделал такой вывод: чтобы чего-то весомого достичь, хоть в той же поэзии, надо любить не себя в профессии, а профессию в себе. И вкалывать, чихая на обстоятельства, ситуации, на стрессы и нервы.

— А я помню ведь немало сочиненного тобой. Иногда, когда грусть о юности, опаленной туркестанским солнцем, одолевает, даже пою.

— Сколько ты в ТуркВО отбухал? — спросил Комлев.

— Считай, двенадцать лет до Афгана. Ты в точку попал, Марат, — сказал Махов и тихо запел:

— Туркестан, Туркестан, край песков
и верблюдов.

Мне и жить, и служить по приказу
теперь только тут.

Ну а там, ну а там — всякой
нечисти груды,
И воды полведра, полведра только
в сутки дают.

А за окном песок метет,
И хочешь спать, но никак
не уснуть.

А за окном верблюд орет.
Родная, в путь, поскорее же в путь.
Марат начал подпевать Махову:

— Шлешь ты письма, но мне этих
писем не надо.

Я из писем твоих мог давно бы
составить тома.

Дорогая, пойми: самой лучшей
наградой

Будет, если ко мне в Туркестан
ты приедешь сама.

И пусть тогда песок метет,
С тобой вдвоем мы сумеем уснуть,
И пусть тогда верблюд орет.

Родная, в путь, поскорее же
в путь...

Они помолчали и еще долго вспоминали тех, с кем рядом ходили под пули, гордясь, что, выполняя присягу, вершат правое дело, какое вершили до них отцы и старшие братья, подтверждая репутацию интернационалистов в ту прошлую и поистине великую войну, и оставались до мозга костей верными и девственно чистыми сыновьями той, отвоеванной миллионами жизней Родины, которая оставалась за желанным кордоном, встречая с горечью и болью «тюльпаны» в безмятежности своих мирных тревог.

Марат лег на заскрипевшую под тяжестью его крепко сбитого тела раскладушку, подложил скрещенные ладони под затылок и тихо запел: «Шел я в карцер босыми ногами; как Христос, был спокоен и тих; десять суток кровавыми красил губами я концы самокруток моих...» Махов смотрел через дыру в пологе палатки на блеклую луну, будто зачарованную задумчиво-тревожным голосом Марата, и к нему пришло душевное успокоение, которого он был лишен все эти гнетущие недели, заставлявшие не раз размышлять о том, что растревоженная страна наша и впрямь чем-то похожа на карцер. Ему порой казалось: все — и верхи, и низы — сначала делают, а потом думают.

Спали недолго. Расстались с теплотой, присущей только боевым побратимам, и с радостью от того, что вновь встретились и будут вместе трудиться на журналистском поприще.

Теперь, ожидая Комлева, подполковник Махов верил, что между ними не пробежит черная кошка, которая, к сожалению, бывает, проскакивает между новичками и теми, кто имел виды получить должность повыше на уже обжитом месте.

Комлев — загорелый, белозубый — вихрем ворвался в кабинет, щелкнул каблуками до блеска начищенных хромовых сапог:

— Вот и я собственной персоной. — Он поднес к виску правую руку с перебинтованными пальцами.

— Хитрость не может иметь постоянства, так как умных больше, чем глупцов.

— Согласен, — отозвался Комлев, а Махов, попросив его, чтобы не перебивал, продолжил чтение:

— Страданий — и душевных, и физических — больше там, где верховенствуют

ограничения естественных, природных инстинктов в угоду догме.

— Это под большую философию, — не удержался Комлев.

А Махов, поразмыслив после паузы, все-таки озвучил новое свое умозаключение:

— Если человека перестает интересовать течение реки жизни и одолевает апатия ничегонеделания, он превращается в банальный продукт распада. Потому никогда не помешает обозвать себя лентяем и дураком в целях самовоспитания.

Комлев, прилежший на раскладушку, привстал и, ткнув указательным пальцем в висок, многозначительно изрек:

— Бесспорно, надо знать себе цену, но очень важно не завышать ее. И помнить, что легче всего человеку войти в этот мир и уйти из него, а трудно удержаться в нем как можно дольше.

— Ты тоже, вижу, не прочь пофилософствовать, — отреагировал Махов и, полистав страницы, приказным тоном произнес:

— А теперь спать. С мыслью о том, что каждый хочет видеть нас такими, какими этому каждому хочется нас видеть. Всё! Спокойной ночи, коллега.

Марат тяжело вздохнул и, прежде чем лечь на скрипучую раскладушку, сказал раздумчиво:

— Я, Игнатич, там, в Афгане, уяснил до конца дней своих: истинная цена жизни человеческой познаётся не в часы, дни, недели, месяцы и даже годы радости, а в моменты, секунды и минуты непоправимого горя.

Махов не отозвался на эти слова, делая вид, что внезапно сдался в плен Морфея, и еще долго лежал с открытыми глазами, размышляя над сказанным.

Махов обнял его, отстранил легонько и похвалил:

— А ты, брат, щеголь. Вокруг пылища, грязь, но твои сапоги сияют. Как служба?

— Хочется чистоты хоть в этом. Тут уж никто не помешает. А что до службы, так она ведь медом не была никогда. Ни при каких идеологиях, ни при каких правителях. Солдат — он и есть всегда солдат.

— Порезал? — спросил Махов, глядя на забинтованную руку Марата.

— Пилой черкнул, заживает долго, — ответил тот и недовольно согнал к переносице

густые, выгоревшие на солнце брови. — Да что это мы по мелочам? С приездом, жалуем вас хлебом и солью. Леленька, чаечку бы!

— Кипит уже, — донеслось в ответ.

Марат легонько встряхнул рукой, поморщился:

— Линяю, Игнатьевич. Спасу нет, задержали. Строим дачу командиру рембата.

— Ничего себе сочетание — рембат и редакция! Ну ладно бы начальник политотдела бывшего на вас лапу наложил...

— Бери выше.

— Начштаба?

— Еще выше! Сам комдив нас вычленил в подсобники, чтобы убедились, что ручка легче лопаты. Полагает, что мы тут бездельничаем.

— С чего бы? Ведь Бойчук вроде бы мужик мыслящий.

— У Залипушина спроси. Знаю только, что следующий объект, номер два, — дача Бойчука. Уже блоки, плиты завезли.

Махов встал, прошелся по кабинету короткими шажками, предложил:

— Напиши, Марат.

— О чем?

— Не ясно? Про эти стройобъекты.

— Да сожрут же, причем без соли! Ваш урок пошел мне впрок, Виктор Игнатьевич. У них же круг, — Комлев сцепил пальцы обеих рук, — не разорвать, не расковать, не распилить, не раскалить. Нервы, конечно, пощекотать им можно, но на этом все ведь и кончится.

Оживившись, Марат предложил:

— Вы смелый. Вот и напишите.

Махов отмахнулся, скривив губы:

— Какой же я смелый? Помнишь, зимой Епишев на полигон пожаловал, походную ленкомнату поглядеть? Тогда это было новшеством от главпура. Его вели на одну батарею, а он изменил маршрут. Тогда солдаты во главе с полковником из политуправления перетасили по снегу все стенды на огневую позицию той батареи, куда захотел пожаловать генерал армии. К его появлению все было в ажуре. Он остался доволен походной наглядной агитацией и наградил замполита батареи часами, хоть тот палец о палец не ударил. А обворован-

ный замполит остался у разбитого корыта после бессонных дней и ночей. Батарейцы подтрунивать начали, то и дело спрашивая: «Сколько на ваших “командирских”, товарищ старший лейтенант? Не опаздывают?» Я, мой дорогой Марат, был свидетелем этого партийно-политического безобразия — и промолчал. Не хватило духу открыть карты той игры в показуху самому начглавпура. А ты... Вы смелый, Виктор Игнатьевич! Трус я.

Махов сосредоточенно посмотрел на часы, спросил:

— Ты когда на объект едешь?

— Через часик.

— Я с тобой.

— А может, не с этого начнешь, Игнатьевич?

— Не беспокойся, газету будут больше уважать. Заставим.

Леля, само очарование, внесла чайник, стаканы, сахар:

— Чаек. Грузинский, но индийскому не уступит. Пейте.

— Спасибо, — сказал Махов, принимая чайник, и как бы нечаянно провел пальцами по Лелиной руке. Она с укором глянула на него, предупредительно сомкнула длинные ресницы, мол, не надо нежностей, и вышла.

— Так куда же ты, Леля? Давай с нами чайку, — предложил Комлев, но Леля отказалась.

— Спасибо, спешу очень.

Махов, прихлебывая из полулитровой чашки, оставленной в наследство предыдущим редактором, укатившим на учебу в академию (о котором шутники бают, что он слово «вперед» отдельно пишет), сказал Комлеву:

— Знаешь, что приятно удивило? Весь военный городок покрашен в серо-грязные тона, а редакция — прямо-таки фиалка.

— Лелина это заслуга, Игнатьевич. Комдив лично разрешил, хотя потом от Филякина сам нагоняй получил. А разрешил потому, что Леля в штабных кабинетах шефствует над розами, фикусами, геранями пальмари и, конечно же, в его служебных апартаментах...

ЛЮДМИЛА ВЛАДИМИРОВА

(г. Одесса, Украина)

Людмила Борисовна Владимировна — кандидат медицинских наук, организатор и руководитель литературной гостиной Одесского дома ученых, член Союза писателей России (2000). Автор более 300 научных и научно-публицистических работ по вирусологии, иммунологии, истории медицины, социологии, а с 1991 года также автор литературоведческих работ. Последние (более 50) опубликованы в одесской периодике, а также в газете «Российский писатель», журналах «Дружба народов», «Наш современник», Ave, «Нива», «Золотая Ника», сборниках I—V Международных Цветаевских чтений, альманахе «Сталкер» (Лос-Анджелес, США); доложены на Международной Пушкинской научной конференции (Москва, 2002), Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию Дома М. Волошина (Коктебель, 2003), на научной конференции, посвященной 125-летию старейшего музея А. С. Пушкина (Санкт-Петербург, 2004), Международной научной конференции, посвященной 100-летию М. А. Шолохова (Ростов-на-Дону, ст. Вешенская, 2005), Международной научной конференции «Серебряный век: диалог культур» (Одесса, 2007). Автор шести книг, в том числе двух сборников стихов. Стихи публиковались в одесских газетах, а также в альманахе «Сталкер» (1992–1996), сборниках «Пороги» (1997), «Ступени» (1999), «Литературная гостиная» (вып. 1–7, 1996–2005) и др.

СТРАННЫЕ СБЛИЖЕНИЯ...

В первом номере альманаха «Золотая Ника» опубликована часть моих заметок — детища ряда лет — под общим названием «Странные сближения».

«Бывают странные сближения...» — писал А. С. Пушкин. Еще об одном, привлечшем мое внимание и записанном пять лет тому назад, хочу сегодня вспомнить. Заметив, что 24 мая 2010 года исполнилось 105 лет со дня рождения М. А. Шолохова, а 15 мая 2011-го — 120 лет со дня рождения М. А. Булгакова. Вспомнив и слова (1991 г.) видного литературоведа наших дней П. В. Палиевского: «...для понимания того, что с нами происходит, нам достаточно в общенародном сознании — Шолохова, в невидимой области духа — Булгакова. С этими двумя Михаилами мы уж как-нибудь переберемся в XXI век; а там посмотрим» (Шолохов и Булгаков.

Москва. ИМЛИ РАН, «Наследие», 1999, с. 69–70).

Кто Вы, Дон Аминадо?

Обратившись к М. А. Шолохову в год его столетия (2005), я узнала, что ему «нравился поэт-эмигрант из Одессы» Дон Аминадо. Естественно, меня заинтересовал этот поэт, прозаик, сатирик, эпиграммист — Шполянский Аминад Петрович (Аминодав Пейсахович; псевд. Гидальго, Ама, Вероника К., Страшноватенко и др.)

Дон Аминадо родился 25 апреля 1888 года в Елизаветграде в мещанской семье, окончил Елизаветградскую классическую гимназию, учился на юридическом факультете Новороссийского университета в Одессе, затем — в Киевском университете, юрфак которого и окончил. Жил, работал, печатался в Киеве, Москве, Петербурге (в

газете «Раннее утро», сатирическом еженедельнике «Новый сатирик» и др.). В 1914-м опубликовал в Петрограде первую книгу стихов — «Песни войны»; в 1917-м в Москве — пьесу «Весна семнадцатого года». 20 января 1920 года эмигрировал из Одессы в Константинополь. Вспоминая минуты отъезда, Дон Аминадо писал: «Все молчали. И те, кто оставался внизу, на шумной суетливой набережной. И те, кто стоял наверху, на обгоревшей паровой палубе. Каждый думал про свое, а горький смысл был один для всех: «Здесь обрывается Россия над морем черным и глухим» (из стихотворения О. Мандельштама. — А. В.). Из Константинополя через Марсель переехал в Париж, где прожил все оставшиеся годы. Умер 14 ноября 1957 года.

В его сборниках стихов и прозы «Дым без отечества» (1921), «Наша маленькая жизнь» (1927), «Накинув плащ. Лирические сатиры» (1928), «Нескучный сад» (1935), «В те баснословные года» (1951), «Поезд на третьем пути» (1954) критики видят продолжение классической традиции русского юмора с его состраданием к маленькому человеку, трансформацию этой темы «применительно к эмигрантскому зарубежью».

Максим Горький считал Дон Аминадо «подлинным выразителем настроений эмиграции», определял: «человек неглупый, зоркий и даже способный чувствовать свое и окружающих негодование». Заметив «сильную лирическую струю в сатирических произведениях Дон Аминадо», И. А. Бунин писал в 1927 году: «Дон Аминадо гораздо больше своей популярности (особенно в стихах), и уже давно пора дать подобающее место его большому таланту — художественному, а не только газетному, злободневному».

Но дело, очевидно, было не в том, чтобы «дать», а в том, мог ли, хотел ли он «взять». Это со свойственной ей проницательностью заметила Марина Цветаева. Из ее письма 31 мая 1938 года: «Милый Дон Аминадо, мне совершенно необходимо Вам сказать, что Вы совершенно замечательный поэт. <...> В одной Вашей шутке больше *лирической жилы*, чем во всем “на серьезе”»; «у Вас просто — поэтическая сущность, сущность поэта, которой Вы

пренебрегли»; «Вы — своим даром — роскошничаете...» Но — «Быт и шутка, Вас якобы губящие, — не спасают ли они Вас, обещая больше, чем Вы (в чистой лирике) могли бы сдержать?» И — «чтобы стать поэтом, стать тем поэтом, который Вы *есть*, у Вас не хватило любви — к высшим ценностям; ненависти — к низшим». Цветаева отмечает, что «между Вами и поэтом: Вы, человек. Привычка к шутке, и привычка к чужой привычке (наклонная плоскость к газетному читателю) — и (наверное!) лень и величайшее (и добродушное) презрение ко всем и себе — а может быть, уж и чувство: поздно (т. е. та же *лень*: она, матушка!) Между Вами и поэтом — быт, Вы — в быту, не больше. Не самообольщайтесь: писать всерьез Вы *не* будете, но мне хочется, чтобы вы знали, что был все эти годы (уже скоро — десятилетия!) человек, который на вас радовался, а не смеялся, и вопреки всем Вашим стараниям — знал Вам цену. Рыбак рыбака видит издалека». В постскриптуме: «Вы каждой своей строкой взрываете эмиграцию! <...> Вы ее самый жестокий (ибо бескорыстный и добродушный) судья. Вся Ваша поэзия — самосуд: эмиграции над самой собой. Уверяю Вас, что (статьи Милюкова пройдут, а...) это — останется. Но мне-то, *ненавидящей* политику, ею — *брезгующей*, жалко, что вы пошли *ей* на потребу».

Замечено: «С годами желчная интонация первых эмигрантских сборников сменилась более мягкой, юмористической. Д. А. призывал к бодрости и стойкости, советовал соплеменникам “не шлаться с мордой освеженного кролика”».

Еще в начале 90-х я обратила внимание на Дон Аминадо, в частности, на стихи «Про белого бычка» (1920). Познакомившись с книгой «Поезд на третьем пути», которую он написал в небольшом городке Иер под Парижем, а издал впервые в Нью-Йорке; с частью из многих тысяч (!) ссылок в Интернете, задалась вопросом: «Кто Вы, Дон Аминадо?», не торопясь соглашаться с мнением одного из авторов Интернета: «Провидец, блин...»

Учитывая, что не всем доступно знакомство с поразившим меня (и многих пользователей Интернета!) стихом, привожу его полностью (по публикации в сб. «Лите-

ратура русского зарубежья», т. I, кн. I, с. 251–252, несколько — несущественно! — отличающейся от интернетовской (курсив — мой):

Про белого бычка

Мы будем каяться пятнадцать лет подряд,
С остервенением. С упорным

сладострастьем.

Мы разведем такой чернильный яд
И будем льстить с таким подобострастьем
Державному Хозяину Земли,
Как говорит крылатое реченье,
Что нас самих, распластанных в пыли,
Стошнит и даже вырвет в заключение...
Мы станем: чистить, строить и тесать.
И — сыпать рожь в прохладный зев амбаров.
Славянской вязью вывески писать
И вождедель кипящих самоваров.
Мы будем ненавидеть Кременчуг
За то, что в нем не собиралось вече.
Нам станет чужд и неприятен юг
За южные неправильные речи.
Зато какой-нибудь Валдай или Торжок
Внушат немалые восторги драматургам.
И умилиет нас каждый пирожок
В Клину, между Москвой и Петербургом.
Так протекут и так пройдут года:
Корявый зуб поддерживает пломба.
Наступит мир. И только иногда
Взорвется освежающая бомба.
Потом опять увязнет ноготок.
И скучен станет самовар московский.
И лихача, ватрушку и Восток
Нежданно выберит Димитрий

Мережковский.

Потом... О, Господи, Ты только вездесущ
И волен надо всем преображеньем!
Но, чую, вновь от *беловежских пущ*
Пойдет начало с прежним продолженьем.
И вдруг оси опишет новый круг
История, бездарная, как бублик.
И вновь на линии Вапнярка — Кременчуг
Возникнет до семнадцати республик.
И чье-то право обрести в борьбе
Конгресс труда попробует в Одессе.
Тогда, о Господи, возьми меня к себе,
Чтоб мне не быть на трудовом конгрессе!

Конечно, поражает упоминание «беловежских пущ», завершающие строки стиха (с использованием бундовского лозунга «В борьбе обрешь ты право свое»), особенно если вспомнить слова Дон Аминадо: «Все

возможно... Возможно и то, что грядущим поколениям даже и наша судьба покажется заманчивой. Ибо окажется, что мы присутствовали всего-навсего при конце капитализма, а их под конец социализма угораздило попасть». И стихи 1926 года: «Провижу день. Падут большевики, / Как падают прогнившие стропила. / Окажется, что конные полки / Есть просто историческая сила. / Окажется, что красную звезду / Срывают тем же способом корявым, / Как в девятьсот осьмнадцатом году / Штандарт с короной и орлом двуглавым...»

Интерес М. А. Шолохова к стихам Дон Аминадо, очевидно, связан с некоторыми созвучными образами. Так, в стихе «Очень просто» прозвучит у Дон Аминадо явно шолоховский образ: «Пахнут горечью травы полынные...»; в стихе «Писаная торба» — вероятно, близкие Шолохову строки: «Когда на смерть уходит полк казацкий, / Могу ль хотеть, чтоб каждый на коне / Припоминал, что думал Златовратский / О пользе просвещения в стране. / Есть критики: им нужно до зарезу, / Я говорю об этом, не смеясь, / Чтоб даже лошадь ржала “Марсельезу”, / В кавалерийскую атаку уносясь». Строка «Прах ненужных дневников» в стихах «Свершители» вызывает в памяти дневник и бессмысленную гибель студента Тимофея, обожателя Лизы Моховой. Нет сомнений, что М. А. Шолохову близка эпиграмма Дон Аминадо: «Жизнь — игра калейдоскопа. / Смена света. Смена тьмы. / Там Россия. Тут Европа. / Тут палаты. Там умы. Так же, как и стихи «Старый Лондон пахнет ромом...», «Нет даже слова такого...», «Не уступить. Не сдать. Не стерпеть...» и многие другие. Очевидно, что Шолохов, как и Горький, Бунин, Цветаева и пр., оценил его талант по достоинству.

И заметил, в отличие от владельцев некоторых сайтов, очевидный сарказм Дон Аминадо по адресу «Талейранов из города Винницы» с их «холопским гневом», с их гордыней причастности, впадающей в фамильярность: «Не Троцкий Лев, а Троцкий Лева!». Мы знаем, что М. А. Шолохов «принимал революционные идеалы, но не принимал во многом практики революции, особенно в ее троцкистском воплощении». Знаем и «национальную подоплеку травли» Шолохова. И

— его прозорливость, мужественные попытки защитить русский народ, русскую культуру, предотвратить то, что пророчил Дон Аминадо. Увы...

Невольно вспоминается и образ «рокового и демонического Михаила Семеновича Шполянского» из «Белой гвардии» Михаила Булгакова: «председателя городского поэтического ордена “Магнитный Триолет”», «имеющего большие литературные связи», не имевшего себе «равных как оратор». Заявившего соратникам: «Все мерзавцы. И гетман, и Петлюра. Но Петлюра, кроме того, еще и погромщик. Самое главное, впрочем, не в этом. Мне стало скучно, потому что я *давно не бросал бомб*» (здесь и ниже курсив мой. — А. В.). Рассуждавшего: «Кто знает, может быть, столкновение Петлюры с гетманом исторически показано, и из этого столкновения должна родиться *третья историческая сила* и, возможно, единственно правильная».

Ох уж этот авантюрист, «злой гений жизни» «с глазами змеи», несчастного Ив. Русакова! «Предтеча антихриста», за которым «виден над полями лик сатаны, идущего за ним!» Сатаны — Троцкого. Богатый образ, неоспоримая удача М. А. Булгакова!

Интересно, что у Дон Аминадо (А. П. Шполянского) в стихе «Жиронда» читаем: «А мы, бессильные помочь, / Копили желчь свою упрямо / И повторяли день и ночь: / Россия — яма, яма, яма. / Петлюра, гетман, дьявол, черт!.. » А в стихе «Про белого бычка»: «... Наступит мир. И только иногда / Взорвется *освежающая бомба*. / Потом опять увязнет ноготок...» А в книге «Поезд на третьем пути»: «Бури. Дерзання. Тревоги. / Смысла искать — не найти. / Чувство железной дороги... / Поезд на *третьем пути*».

Третья сила, третий путь...

Любовь Белозерская, ставшая женой Михаила Булгакова, знала, описала Дон Аминадо: «Небольшой, упитанный, средних лет человек с округлыми движениями и милостивым лицом, напоминающим мордочку фокстерьера». Напрашивается вопрос: знал ли Булгаков Дон Аминадо в Киеве? Ответа не знаю. Но, вполне вероятно, знал. И — случайно ли дал персонажу такую фамилию?

Вопросы, вопросы...

Вместо заключения

Но и — ответы. Нужно лишь постараться их услышать: «Имеющий ухо да слышит, что Дух говорит церквам...»

К вопросу о путях-дорогах: не лишне послушать и многих современников, в частности П. В. Палиевского: «...произошел слом, обвал на исторической дороге, которой шел народ. Со своими, конечно, причинами, но не без мощной поддержки извне». С открытым использованием «мировых денег», которые «действуют оттуда, где их успели больше нахватать, с неимоверной быстротой маневра, перебрасывая силы в нужный момент и место мгновенно, подавляя людей через своих носителей и адвокатов почище сеанса черной магии» (там же, с. 83–84).

Но дорога-то — Правды, Справедливости, Сострадания, Любви. Единения, соборности, блага — для всех. Неприятия власти денег: «Допустить, чтобы человеком в его общественной и духовной жизни руководили законы рынка, значит сделать каждого, помимо его воли, по точному народному определению “продажная”, “продажный” — со всеми вытекающими последствиями». К тому, что «на виду и есть. Принудительное падение человеческого уровня, сведение его к простейшим интересам и инстинктам, громадная индустрия по их поощрению и удовлетворению, т. е. обращение человека в цивилизованное животное. Чтобы удобнее пасти» (там же, с. 84–85).

Да, сегодня «картина мрачная», но «лишь тогда, когда не видят дороги, или забыли о ней, или дали себя обмануть “сочувствующим” причитаниям, что ее не было и нет. На деле нет ничего интереснее и важнее, чем понимание хитросплетений зла. Понимание это бесконечно более для него опасно, чем желание, развернувшись, “дать ему в ухо” (это желание им прямо поощряется)». А потому — не «провокационно подсказанные» действия, а мужественный, неустанный труд по восстановлению Дороги и неиссякаемая Вера, завещанная праотцами: «велико, знать, о Русь, твое значенье. Мужайся, стой, крепись и одолей» (там же, с. 90).

2006–2011 гг.

«Я ЗНАЮ, ЧТО Я ОТТУДА»

Из «особой душевной страны», «достоверной», но которой, в отличие от России и... Норвегии, нет на карте. Но это — суровая страна, и живут там «люди гор». Гордые люди.

«Моя любимая книга в мире»

Так скажет Марина Цветаева о книге Сигрид Унсет «Кристин, дочь Лавранса» (вернее, о третьей части ее — «Крест») в письме Юрию Иваску 3 апреля 1934-го. Неоднократно она будет писать своим адресатам об этой очень близкой ей книге.

В письме А. А. Тесковой 17 октября 1930 года, упомянув Н. С. Лескова («Из русских писателей это мой самый любимый, родная сила, родные истоки»), такой же родной назовет книгу Унсет: «Замечательная книга. Норвежский эпос. Трилогия *Der Kranz — Die Frau — Das Kreuz* (Венок — Женщина — Крест). Лучшее, что написано о женской доле. Перед ней Анна Каренина — эпизод. Вся вещь называется *Kristin Laurinstochter*. Когда-нибудь я эту книгу приобрету. После нее долго ничего не хотелось читать» (здесь и далее — курсив автора. — А. В.).

Ей же, 27 января 1932-го, — о том, что не умеет гостить, «связанная мыслями, а часто и вымыслами, что я — в тягость, чужим распределением дня, всей чужой (хотя и доброй!) надо мной волей». Но: «А у Вас бы я гостить сумела, у Вас бы я даже не заметила, что гощу! К Вам бы я приехала *домой*, в мир Сигрид Унсет и ее героев, не только в их мир и в их *век*, но и в их особую душевную страну, такую же достоверную, как Норвегия на карте.

Я знаю, что я оттуда. Я там все *узнаю*. Я знаю, что и Вы оттуда, я и Вас там узнаю, я и это *там* в Вас узнаю. Мы с Вами люди одной породы, без всякого иносказания: горной. Люди гор. Суровые. Как было в России суровое полотно, суровый холст — из которого кому-то (не нам!) паруса. Которые не рвутся». И снова повторит: «Знаете ли Вы — Вы, *конечно*, знаете! Что Вы совсем, целиком, из чудесного женского мира Лагерлёф и Унсет, что те —

Ваша порода, а Вы — *их*» (11 декабря 1933 года).

О своем духовном родстве М. Цветаева напишет и В. Н. Буниной: «...у меня над столом карточки Рильке и З. Унсет, гляжу на них и чувствую, что я — *их*» (10 января 1935).

Впервые М. Цветаева прочла книгу летом 1930 года. Она напишет Р. Н. Ломоносовой: «Всего около 2000 стр<аниц> и — ни одной лишней строки. Норвежский эпос — и женский эпос. Вся страна и вся судьба. Кажется, за нее именно получила Нобелевскую премию. Наверное, переведена на английский, я читала по-немецки, так все лето и прожила — в Норвегии» (31 марта 1931 г.). Потом будет неоднократно возвращаться: «С собой взяла *Kristin Laurinstochter*, к<оторую> перечитываю каждое лето, — вот уже пятый раз. Т. е. пятый раз живу ее жизнь» (А. А. Тесковой, 24 августа 1934 г.).

«Страстная мечта» иметь у себя книгу заставит не раз просить подарить ее. А. А. Тесковой: «И вот — внезапное озарение: кто же мне подарит эти книги, как не Вы, которая их — почти что писали и совсем жили?! Не все. Вторую часть: *die Frau*. Первую мне, я почти уверена, подарит один здешний молодой поэт <...>. Хочу непременно по-немецки, на франц<узском> эта вещь просто не мыслится. Читала я трилогию два с лишним года назад, *жила* *ее*. А просила подарить уже два раза — и оба раза безнадежно: первый человек просто не отозвался, второй пообещал — и все. Знаю, что все три тома продаются отдельно, глазами видела здесь, в немецком магаз<ине>, и, естественно, не могла купить. Мы в *полной* нищете, за кв<артиру> не плачено (послали из 1300 фр<анков> — 700 фр<анков> пока, хозяйка вернула обратно, желая сразу всё; естественно, начали тратить, ибо жить не на что, чехи не пишут и не шлют, литер<турный> отдел В<оли> России кончился, печататься негде, С<ергей> Я<ковлевич> без работы, ищет, обещают — ах!). Но вот потому-то, из-за того-то и хочу трилогию, чтобы рядом с *этой* жизнью шла *другая* жизнь: моя!

О Kristin Laurinstochter мечтаю третий год, сейчас эта мечта дошла до *тоски*. Половину бы своих книг (а у меня есть очень хорошие!) за нее отдала» (27 января 1932 г.).

Ю. П. Иваску: «Вы можете меня сделать наверняка — счастливой. У меня есть страстная мечта, уже давно: а именно III том трилогии Sigrid Undset “Kristin Lawr-anstochter” — У меня есть I ч<асть> и II ч<асть> (Der Kranz, Die Frau) (Венок. Женщина.) но III ч<асти>, Das Kreuz (“Крест”), нет. <...> Но книга дорога и просьба нескромна, и, чтобы быть вполне нескромной, — в переплете, ибо две другие у меня в переплете сером полотняном, с норвежским сине-красным орнаментом — душу отдать! Это, именно эта III ч<асть>, — моя любимая книга в мире. И Вы бы мне ее написали».

А. А. Тескова прислала М. Цветаевой книгу Die Frau (Франкфурт-на-Майне, 1930 г.) с дарственной надписью: «Дорогой Марине Ивановне Цветаевой на радость... с любовью. А. А. Teskova, 24.III.32, Прага». Цветаева тотчас по получении (17 апреля 1932 г.) откликнется: «Пишу Вам наспех, по горячему следу радости и благодарности: только что получила книгу... <...> Die Frau для меня — огромное счастье, сбывшаяся мечта двух, если не трех лет. Смотрю — и не верю (что — *моя*, что не нужно отдавать). Главная же радость — Вы будете, а может быть, не будете — смеяться: что почти 600 страниц, что на так долго — радости. Так книгам я радовалась только в детстве.

Еще раз бесконечное спасибо и за книгу, и за надпись».

В мае 1934-го М. Цветаева получила в подарок от Ю. Иваска и третью часть любимой трилогии. Она напишет: «Знаете, что мне первое пришло в голову, когда я ощутила в руках всю весомость Das Kreuz... (Даже руки, не ждавшие, ждавшие обычной хламной невесомости “Последних новостей”, немножко сдали, пошли вниз...)»

— Этому человеку я бы оставила все мои рукописи. — Это была моя благодарность — невольная, крик всего моего существа, настоящий инстинкт самосохранения, — непогрешимый жест — сна.

И — не отказываюсь: у меня никого нет, кому бы я это доверила».

И далее — перечисление Пастернака, сестры Аси, дочери и сына, по разным причинам не подходящих для роли «душеприказчика», перечисление всех качеств адресата, согласно которым он и избран. И вопрос: «Итак, принимаете?» И — горькое: «Бедных писаний моих Вавилонскую башню...».

Книга настолько дорога Цветаевой, что, огорченная скромным, в ответе Иваска, о переоценке подарка, она взрывается: «Переоценила подарок? Этим словом Вы его обесцениваете. Нарочно? Нарочно или нечаянно, — все равно и равно жаль — за Вас (Мы с Унсет не пострадаем. Мы — союз.)» (4 июня 1934 г.).

В горчайшем письме от 21 ноября 1934 года к А. А. Тесковой, свидетельствующем о полном одиночестве Цветаевой в семье, окончательно испортившихся отношениях с дочерью и мужем: «...скоро возненавидит меня (а подсознательно уже, временами, ненавидит)», она напишет: «Подымаю глаза, совершенно горящие от слез (целые дни!), и сквозь слезную завесу вижу лицо Сигрид Унсет из серебряной рамки: недоумевающее, укоризненное, не узнающее (меня)».

Мучимая сомнениями, терзаниями (ехать — не ехать в Союз), уверенностью, что сына, Мура, «у меня эта Москва сразу всего, с головой отберет», М. Цветаева вспомнит любимую книгу любимого автора: «Сейчас, случайно подняв глаза, увидела на стене, в серебряной раме, лицо Сигрид Унсет — un visage revenu de tout (лицо человека, отрешившегося от всего) — никаких самообманов! И вспомнила — Kristin, как от нее постепенно ушли все дети и как ее — помните, она шла на какое-то паломничество — изругали чужие дети — так похожие на ее!» (А. А. Тесковой, 15 февраля 1936 г.).

«Живу под тучей отъезда» — напишет М. Цветаева 29 марта 1936-го, прося совета и у... любимых писательниц: «Все думаю, что сделала бы на моем месте Сельма Лагерлёф или Сигрид Унсет, которая (которые) для меня — образец женского мужества» (А. А. Тесковой). И снова вспомнит Kristin, ее паломничество,

«как ее ругали мальчики, а она, улыбаясь, вспоминала *своих* — когда были маленькими...»

«Точно со мною было» — напишет Цветаева, сокрушаясь, что ей «в жизни не удалось — паломничество», потому что «Паломник должен быть внутренне-одинок, только тогда проникнется всем». Да и просто: «Для путешествия нужна духовная и физическая свобода *от*, тогда, м. б., оно наслаждение. <...> Теперь, подводя итоги, могу сказать: я всю жизнь провела — в неволе. И, как ни странно, в вольной неволе, ибо никто меня, в конце концов, не заставлял так все принимать всерьез, — это было в моей крови, в немецкой ее части...» (А. А. Тесковой, 26 января 1937 г.).

В прощальном письме к А. Тесковой М. Цветаева напишет: «Вы человек, который исполнял *все* мои просьбы и превзошли все мои (молчаливые) требования преданности и памяти. Так, как Вы, меня никто не любил. Помню всё и за всё бесконечно и навечно благодарна. <...> Спасибо за Lawrens-Tochter, увожу, не расстанусь никогда» (7 июня 1939 г.).

«Грехи Бог простит, а подвиги??»

Читаю любимую Мариной Цветаевой трилогию Сигрид Унсет...

Героиня, юная Кристин, дочь Лавранса, находясь на воспитании в монастыре, встретив молодого рыцаря Эрланда, страстно полюбив его, согрешила. Сигрид Унсет, описывая муки чистой души девушки от «неисповеданного греха», пишет, что, защищаясь, Кристин «начала искать доказательства тому, что и другие люди не безгрешны», у нее «открылись уши для всех фальшивых ноток в стенах монастыря — дрызг, зависти, тщеславия». Но среди сестер была одна, особенная:

«Сестра Цецилия, дочь Борда, была не такой, как другие монахини. Она ходила тихая, с опущенными глазами, отвечала всегда ласково, смиренно; у всех была на посылках, охотнее всего исполняла самую черную работу, постилась гораздо больше, чем это предписывалось уставом, <...> и часами простаивала в церкви на коленях после всенощной или же приходила туда еще до утрени.

Но однажды вечером, проведя целый день у ручья за стиркой белья вместе с двумя белицами, она неожиданно горько разрыдалась за ужином. Бросилась на каменный пол, стала ползать на коленях среди сестер, била себя в грудь и с горящими щеками и горьким плачем умоляла их всех простить ее. Она, мол, худшая грешница из всех, все дни каменела она в гордыне — гордыня, а не смирение и благодарность к Иисусу за его искупительную смерть, поддерживала ее, когда она подвергалась искушениям в миру; она бежала сюда не потому, что любит хоть одну человеческую душу, а потому, что любит собственную гордость. Из гордыни служила она своим сестрам, тщеславие пила она с водою из своего кубка и себялюбие намазывала толстым слоем на сухой хлеб свой, когда сестры пили пиво и ели хлеб с маслом».

Пожалуй, первый раз так четко прозвучало слово: *гордыня*! Один из семи смертных грехов! Но продолжу цитирование:

«Изо всего этого Кристин поняла только одно, что в глубине души даже сестра Цецилия, дочь Борда, не была истинной праведницей. С незажженной сальной свечой, висящей под потолком и грязной от копоти и паутины, — вот с чем она сама сравнивала свое чуждое любви целомудрие!»

Мудрая настоятельница монастыря, подняв сестру Цецилию с колен и строго отчитав «за беспорядок», приказала перебраться из спальни сестер к ней, пока «не оправится от лихорадки». А затем...

«А затем ты, сестра Цецилия, будешь в течение месяца сидеть на моем месте; мы станем спрашивать твоих советов по духовным делам и оказывать тебе такую честь за богобоязненную жизнь, что ты пресытишься похвалами грешных людей. Таким образом, ты сможешь сама рассудить, стоит ли все это таких трудов и стараний; а потом выбирай, будешь ли ты жить по уставу так, как мы, или станешь продолжать подвиги, которых никто от тебя не требует».

«Лечение» подействовало. Когда «все прислуживали ей», она «все это время плакала, будто ее хлестали розгами. После этого она стала гораздо спокойнее и веселее».

Этот случай «пробудил в Кристин глубокую тоску и стремление к покою и примирению со всем тем, от чего, как ей казалось, она начинала чувствовать себя отрезанной».

Вспоминаю начало письма М. Цветаевой к А. Тесковой 17 марта 1929 года: «Я Вас люблю, зачем вы живете такой жизнью, есть обязательства и к собственной душе, — вспомните Толстого — который, конечно, подвижник, мученик дома (долга) — но который за этот подвиг *ответит. Вы правы кругом* — и Толстой был прав кругом — и вдруг мысль: грех — что! Грехи Бог простит, а подвиги?? Служил ли Толстой Богу, служа дому? Если Бог — труд, непосильное: да. Если Бог — радость, простая радость дыхания: *нет*. Толстой, везя на себе Софию Андреевну плюс все включенное, не дышал, а хрипел.

“Пора и о душе подумать”, глубокое слово, всегда противопоставляемое заботам любви, труду любви, семье. “Не вправе”. *Вы не* вправе, но Ваша душа — вправе, вправе — мало, то, что для вас — роскошь, для нее — необходимое условие существования. *Вы свою душу* губите. И, в ответ: “Кто душу положит за други своя!” И еще в ответ: “Оставь отца своего и мать, и иди за мной”. Я сейчас на краю какой-то правды».

Письмо написано до знакомства Марины Цветаевой с трилогией Сигрид Унсет.

Не мудрено, что она так близко приняла этот роман. Он наверняка помог ей, уже стоящей «на краю какой-то правды», ее найти. Другое дело, что была она обречена не принять этой правды целиком. — Мученик долга.

Интересно, что, работая во время чтения романа Унсет над статьей «Искусство при свете совести», Марина Цветаева, в частности, заметит:

«Душу отдать за други своя.

Только это в поэте и может осилить стихи».

«Гордыня, родина моя!»

Среди стихов Марины Цветаевой, датированных началом тридцатых годов, т. е. временем знакомства с романом С. Унсет, привлекает внимание непростой стих: «Родина» («О, неподатливый язык...», 12 мая

1932 г.). Иные исследователи приводят его как доказательство того, что Цветаева не слишком дорожила тем, что Россия — ее Родина. Казалось бы, последняя строфа дает к тому основание:

Ты! Сей руки своей лишусь, —
Хоть двух! Губами подпишусь
На плахе: распрь моих земля —
Гордыня, родина моя!

Да и предыдущие:

Но и с калужского холма
Мне открывалась она —
Даль, — тридевятая земля!
Чужбина, родина моя!

Даль, прирожденная, как боль,
Настолько родина и столь —
Рок, что повсюду, через всю
Даль — всю ее с собой несу!

Даль, отдалившая мне близь,
Даль, говорящая: «Вернись
Домой!»

Со всех — до горних звезд —
Меня снимающая мест!

Недаром, голубей воды,
Я далью обдавала лбы.

Внимательно вчитываюсь в первую строфу:

О неподатливый язык!
Чего бы попросту — мужик,
Пойми, певал и до меня:
«Россия, родина моя!»

Чую самоупрек: де, в сравнении с народною простотою автор, страдая усложненностью чувства, проигрывает. Упоминание «калужского холма», очевидно, связано с детством в Тарусе. «Тридевятая земля» — сказочный образ — наводит на мысль и о книжных истоках любви к «чужбине», «дали», «отдалившей близь». Упоминание «горних звезд», дали, что «голубей воды», поневоле рождает образ горной, озерно-речной, водопадно-ключевой северной «чужбины». Не Норвегии ли? И если вспомнить, что без малого месяц тому назад Цветаева получила долгожданную, вымечтанную книгу, то не столь уж неправдоподобным покажется предположение, что дух книги, дух Норвегии сказался в стихе. И дух героини — Кристин, дочери Лавранса.

Четко сказано: «Гордыня, родина моя». Чтобы понять, стоит вспомнить весну 1932 года в жизни Цветаевой.

С 31 марта по 7 апреля длился мучительный переезд на новую квартиру: из Мёдона в Кламар. «Причина переезда, — напишет она Тесковой, — невозможность платить прежнюю цену, наша новая квартира на 1200 фр<анков> в год дешевле, самая дешевая из всех виденных в Мёдоне и в Кламаре — на комнату (мою) меньше, и без ванной, словом, 2 ½ комнаты и кухня. Половина — то место, где мой стол и книги, но постель не вмещается, сплю в кухне, большой и светлой». Цветаева уже тоскует по Мёдону, где «в трех минутах был лес и в трех — вокзал», где «на десять домов девять старых», где «когда-то охотились короли». А «Кламар новый, плоский и скучный. С трамваем. С важными лавками. Может быть — *придется* полюбить, но...» Заканчивая, просит прощения «за бытовое письмо: что у кого болит...» (8 апреля 1932 г.).

Ах это «придется», это «но», эта безысходная боль!.. От постоянного унижения. Нищетою. А ведь — в постоянной круговерти дел. Изнурительного быта, своей работы: как раз в это время пишется самая большая и сложная статья, «бесконечная»: «Искусство при свете совести»; предпринимается, с целью заработка, поездка в Брюссель с докладом «Поэт и время» (12–18 марта). Но... «из поездки ничего не вышло: 250 бельг<ийских> франк<ов> вместо 500 франц<узских>, на которые рассчитывала и *вправе была рассчитывать*», — напишет М. Цветаева С. Андрониковой-Гальперн, рассказывая о катастрофическом положении, в котором очутилась семья в связи с переездом: «...необходимы две полных тысячи». «В доме голод и холод», без «чуда» «мы *настоящему* погибли. <...> Вообще тупик». Поистине вопль о помощи! (18 марта 1932 г.)

16 мая М. И. Цветаева напишет в письмах С. Н. Андрониковой-Гальперн и Г. П. Федотову о предстоящем 26 мая ее докладе «Искусство при свете совести». Андроникову-Гальперн попросит распространить 10 билетов: «...чем дороже, тем лучше, но не меньше 10 фр<анков> билет. Мы в самой черной нищете, живем вчетве-

ром на Алины еженедельные 40 фр<анков> (*figurines*), то есть — гибнем».

Как же уязвлены ее гордость, достоинство! Не гордыня, нет! Поистине ведь, *вправе рассчитывать* на иное! Но в стихе все-таки — «гордыня»! Почему?

Предположить недопонимание Цветаевой существенного различия этих слов, определяемых ими понятий, — нелепо, смешно. Давно сказано:

Гордость и робость — родные сестры,
Над колыбелью, дружные, встали...

Кстати, в некоторых публикациях: «розные сестры». Выяснить бы: а как в рукописи?..

В уже цитированном письме к Тесковой от 17 октября 1930 года, после слов о романе Унсет, о трудной жизни, где, в основном, о С. Эфроне («С<ергей> Я<ковлевич> без работы — Евразия кончилась, а ни на какой завод не примут, — да и речи быть не может о заводе, когда за 8 мес<яцев> прибавил всего 5 кило, из к<отор>ых уже сбавил два. Это больной человек. — Сейчас поступил на курсы кинематографической техники, по окончании которых сможет быть оператором»), М. Цветаева напишет: «Иногда я думаю, что такая жизнь, при моей непрестанной работе, все-таки — незаслуженна. Погубило меня — терпение, моя семижильная гордость, якобы всё могущая: и поднять, и сбросить, и нести, и *снести*».

Сказано также:

Есть некий час — как сброшенная кляжа:
Когда в себе гордыню укротим.

Многие страницы трилогии Унсет упоминают грех гордыни, муки, раскаяние Кристины в этом грехе. Чего стоит только повествование о паломничестве ее в храм в Нидаросе, самоупреки, жгучее покаяние! Неоднократно священники, сам епископ упоминают ее гордыню.

Мучительно страдает Кристина от недостатка веры, от необходимости быть сильной. Ведь ее муж «нетерпелив и порывист», часто поступает неразумно, ребячлив, беспечен, легкомыслен, «неизменно следовал любым своим побуждениям, не раздумывая долго над тем, что правильно или что неправильно»: «Она так устала сражаться и бороться со всем, что было вокруг нее и

в ее собственной душе». Ведь она рождает одного за другим семерых сыновей и не может не думать об их будущем! Она сражается с ним за него, «всякое унижение, которое он навлекал на себя, следуя каждой своей прихоти, поражало ее, словно удар бичом по телу, и наносило ей сочащуюся кровью рану». Но безмерно любя, «она предпочитала скорее сделать все, что считала дурным и греховным, чем потерять его». А он... «Если он и не всегда поступал хорошо по отношению к ней, то все же лучше, чем по отношению к самому себе». И он, увы, был тем, на кого «нельзя полагаться», хотя «умел поворачивать свою речь хорошо и умно, так что почти можно было поверить, что он теперь наконец после всех превратностей научился осторожности».

«Главное происшествие во втором романе трилогии, — подчеркивает Н. Рыкова, автор предисловия к книге, — происшествие, от которого зависел внешний поворот в жизни Кристин и ее семьи — неудачная политическая интрига Эрленда, сделавшая его государственным преступником, — нанесло удар благосостоянию Кристин и Эрленда, но, по существу, ничего не изменило в их внутренних отношениях: любовь-вражда между ними не утихла бы из-за того, что Эрленд стал бы вельможей при дворе нового короля, удайся ему его замысел».

Вот и сказано истинное: «любовь-вражда»! Борьба Кристин с «его легкомыслием, с его бесшабашностью, с его дворянским высокомерием и рыцарским авантюризмом», их любовь-вражда — «это безысходное столкновение двух существ, двух сильных, взаимно притягивающихся и взаимно отталкивающихся характеров, двух гордынь». В «трагической гибели Эрленда — повинны обе их гордыни, но для Сигрид Унсет и ее читателей за гордыней Кристин стоит человеческая правда, за гордыней Эрленда — обида и спесь мужчины и рыцаря, тоже отстаивающего свои права, но особые, спорные и враждебные подлинной правде».

Знакомство с романом Сигрид Унсет «Кристин, дочь Лавранса», кроме многого и многого, помогает глубже понять трагедию личной жизни Марины Цветаевой, роль в ней Сергея Эфрона.

Роман кончается гибелью Кристин, похоронившей Эрленда, растерявшей всех своих сыновей, но, живя в монастыре, она вступает «в борьбу с толпой обезумевших от отчаяния, одичавших и суеверных людей, намеревающихся принести мальчика» в жертву «богине смерти и чумы». «Из предсмертного подвига Кристин, дочери Лавранса, — пишет Н. Рыкова, — можно при желании вывести религиозную мораль: Кристин-де «положила душу за други своя» и самопожертвованием искупила свои грехи. Но гораздо убедительнее, существеннее и гораздо логичнее вытекает из повествования Сигрид Унсет, из характера и поведения ее героев, человеческий смысл того, что сделала Кристин: высшего самоутверждения ее гордая личность, ее героическое сознание достигают тогда, когда ради других людей она преодолевает ужас перед неизбежной мучительной смертью».

Несомненно, что прозвучавшая в романе справедливая оценка человека, без лести ему и без унижения его, привлекли М. Цветаеву. Да, человек «не всемогущ, он во многом зависит от сил и обстоятельств, недоступных его контролю, но с него не снимается никакая ответственность перед ним самим и перед другими, и за ним утверждаются великие возможности и большие права».

Вместо заключения

Марина Цветаева писала: «Выбирать: т. е. разборничать: вытыкать, как вилкой из блюда, — бездушное упражнение над живым, живодерство. Есть стихия со-чувствия: делать чужое *моим*, кровным. О, это оскорбление очень знакомо мне через стихи: я люблю в Вас то-то и не люблю в Вас того-то. И я (теперь уже) молча: «Ты ничего не любишь». Право выбора в себе я не даю, когда начинают — отстраняюсь, уношу с собою все блюдо, оставляю другого с пустой вилкой, как в немецких сказках или в детских снах».

Вот и чудится мне: сделав *своим*, кровным, заполоненная стихией сочувствия к героине трилогии Сигрид Унсет, почуяв много общего с нею, ее характером, судьбою, Марина Цветаева и употребила в стихе «Родина» слово *гордыня*. Может быть,

и с присущим ей вызовом: по праву неза-
служенного ею постоянного унижения!

Но главное: чую: стих явно связан с
переживаемым романом Унсет.

Что же касается отношения к России, то
не грех повторить: «Родина не есть услов-
ность территории, а непреложность памяти
и крови. Не быть в России, забыть Россию
может бояться лишь тот, кто Россию мыс-
лит вне себя. В ком она внутри, — тот по-
терять ее лишь вместе с жизнью». А еще:
«Я по стихам и всей душой своей — глубо-
ко русская, поэтому мне не страшно быть
вне России. Я Россию в себе ношу, в крови
своей...»

Чудится мне, что и два других стиха
М. Цветаевой, от 14 июня и сентября 1932 го-
да, навеяны, как-то связаны с романом
Сигрид Унсет. Читая первый, каждый, кто
знает роман, вспомнит последние страницы
страстной любви Кристин и Эрленда в доме,
высоко в горном лесу, как и всё, крытого
дерном с буйно растущими травами, куда
удалился гордец, посчитав себя оскорблен-
ным, и куда, ведомая любовью, пришла Кри-
стин и где зачала восьмого сына, ставшего
жертвой гордыни родителей...

Дом, с зеленою гущей:
Куш зеленою кровью...
Где покончила — пуще
Чем с собою: с любовью.

Ну а второй — «Закрыв глаза — раз
иначе нельзя...» — вызывает в памяти
последние, трагические страницы этой
«любви-вражды», закончившейся гибелью
Эрленда.

В первой черновой тетради Марины
Цветаевой встречаю запись: «Честь — вер-
тикаль. Совесть — горизонталь. Честь дана
только горным народам, как совесть —
только дольным. — Проверить». Запись
сделана в феврале 1922 года в Москве.
Афористичная, она все же вызывает со-
мнение у автора. Несомненно одно: мысль
о чести (очевидно, в первую очередь —
воинской) и совести, отличий горных
и дольных народов посетила Цветаеву.
И, похоже, не оставляла.

Но... Ощущая себя человеком гор,
быв им, Марина Цветаева писала (ровно
за год до гибели) В. А. Меркурьевой:
«У меня лета не было, но я не жалею,
единственное, что во мне есть русского,
это — совесть, и она не дала бы мне ра-
доваться воздуху, тишине, синеве, зная,
что, ни на секунду не забывая, что дру-
гой в эту же секунду задыхается в жаре
и камне».

Поистине: «всей душой своей — глубо-
ко русская»! А гор и в России хватает...

ЕЛЕНА ПЕТРЕНКО

(Одесса, Украина)

*Директор Одесского Дома-Музея имени Н. К. Рериха,
руководитель Общества Рериха, рериховед.*

МУЗЕЙ Н. К. РЕРИХА

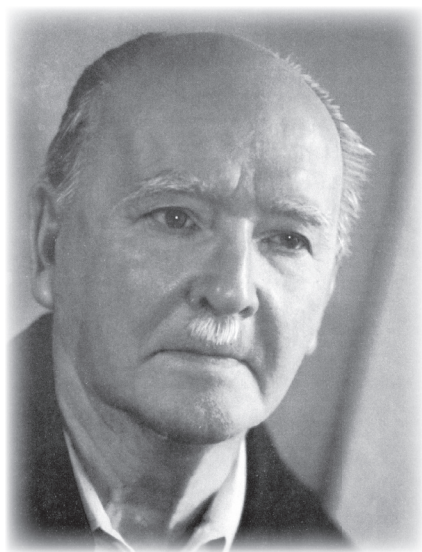
МАСТЕРА АКВАРЕЛИ: ВЕРА ЯСНОПОЛЬСКАЯ К 95-летию со дня рождения

В собрании Одесского дома-музея имени Н. К. Рериха находятся работы двух замечательных художников: знаменитого мастера акварели А. В. Фонвизина (1882—1973) и его ученицы В. А. Яснопольской (1916—1996). В апреле 2011 года исполняется 95 лет со дня рождения Веры Леонидовны Яснопольской — дочери академика Л. Н. Яснопольского, преподававшего в Киевском университете имени Т. Г. Шевченко. В доме постоянно звучала классическая музыка, академик Яснопольский прекрасно играл на фортепиано, а его супруга замечательно пела.

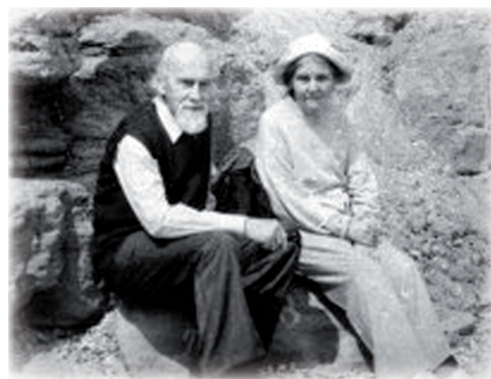
В Киеве прошли детские и юношеские годы будущей художницы, впитавшей атмосферу древнего города — колыбели Ки-

евской Руси. В 1931 году семья переехала в Москву, где В. А. Яснопольская в 1940 году окончила Архитектурный институт и начала работать в мастерской у А. В. Щусева, а затем у профессора М. П. Парусникова. Как архитектор принимала участие в проектировании застройки Минска, в восстановлении центра Волгограда и других объектов. В 1941 году Вера Леонидовна стала членом Союза архитекторов СССР, неоднократно участвовала в выставках союза, а в 1954 году ее работы были представлены на выставке архитектурного рисунка в Лондоне.

Писать акварелью Вера Леонидовна начала в детстве, продолжила в юности, а после встречи с А. В. Фонвизиным в 1950 го-

А. В. Фонвизин. Фотография

*В. А. Яснопольская
и Б. А. Смирнов-Русецкий.
Одесса. 1993. Фотография*

*В. А. Яснопольская.
Портрет Т. А. Яснопольской.
Бумага, акварель. 65 х 44.
Собрание ОДМ им. Н. К. Рериха*

*А. В. Фонвизин.
Портрет В. А. Яснопольской
в желтом платье. 50-е годы.
Бумага, акварель. 52,4 х 44.
Собрание ОДМ им. Н. К. Рериха*

ду увлечение перешло в серьезную работу под руководством мастера акварели. В детстве, в Коктебеле, где семья, как правило, проводила лето, маленькой Верочке поэт и художник Максимилиан Волошин подарил свою акварель, которую она бережно хранила всю жизнь. Овладение у Артура Фонвизина техникой мастерства акварели «по мокрому», которая оказалась близка Вере Яснопольской, помогла ей вырасти в художника, достойного своего учителя.

Цветы — основная тема творчества художницы, они для нее — символ красоты окружающего мира. В московской квартире В. А. Яснопольской в любое время года стояли цветы в вазах, в том числе и сухие. Цветы бережно сохранялись и являлись неиссякаемым источником для акварель-

ных композиций. Именно в акварельной технике художнице удавалось запечатлеть хрупкую и воздушно-мимолетную красоту волшебного мира цветов. Как и А. В. Фонвизин, Вера Леонидовна писала свои акварели радостно, озаренно, без остановок и исправлений — только «по мокрому»; так же мастерски управляла акварельными потоками, направляя их в нужное русло, и тем создавала динамично-живую форму красоты в созвучиях цветовых пятен. Писала Яснопольская и портреты, по-женски интуитивно проникая в сложный внутренний мир портретируемого. Для психологической характеристики образа она использовала тот красочный тон и те цветовые созвучия акварельных красок, которые присущи тонким внутренним излучениям

и звучаниям души. Так, акварельный портрет сестры, Татьяны Леонидовны, исполнен в фиолетовых тонах, созвучных ауре ее души.

В. А. Яснопольская участвовала во многих выставках, проходивших в Москве, Киеве, Крыму, Новосибирске, Одессе и других городах. Часто она выставялась со своим супругом — художником Б. А. Смирновым-Русецким, учеником Н. К. Рериха. Акварели художника находятся в музеях и частных собраниях Москвы, Киева, Нукуса, Вятки, Ярославля, Одессы. Русский

философ Е. И. Рерих в одном из писем отмечала: «Только искусство может отразить мечту о счастье. Но искусство это надо научиться создавать в жизни... Как увлекательно творить красивую жизнь даже в обычном обиходе». Эти слова наиболее близки внутреннему строю художницы В. А. Яснопольской, творившей «красивую жизнь даже в обычном обиходе».

*Елена Петренко,
директор Одесского дома-музея
имени Н. К. Рериха*

*Фрагмент экспозиции акварелей А. В. Фонвизина и
В. А. Яснопольской в ОДМ им. Н. К. Рериха*

СЕМЕН ВАЙНБЛАТ

(г. Одесса, Украина)

Родился в Одессе. Окончил филфак ОГУ им. И. И. Мечникова. Работал редактором Одесского издательства «Маяк». Автор поэтических сборников «Творчество», «Еврейский дом», «Предсказание». Член национального союза журналистов Украины. Член Клуба русских писателей Нью-Йорка (США). Дипломант Международного фестиваля «Лев музыкальный» (Львов, 2007). Председатель городского Клуба эсперанто «Белая акация» Руководитель литературной студии «Откровение». Главный редактор газеты «Доброе дело».

КРАСОТА

Прошу лишь об одном: — не говори!
Нельзя впустую рассуждать о вечном.
Нельзя быть равнодушным и беспечным.
И идолов нельзя боготворить!

Легко сказать: «За красоту умри!»
Она всегда чиста и безупречна,
В различных проявлениях бесконечна,
Во всем она царила и царит.

Стремленье к красоте в сердцах живет,
Она — основа мироощущений.
Вот почему прекрасен птиц полет,
Сиянье звезд и аромат сирени...

Чтоб не вспугнуть красу под небесами,
Не надо воздух сотрясать словами.

2.

Не надо воздух сотрясать словами,
Хвалить взалхлеб любое полотно
И пить без меры терпкое вино,
Закусывая сыром и салами.

Конечно, все стирается с годами,
Но позабыть прекрасное грешно.
Посредственных картин везде полно.
Шедевры же содержат под замками.

И только очень чистою рукой
Мы можем прикоснуться к совершенству,
И, ощутив глоток воды живой,
Почувствовать желанное блаженство.

Прекрасное не оценить деньгами,
Картины о себе расскажут сами.

3.

Картины о себе расскажут сами.
Ты, отступив на три шага, взглядишь:
В них многогранно отразилась жизнь
С ее зарей и звездными ночами.

Как рады мы общению с цветами,
Что наши души устремляют ввысь.
Но если чуть поднялся — улыбнись,
Оставив скептицизм свой за дверями.

Когда от счастья распирает грудь,
И плыть ты не желаешь по теченью,
Когда есть шанс в грядущее взглянуть,
И нет желанья задержать мгновенье,

Припомни, что приходит свет из мглы.
Ты только будь готов принять дары.

4.

Ты только будь готов принять дары.
Их для тебя сумел создать художник.
Но знай, что если ценности ничтожны,
За них никто не всходит на костры!

Когда же ощущения остры,
Отличить ложь от истины не сложно,
Но охватить бескрайность невозможно.
Мы видим только верхние пласты.

Картины — это тоже вид пророчеств.
Тот, кто в пути, осилит тяжесть бед.
А живописец и во мраке ночи
Провидеть может суть грядущих лет.

Но творчества не испытай порыв,
Нельзя взойти на самый верх горы.

5.

Нельзя взойти на самый верх горы,
Коль ты прирос спиной своей к дивану,
Иль в мастерскуюходишь в доску пьяным,
Не чувствуя, что впереди обрыв.

Как жаль, когда за срывом новый срыв,
А мозг окутан пеленой туманной,
Заблудишься тогда ты в трех платанах,
Вершины ни одной не покорив.

На свете много искушений разных.
Их яркий блеск чарует и манит.
И если в жизнь врываются соблазны,
Их от себя, как злых собак, гони.

Нет, в гору не подняться с рюкзаками,
Коль нет опоры прочной под ногами.

6.

Коль нет опоры прочной под ногами,
Весьма непросто сделать даже шаг,
И невозможно одолеть свой страх,
Когда идешь с закрытыми глазами.

Не сыщешь птицы счастья за морями,
И урожай не вырастишь в полях...
И, без сомненья, ты потерпишь крах,
Забыв, что день благословен трудами.

О сколько можно сделать славных дел!
Для этого лишь нужно не лениться,
Припомнить, что свершить ты не успел. —
Мечты в делах должны осуществиться.

Чтоб ты увидел то, что за горами, —
Художник раздвигает мир холстами.

7.

Художник раздвигает мир холстами,
Чтоб ты сумел расширить кругозор,
Чтоб чаще этот мир ласкал твой взор
Рассветом иль закатными часами.

Вглядись в него влюбленными глазами —
И ты увидишь солнце, косогор,
Табун коней, что мчит во весь опор,
И раду, нависшую над нами.

Ты думаешь: да это все известно...
И восклицаешь: «В чем тут новизна?»
Но ты взгляни — табун летит, как песня!
А ты об этом только что узнал.

С тобой сейчас художник говорит
И открывает новые миры.

8.

И открывает новые миры
Тот, кто умеет жизнью наслаждаться,
И вовсе не желает просыпаться
Среди фольги и прочей мишуры.

А может, стоит чудаком прослыть:
Мечтать зимой о запахе акаций,
Не забывая над собой смеяться...
Ведь чудаки — грядущего послы.

Поэт, художник, скульптор, композитор
Не смеет равнодушием быть сыт,
Но должен он просеивать сквозь сито,
Что чтит пошляк, что обыватель чтит.

Духовности бессмертные творенья
Обязан он спасти от разрушенья.

9.

Обязан он спасти от разрушенья
Великие творения людей,
Которые, дожив до наших дней,
Не тронуты ни ржавчиной, ни тленем.

Необходимы опыт и умение,
Чтоб мужеством и мудростью своей
Сберечь в кричащей темноте ночей
Все то, что вызывает восхищенье.

Чтоб не смела схоластика лиричность,
Чтоб не ушло прекрасное со сцен,
Я так хочу, чтоб появилась личность —
Предвестник новых важных перемен.

Чтоб мог он защитить, вступая в бой,
Все то, что создал разум мировой.

10.

Все то, что создал разум мировой,—
Извечное наследие народа.
Над ним не властна ветреная мода,
Но все ж победы празднует порой.

Земля своей пленяет красотой.
И люди от восхода до захода
Любуются величием природы,
Хотя бушует рядом мир другой,

Где создают художники-поэты
Красу земную на своих холстах
И воплощают творчества секреты
В скульптурах, зданьях, песнях и стихах.

Поэт — глашатай, вестник возрожденья!
Вот смысл его душевного стремленья.

11.

Вот смысл его душевного стремленья:
Узнать, зачем он в этот мир пришел,
Ведь был он мал, беспомощен и гол,
Не знал, где ложь, где правда,
в чем сомненье.

Но он мужал во взлетах и паденьях,
Где было все: закон и произвол,
Единство душ, предательский раскол,
Любовь и кровь, объятие и презренье.

Так что же делать? Обо всем забыть?
Когда в душе и боль, и сострадание,
Нельзя безвольно по течению плыть.
Цель жизни — жить в любви и созиданье,

За чистоту души стоять стеной,
Всегда и всюду быть самим собой.

12.

Всегда и всюду быть самим собой.
Такую жизнь не назовешь уютной.
«Ты лжец!», — в лицо лжецу сказать
прилюдно —
Так поступить посмеет не любой.

А если друг или знакомый твой
Ведет себя развязно и беспутно, —
Сказать ему об этом ох как трудно,
Но лучше ты, чем кто-нибудь другой.

Тебя предаст любой с повадкой лисьей,
Когда отступишь ты хотя б на пядь.
Перед свиньей метать не надо бисер
И на подонка добрых слов не трать.

Собою будь в каком бы ни был чине.
К чему слова о жизненной рутине?

13.

К чему слова о жизненной рутине?
 Попробуй над собой подняться сам.
 Одежду фальши сбрось к своим ногам,
 И отнесись к грехам, как к мертвечине.

Не путайся в словесной паутине,
Не забывай: твоя душа — твой храм.
В нем места нет бессмысленным словам!
Поддашься им — и скроешься в пучине.

Ну сколько можно каждый день грешить,
Потом бить в грудь себя, просить
                                                прощенья,
И Бога в искушение вводить?
Он тоже может потерять терпенье.

«Прекрасен мир!» — девиз не для
разини.
Впитай в себя тот мир, что на картине.

14.

Впитай в себя тот мир, что на картине.
Земная в нем раскрылась красота.
Она, как свет, не меркнет никогда.
Она жива в сердцах людей донине.

Ты можешь жить в горах или долине —
Но пронеси ее через года.
Искусство — это тяжкий плод труда.
Как джина, не держи его в кувшине.

Лишь осознание красоты спасет
Наш дивный мир, — воскликнул как-то
Рерих.

И эта мысль — грядущего оплот.
Не закрывай ты перед нею двери.

Когда перед тобой весь мир открыт,
Прошу лишь об одном — не говори!

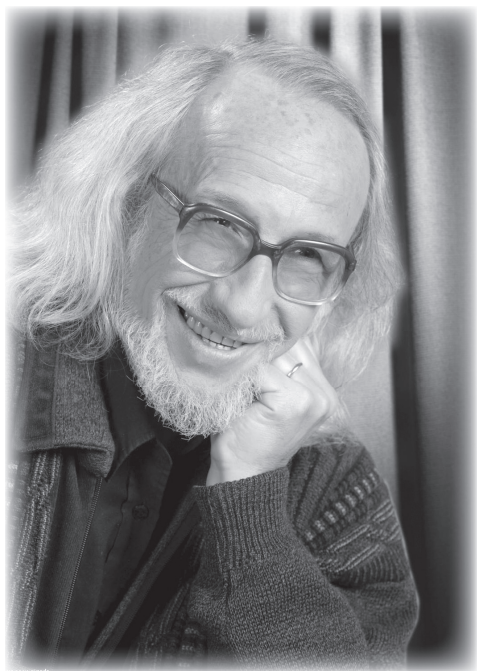
15.

Прошу лишь об одном — не говори!
Не надо воздух сотрясать словами,
Картины о себе расскажут сами.
Ты только будь готов принять дары,

Нельзя взойти на самый верх горы,
Коль нет опоры прочной под ногами,
Художник раздвигает мир холстами,
И открывает новые миры.

Обязан он спасти от разрушенья
Все то, что создал разум мировой,
Вот смысл его душевного стремленья —
Всегда и всюду быть самим собой.

К чему слова о жизненной рутине?
Впитай в себя тот мир, что на картине.

ЕВГЕНИЙ ЖЕНИН

(г. Одесса, Украина)

Председатель жюри киноконкурса Международного Гриновского фестиваля «Алые паруса», искусствовед, член Международной гильдии кинокритиков и Национальных союзов Украины — журналистов, кинематографистов и театральных деятелей Украины.

Награды:

Почетный знак ЦК профсоюза работников культуры СССР (1983)

Почесна відзнака Голови Одеської облдержадміністрації (2003)

Почетный диплом Одесского горисполкома (2008)

Диплом отличия Национального союза кинематографистов Украины (2009)

Почетное звание «Одессит года» (США, 2006)

Звание «Почетный член Берлинского интерклуба «Дом Дерибаса» (Германия, 2008).

МАЙОР ОЛЕГ, или СУДЬБА РЕЗИДЕНТА-2005

Неожиданное расследование

Олегу К.

Честно и откровенно: не люблю телесериалов. И, как правило, их не смотрю. Но вот жена в который уже раз восхищённо отзывается об одной из ежевечерних телепремьер. А следом и давний друг — более чем искушённый в настоящем искусстве и отмеченный званием Народного артиста страны человек — признаётся, что не в силах оторваться от этой же ленты. И, волей-неволей, пусть и скрепя сердце, начинаю смотреть очередную серию. И тут открывается кое-что весьма и весьма любопытное...

1. ДЕЖА ВЮ, что в переводе означает — «уже было».

На экране некто Вадим, в форме полковника советских спецслужб и с Золотой звездой Героя Советского Союза на груди, после долгой разлуки приезжает к отцу-академику, дабы сообщить, что на несколько лет вновь покидает и его, и родную страну. Такая уж судьба у разведчика.

А всё происходящее на экране, заметьте, имеет место быть на фоне лихо закрученной интриги, начинавшейся в эпоху войны в Афганистане и круто переломавшей судьбу

другого героя, по фамилии Сарматов. Да и называется весь этот телесериал режиссёра Игоря Талпы — «Сармат».

Между тем, многие события и эпизоды картины вспоминаются автору этих строк буквально так, будто лишь вчера о них читал или слышал. Причём, то и дело я ловлю себя на ощущении того, что знаю, чему быть в следующем кадре. И — не ошибаюсь! Ну, впрямь: знакомо и памятно едва ли не всё, до деталей и отдельных реплик.

Ах, вот оно что... Полтора десятка лет назад*, когда начинало рассыпаться госу-

* Эта история написана в 2005 году

дарство, в котором родились ныне совершеннолетние граждане Украины, вашему покорному слуге с оказией передали для знакомства очередной киносценарий и предложили поработать редактором в процессе создания телефильма по нему. В сюжете эффектно и темпераментно прописаны были приключения спецгруппы, которая выполняла особое задание в Афганистане. Группу практически полностью уничтожили душманы, и не в последнюю очередь — в результате предательства со стороны высокопоставленных собственных же командиров. А не допускавший и мысли о личной капитуляции офицер-руководитель группы оказался неожиданно «связан одной цепью» со вчерашним заклятым противником-американцем. И дальше их уже совместный путь пролегал в Пакистан. А о том, насколько случайно и с каким опозданием узнали герои об окончании войны и о выводе «ограниченного контингента» советских войск с афганской земли — и вовсе, по замыслу авторов, должна была повествовать отдельная серия...

Сценарий оказался очень крепким — с профессиональной точки зрения, строился по жёстким и апробированным канонам голливудского боевика и, как подсказывало мне кинематографическое чутьё, будущий фильм вполне мог бы стать конкурентоспособным даже в сравнении с легендарными «17 мгновениями весны». Тем более, что речь-то шла о событиях, по тем временам, совсем недавних, и имена многих действующих лиц были ещё очень «на слуху». К тому же, кое-кто из отнюдь не вызывавших симпатии персонажей, были выведены под собственными фамилиями и должностями, и должности свои громкие в реальной жизни они по-прежнему продолжали занимать.

— Не опасаясь, что тебя не погладят по головке за такую откровенность? — спросил я тогда у автора предложенного сценария, только-только сменившего многолетнюю кадровую деятельность в спецслужбе на амплу бизнесмена.

— Боялся бы — не работал бы в прежней своей конторе! — пожал он плечами. — Да и, насколько я в курсе, никого из ныне действующих по прямому профилю наших ребят я не засвечиваю. Так что совесть у

меня чиста. А что до генералов, которые каждого из наших продадут, купят и ещё не один раз перепродадут ни за понюшку табаку — так ну их...

...И дальше, как нетрудно догадаться, последовало словосочетание не совсем литературное.

Разговор наш проходил в Москве, за полтора часа до отхода фешенебельного речного лайнера в кинофестивальный круиз, в присутствии известного режиссёра и в его же лице — едва ли не первого и самого крупного в отечественном кинематографе продюсера. Именно он-то, собираясь продюсировать и ставить эту картину, и был инициатором нашей встречи со сценаристом. Как раз во время предстоящего фестиваля и предполагалось решить все предварительные вопросы доводки сценария, а уж по возвращении в Москву — непосредственно заняться производством фильма.

Ну, что же: мы ударили по рукам и даже отметили этот факт очень хорошим коньяком в крохотных рюмках. Только вот как-то за время фестиваля всё не получалось заняться намеченными «мелочами»: то одно мешало, то другое, то третье отвлекало.

И вернулись мы в Москву с твёрдым намерением уж теперь-то ничего не откладывать в долгий ящик, а приступить к делам немедленно.

Но... Произошла трагедия в жизни режиссёра, чья красавица-супруга, популярнейшая актриса и редкостной души женщина, погибла при родах близнецов.

Потом случилось ГКЧП и всё, что этому сопутствовало в конце лета и осенью 1991 года.

Дальше оказалось, что всем вокруг отнюдь не до кино.

Когда о кино вспомнили — сценарист был уже за границей, во Франции, и суммы оборота в его головокружительном, по темпам и размерам, бизнесе измерялись такими цифрами, что даже сама по себе мысль об отвлечении ради чего-либо иного оказывалась уже несурасной.

Минуло ещё полгода. Год. Новые заботы, текущие проблемы... — ну, кому не знакомо это состояние, когда столь недавно казавшееся срочным и беспроегрышным дело произвольно и незаметно уходит

на второй план, а там и вовсе исчезает из «оперативной памяти»...

На экраны же мало-помалу начинали выходить, а там и вовсе обрушились ниагарским водопадом потоки фильмов о мафии и коррупции, о «художествах» членов политбюро ЦК КПСС, их домочадцев и холоуев, о золоте партии и «пропавшем» советском сверхоружии, об афганской (и не только афганской!) правде.

На горизонте маячил миллениум.

И вот за окном уже XXI век.

Осенью 2005 года зрители не отрываясь смотрят сериал «Сармат». И в очередной серии, если вы ещё не успели забыть того, с чего начинали мы свою историю, некто Вадим, в форме полковника советских спецслужб и с Золотой звездой Героя Советского Союза на груди, после долгой разлуки приезжает к отцу-академику, дабы сообщить, что на несколько лет вновь покидает и его, и родную страну. Такая, значит, судьба у разведчика.

А мне вдруг прорезает слух одна-единственная фраза давнишнего собеседника-сценариста, ушедшего из спецслужб в бизнес: *«Никого из ныне действующих по прямому профилю наших ребят я не засвечиваю»*.

Он в своём сценарии и в самом деле никого не засвечивал. По крайней мере, из тех, самых «ныне действующих по прямому профилю», кого упоминали мы в давнишнем разговоре на причале Северного речного вокзала Москвы. А упоминали мы с ним тогда тех, с кем — так уж вышло! — автора этих строк сводили многолетне-киношные пути-дороги, а мой собеседник был «в курсе дела» на сей счёт уже хотя бы по роду своей предыдущей работы.

Нынче же, в октябре 2005-го, при всей схожести, а моментами — и просто-таки при однозначном и стопроцентном совпадении «Сармата» с пятнадцатилетней давности сценарием, всё же кое-что в свежей телепремьере заставляло подумать, что на сей раз такая «засветка» состоялась. И «засветка» — нешуточная, по полной программе.

Кроме того, многое из только что сказанного, имело самое прямое отношение к Одессе и одесситам. Даже невзирая на то, что экранный герой по имени Вадим

носил полковничьи погоны, и отец его был представлен как академик, а у реально вероятного прототипа-одессита (никакого не Вадима!) и воинское звание было несколько иное, и отец — «всего-навсего» профессор.

Ах, да: того самого, реально вероятного, по моим ощущениям, прототипа-одессита звали Олегом...

2. БУНГАЛО В КАРАКУМАХ

В первой половине восьмидесятых годов съёмочная группа Одесской киностудии отправлялась в экспедицию за тридевять земель. По заказу Центрального телевидения шла работа над экранизацией повести «Двое в песках» тогдашнего главного редактора журнала «Новый мир» — Героя Советского Союза Владимира Карпова. Место действия было указано автором чётко и недвусмысленно: пустыня Каракумы. И в самолёте по пути в Туркменистан только и разговоров было у нас о том, что, если повезёт, то и на верблюде покататься удастся, и миражи настоящие увидеть, и даже осетринкой полакомиться — ну, недаром же говорят, что, вроде, в тамошних краях эта деликатесная рыбка попадается чаще, нежели на нашем Привозе, да и по несравнимо более доступным ценам.

Забегая вперёд, констатируем: и на верблюдах катались, и миражи видели, и от бесконечной осетрины на завтраки, обеды и ужины, простите, уже тошнить начинало.

Но всё это — потом. А пока что съёмки предстояли в натуральных барханах. Именно здесь, согласно сценарию, и должны были «потеряться» два солдата во время военных учений, что, собственно, и составляло главную коллизию повести прозаика Владимира Карпова и фильма режиссера Вадима Лысенко.

Однако же, как прикажете снимать крупные учения в полутораста километрах от ближайшего населённого пункта, хоть и на берегу тёплого Каспия, но всё же в закрытой, по стратегическим соображениям, зоне — аккуратно на беспокойной, по тем временам, границе с Ираном?!

Кураторы фильма из Генштаба Вооруженных Сил СССР в преддверии съёмок обещали золотые горы и армаду современной боевой техники. На поверку же кинематографистам были представлены притабанные на платформах два разбитых ГАЗ-66, нечто вроде отжившей своё полевой кухни и один БТР. И — всё! Ну, а личным присутствием московских генералов, столь щедрых на устные гарантии, здесь уже, как говорится, и близко не пахло.

Участники киноэкспедиции, прибывшие для интенсивной работы — несколько десятков специалистов творческого и производственного профиля, плюс актёры — благоразумно помалкивали в ожидании руководящих решений. А те, от кого эти решения зависели — опытейшие зубры кинематографа режиссёр Вадим Лысенко и оператор Леонид Бурлака — лихорадочно думали, что же делать.

— Хотя бы один вертолётик сюда, что ли — я бы его покрутил в кадре... — проворчал Бурлака, незадолго до того снявший в качестве главного оператора «Место встречи изменить нельзя». — А так... Чёрт его знает, как тут армию изображать...

И внезапно сзади раздался голос:

— Ну, вертолёт придётся около часа подождать...

Вот те раз! Только слуховых галлюцинаций в первый же день экспедиции нам и не хватало!

Но то была не галлюцинация. Невесть откуда взявшийся, за спинами режиссёра и оператора беззаботно лускал семечки человек в спортивных брюках и наброшенном на крепкий торс кителе с майорскими погонами. Возраст незнакомца визуальному определению не подлежал: с равным успехом ему могло быть и 40, и 50, и все 60. Напрочь непредсказуемой была и внешность «майора»: то ли он — азербайджанец, то ли — украинец, то ли — идеально владеющий русским языком итальянец. И уж совсем необъяснимо было то, что рядом с ним, прямо на песке стояла... автомашина, о принадлежности которой к военной автоинспекции свидетельствовала надпись «ВАИ» на дверце.

— Час ждать? Какого вертолёта? Откуда же его взять?! — Вадим Григорьевич Лысенко снял очки и стал беспрерывно их

протирасть, не в силах поверить в происходящее.

«Майор» улыбнулся, как ни в чём не бывало:

— Ладно. Тогда ждите!

Он отошёл к машине, нагнулся к приборному щитку и что-то негромко сказал. После чего подтвердил:

— В течение часа будут вертолёты. До вечера сумеете снять, ладно? А дальше, если что понадобится — там видно будет.

Минут через сорок все в киногруппе услышали характерный звук «вертушек». И уж совсем скоро на бархан приземлились четыре военных вертолёта с пустыми кассетницами под ракеты.

Так начинались наши съёмки в пустыне.

Распираемый чувствами и растерявшийся от невозможности «адекватно отреагировать», Вадим Лысенко спросил:

— Дня через два наш директор будет ехать в Красноводск, в обком партии. Вы хоть скажите, как вас зовут, кого ему благодарить-то?

«Майор» протянул руку:

— Олег. А благодарить не надо. И, кстати, если вам секретарь обкома партии нужен — нечего в Красноводск добираться. Я вам его сюда доставлю. Только уже не сегодня. Завтра удобно?

На следующий день партийный бонза был у нас в барханах. Лично явился — не запыхавшись.

А вертолёты появлялись уже регулярно. И, кстати, необходимую по сюжету песчаные бури нам тоже организовали вертолётчики — они зависали на малой высоте и устраивали такое светопреставление с использованием винтов на полную мощность, что мало не казалось никому.

Буквально шутя Олег решал многие организационные и административные вопросы киногруппы, на которые без него требовались бы масса сил и времени.

Посреди барханов располагалось его фешенебельное бунгало. Там он демонстрировал нам невиданную на тот момент диковинку — видеофильмы. Угощал многочисленных в киноэкспедиции женщин какими-то изысканными ликёрами, а всех подряд, без различия пола — хорошими и недоступными в обычной жизни вообще,

а в пустыне — тем более, американскими сигаретами.

Когда мне предстояло лететь по делам актёров на «Мосфильм», я пошёл к нему за справкой: не знает ли он расписания рейсов Красноводск-Москва. Заодно спросил его отчество: ну, неудобно же обращаться только по имени!

— Женя, я просто Олег. К тому же, я моложе тебя на пять лет. Так что без церемоний. А что до рейсов... Их по четыре ежедневно, а тебе лучше всего лететь в 19.40. Разницу во времени учитывай! Как раз к вечеру будешь в Москве, отдохнёшь, а с утра займёшься делами.

— Значит, с рассвета мне отсюда выбираться, на Котур-Дэпе, там — до Небит-Дага, чтобы в Красноводск успеть к вечеру... — стал прикидывать я.

— Не беспокойся. Тебя вертолётчики на лётное поле в Красноводск доставят меньше чем за час. Прямо к трапу твоего борта. И... Моим домашним посылочку передашь, ладно? Их телефон я тебе дам — на всякий случай, но тебя встретят в Домодедове. Запомни номер машины: 01-09, водитель Виктор.

В Москве мой ТУ-154 приземлился в жутчайший ливень и глубокой ночью — из-за задержки по техническим причинам в Красноводске. Ясно, что среди ночи выбраться в город я уже и не мечтал, Да и никак не улыбалась мне перспектива под проливным дождём тщетно искать с гуще машин на открытой автостоянке метрах в ста — ту сапмую, что с нужным номером..

Вышел под козырёк огромного зала прибытия перекурить — и прямо перед собственным носом, под огромным знаком «Стоянка запрещена», увидел встречавшую кого-то одинокую правительственную «Чайку». Машинально скосил глаза на передний бампер — и удивился: 01-09 МОС. Госномер спецсерии ЦК КПСС.

— Здравствуйте, Евгений. Я — Виктор! — не ожидая вопросов, представился открывший дверцу водитель. — Можем ехать?

Назавтра я позвонил по телефону, который мне дал Олег. На другом конце провода мужской голос подтвердил, что Виктор доставил всё переданное «в лучшем виде». А меня настойчиво зазывали в гости:

— Мы же с вами земляки, Евгений! Да и живём мы в десяти минутах от «Мосфильма». А Танечка наша так вкусно шейку фарширует — вы сами сможете оценить! Или вам машина нужна — так вы скажите, Виктор вас в лицо ведь знает... Словом, освободитесь от дел — милости просим к нам!

К репликам о земляках и о фаршированной шейке, равно и к фразе, характерно начинавшейся со слова «или», остаётся добавить, что даже по телефону внятно слышался специфический одесский акцент в голосе моего собеседника. Собеседником этим был отец Олега...

3. «ФОРД» ИЗ ОДЕССЫ

Официальная сдача телефильма «Двое в песках» Центральному телевидению в Останкине прошла, вроде бы, успешно. Замечаний по ходу просмотра, как это нередко случается в подобных случаях, не звучало. Вот разве что непривычно-выжидательно вели себя руководители Гостелерадио СССР, явно уступая человеку лет шестидесяти в штатском, невысокого роста и очень плотного сложения, пальму первенства в итоговой оценке фильма. Да и многочисленная его свита суетилась, точно пыталась предугадать каждое желание шефа.

А сам мужчина не обращал на свиту ни малейшего внимания и, то и дело привычно поглаживая наголо бритую голову, непринуждённо и живо интересовался: как мы снимали тот или иной эпизод, довольны ли остались кинематографисты солдатами, приставленными в качестве obsługi к киногруппе во время съёмок в Каракумах... И вдруг — спросил «в лоб»:

— Ну, а *наших* людей там не встречали?

Именно так, особо педалировал он слово «наших». А начёт того, кого именно имел он в виду, сомневаться не приходилось: ведь перед началом просмотра нам шепнули, что в зале будет присутствовать лично начальник Главного Разведывательного Управления СССР, генерал армии Г-ов.

Собственно, жаловаться на дефицит общения с военачальниками в самых высоких

званиях и рангах за время работы над лентой «Двое в песках» нам было бы грешно. На разных этапах и по разным поводам только автор этих строк, в частности, встречался и с Начальником ГлавПУРа СССР — генералом армии Епишевым, и с его первым заместителем, ставшим вскоре «живой легендой» перестроечного времени — генерал-полковником Волкогоновым. А было и так, что непосредственно патронировавший производство картины генерал армии Стрельцов прибыл к нам на инспекцию в барханы... с несколькими кочанами капусты и парой авосек картошки. Видимо, ему успели доложить, что одесские киношники буквально изнемогали от бесконечной осетрины изо дня в день в течение трёх месяцев подряд, вот и решил военачальник осчастливить нас той снедью, что уже воспринималась киногоруппой как недоступные деликатесы.

Впрочем, единственным, кто в тот день не растерялся, увидев командующего округом с капустой и картошкой в руках, — был Олег. В неизменных своих «адидасовских» шароварах и в майорском кителе на голый торс он обнялся с высоким гостем, как добрый знакомый — и они пошли негромко обсуждать что-то своё, не подвластное, видно, законам субординации. В свою очередь, и мы уже не дивились этому безусловному нарушению воинской иерархии: каждому было ясно, что Олег — такой же «майор», как любой из нас — Папа Римский.

Однако же, вернёмся к вопросу начальника ГРУ в Останкине:

— Ну, а *наших* людей там не встречали?

Директор съёмочной группы Юрий Каминский и режиссёр-постановщик Вадим Лысенко молча переглянулись.

— Вы об Олеге? — спросил я генерала.

— Чудесный он парень, правда же? — расплылся в улыбке начальник крупнейшей спецслужбы страны. И по слогам подчеркнул:

— Чу-дес-ный! Стопроцентно *наш* кадр!

Итак, официальное подтверждение того, кем был неожиданный каракумский благодетель кинематографистов, состоялось.

А на следующее утро я бродил по Ленинским горам с Таней, женой Олега, с

которой был знаком ещё с того самого дня, когда я нанёс-таки визит отцу Олега и ей. (И впрямь: обещанную мне по телефону отцом Олега фаршированную шейку Таня готовила отменно! Обнаружили мы с Татьяной и общую приятельницу — Марину Майко, жену Димы Харатьяна). Таня говорила, что после отъезда из Одессы отец Олега, профессор, возглавил одно из спецуправлений МИДа СССР и быстро адаптировался в Москве. А вот сама она по-прежнему «спит и видит» пляж на десятой станции Большого Фонтана, где ещё девчонкой проводила лето за летом. Поделилась новостью: Олег вскоре может приехать на две-три недели в Москву, навестить семью.

— А где он сейчас? — спросил я.

— В Центральной Европе... — сказала она. И не понять было: то ли она сама не знает более точно, то ли не велено ей «раскрывать государственную тайну». А Таня, словно для самоуспокоения, добавила:

— Собственно, к Европам ему не привыкать...

Гораздо позже я узнал, что речь в тот день шла о Германии.

О том, что в числе прежних служебных плацдармов её супруга была Скандинавия, я уже знал. Знал и о том, что особую миссию выполнял он во время военного конфликта Англии и Аргентины на Мальвинах: в каракумском его бунгало об этом свидетельствовала уйма фотографий. Знал я, что были у Олега *дела* в Колумбии. И что московское начальство именно в его колумбийской «командировке» не разрешило ему осуществить одну шальную, ещё с юности, мечту.

Убеждён: это неправда, что у разведчиков заведомо не может быть пристрастий и увлечений. У любого человека есть слабости. Даже Штирлиц — и тот 23 февраля не в силах был отказать себе в печёной картошке под невразумительное мурлыканье старой русской песни.

У Олега была своя страсть: автомашины. Издавна хотелось ему, чтобы любимая женщина ездила на чёрном «Форде». И вот чёрный «Форд» ему подарили. Но забирать его с собой Центр запретил.

Зато спустя годы, скрываясь от жары и пыли под кондиционером в гостиничном номере далёкого среднеазиатского городка,

я услышал телефонный звонок. В трубке звучал голос Олега:

— Я за тобой заскочу, поедem туда, где нет ни жары, ни пыли. Жди сигнала!

Через четверть часа прямо под окном у меня раздался... матчиш. Да-да, тот самый старинный автомобильный клаксон, что буквально сводил с ума одесских девчонок на заре туманной юности наших прабабушек.

Я вышел на улицу. У гостиничного подъезда стоял чёрный «Форд».

— Глянь-ка на номер! — кивнул мне Олег через открытую дверцу.

Номерной знак привёл меня в изумление: 01-09 ОЕЕ.

— У тебя — что, везде, во всех городах машины под номером 01-09? — сразу вспомнилась мне «Чайка» под дождём в Домодедове.

— Увы, не везде удаётся одесские номера вешать, — усмехнулся он.

— А начальник одесского ГАИ об этой машине знает? — наивно поинтересовался я.

— Да зачем это ему, мы же с ним по разным ведомствам служим! — пожал плечами Олег. — Ладно, поехали. У меня пару часов свободных есть.

И мы отправились на соляное озеро, что впору назвать десятым чудом света, если только к семи общеизвестным добавить, в качестве восьмого, нашу с Олегом родную Одессу, а в качестве девятого — самого Олега.

На обратном пути я кое-что узнал об афганской одиссее Олега. Это и вовсе особая история, детали, связки и поворотные моменты которой стали мне известны, однако, совсем даже не от него самого, а от московского сценариста несостоявшегося фильма много лет спустя. История, почти тютелька-в-тютельку та, что воспроизведена в телесериале «Сармат», но... с точностью до наоборот, если судить с позиций общечеловеческой морали и порядочности. Не хочу спорить с талантливыми и высокопрофессиональными авторами «Сармата» — прозаиком Александром Звягинцевым и режиссёром Игорем Талпой. В конце концов, ни имени Олега, ни, тем более, его фамилии они не называли с экрана. И, безусловно, име-

ли они, авторы, стопроцентное право на создание телесериала в той сюжетной спирали и в том ракурсе, что привлекли к их детищу благодарное зрительское внимание.

Между тем, как раз того сюжетного отвлечения, что связано с Олегом и выведено в «Сармате» для персонажа по имени Вадим, — в том, старом московском сценарии, не было. Очевидно, к этому и относились ставшие поистине ключевыми слова сценариста, ушедшего из отечественной спецслужбы во французский бизнес:

— Никого из ныне действующих по прямому профилю наших ребят я не засвечиваю. Так что совесть у меня чиста.

О том, насколько может быть чиста совесть у разведчика, говорили мы и с Олегом. Это было, когда мне вспомнилось об удивительнейшем человеке, о котором незадолго до того впервые услышал я от Иосифа Кобзона.

4. ЧУЖИЕ СРЕДИ СВОИХ

Иосиф Давыдович Кобзон торопился: надвигалась ночь, а ему ещё предстояло мчаться на своём выдавшем виды «Мерседесе» за несколько сотен километров от Одессы — к родителям, с которыми не виделся он уже месяца полтора. Ведь в Ялту, откуда я «вытаскивал» его для записи песен в одесском телефильме «Взять живым», он примчался из Москвы на два концертных дня, но и в самой-то Москве успел провести разве что пару часов — транзитом из Афганистана. А уж Афган, с концертами для солдат прямо в кузове грузовика с откинутыми бортами, в ту пору, в начале восьмидесятых, был для Кобзона, пожалуй, не менее святой Меккой, нежели родительские пенаты. И — глубокой сердечной болью. Потому что, конечно же, Кобзон знал и собственными глазами видел там куда больше того, о чём кастрированно-лакированными клише вещали дикторы телевидения и радио.

Но вот песни записаны. И за стаканом водки и булкой с куском колбасы мы сидим в маленькой комнатке съёмочной группы на четвёртом этаже киностудии.

Вдруг Иосиф Давыдович тянется к телефонной трубке:

— Господи, я же в Одессе... Чуть не забыл позвонить...

Увы, телефон упрямо выдает длинный зуммер: на другом конце провода трубку не снимают.

— На даче он, наверное... Интересно, как там у него со здоровьем — а то хандрит Лев Николаич в последнее время...

— Лев Николаич? Неужели Толстой? — пошутил администратор нашей киногруппы Боря Кильметов.

— Нет, ребята. Не Толстой. Но, поверьте, личность тоже легендарная.

И Кобзон рассказал о генерале Льве Николаевиче Горелове — одессите, которого в Одессе практически никто и не знал. Руководитель группы советских военных советников в Афганистане, он был личным другом президента Хафизуллы Амина и чуть ли не с пеной на губах доказывал на заседании политбюро ЦК КПСС, что начинать интервенцию в Афганистане — смерти подобно для Кремля. Тогда разъярённый генсек Брежнев прошамкал:

— Вот вы, генерал, и будете туда войска наши вводить!

«Просто прокремлёвского» президента Амина объявили платным агентом ЦРУ, чтобы заменить его «ещё более прокремлёвским» Бабраком Кармалем. И группа офицеров КГБ уничтожила афганца Амина, а заодно — и своих же соотечественников, разве что внедрённых в его ближайшее окружение другими советскими спецслужбами. Нашла коса на камень. Схлестнулись «сопредельные ведомства» одной и той же страны — СССР.

Сегодня этим никого не удивишь. На перделе сфер влияния и баснословных денег между большими начальниками и просто начальниками всяческих «контор глубокого бурения», как издавна звали олицетворявшую спецслужбы Лубянку, построены сюжеты многих фильмов. Да только передел этот, как принято в России, был кровавым. Гибли тысячи и десятки тысяч людей.

Генерал Горелов, для которого понятия человеческой и офицерской чести отнюдь не были пустым звуком, не мог простить этого верному андроповскому инквизито-

ру — шефу КГБ Крючкову. И не простил! Взбешённый Крючков устроил настоящую охоту на Горелова, но Лев Николаевич, как видно, родился под счастливою звездой. И уцелел.

Понятно, что тогда, на излёте брежневского застоя, говорить обо всём этом вслух было нельзя. Правда, в августе 91-го, когда Крючков оказался, наконец-то, «на своём законном месте» — в тюремной камере «Матросской Тишины», Москва стала кое-что рассекречивать. Но ненадолго. Уже в наши дни полковник-гебист Путин восстановил на фасаде Лубянки барельеф главного гебиста страны Андропова и первым возложил к нему цветы. 81-летнего зловещего генерала КГБ Крюčkова российский президент призвал к себе в советники...

А со Львом Николаевичем Гореловым — искреннее спасибо Кобзону за оставленный в 1982 году номер телефона! — через 11 лет мне посчастливилось вести сорокаминутное интервью в прямом телеэфире. Удивительного обаяния, редкостной интеллигентности и блестящего остроумия человек, он рассказывал об Афгане, о друзьях, вспоминал о головоломных (ни одному сценаристу таких не придумать!) операциях. Сетовал, что нет под рукой изданного о нём в Америке документального романа Генриха Боровика, что нет с собою копии в Америке же снятого о нём, Горелове, целого фильма. Оставил мне на память несколько фотографий своих — из Афгана. Потом, ещё много лет спустя, идеей написать книгу о генерале увлёк я давнего друга — прекрасного журналиста Сашу Левита, даже отдал ему гореловские фотографии. Но по чьей-то злой воле у Саши произошла дома трагедия, и вернулся он из командировки уже не в квартиру свою обжитую, а буквально на пепелище. Разве ж тут до тех снимков?! Надеюсь, если Лев Николаевич, и ныне здравствующий в Одессе, прочтает эти строки — он простит их автора за так и не возвращённые фотографии...

Впрочем, мы ведь говорили о Кобзоне, не так ли?

Так вот, в поздний летний вечер 82-го года на киностудии, разворошив собственную память об Афгане, Иосиф Давыдович

обмолвился: начинают основательно пошаливать нервы. И тут уже я продиктовал ему несколько телефонных номеров в Москве и Ленинграде. По ним Кобзон мог связаться с Вадимом Борисовичем В-ым, генерал-полковником и академиком, который жил в Ленинграде, а работал в Москве. У этого человека, профессионально и на самом высоком уровне связанного с космическими исследованиями, друзья — специалисты-психологи Института медико-биологических проблем Академии Наук СССР — за две-три недели не только успешно снимали самый жестокий стресс, но и вообще могли научить любого самовоспитанию олимпийского хладнокровия. И, в частности, автор этих строк успел напротекцию, как только закончится работа над картиной «Взять живым». Да ведь и познакомились-то мы с ним на этом фильме: многолетним увлечением Вадима Борисовича была... история военного костюма. И он с удовольствием принял предложение консультировать нашу киностудию как раз по этим вопросам.

Словом, памятуя о принципе «помоги ближнему» — отрекомендовал я Вадима Борисовича, с его связями в мире космических психологов-эскулапов, и Кобзону.

Не знаю, вспомнил ли знаменитый певец о переданных ему номерах, но только 7 ноября 1982 года я сам позвонил на ленинградскую квартиру Вадима Борисовича: поздравить с октябрьскими праздниками и заодно сообщить, что «созрел» для приведения в порядок собственной нервной системы.

Трубку взял его сын. Он долго расспрашивал, кто звонит, по какому поводу, а потом с трудом выдавил:

— Папы нет.

— А-а, он в Москве? — беззаботно спросил я, зная место работы отца моего собеседника. — Даже в праздники работает?

— Нет... Его вообще нет... Извините...

О том, что произошло с академиком и генерал-полковником Вадимом Борисовичем В-м, о его жуткой, на грани мистики, трагической гибели — не было ни слова в газетах и радиотелевизионном эфире. Лишь светлой памяти Дмитрий Антонович Волконов сказал мне около года спустя:

— Обещаю вам, Евгений, вы об этом узнаете. Но... к сожалению, очень скоро. У нас ведь принято считать, что во внеземные цивилизации одни сумасшедшие верят. Только вот этих «сумасшедших» почему-то не в Минздраве «лечат», а в КГБ. Тем более, когда эти «сумасшедшие» — такие, как человек, о котором вы спрашиваете...

И всё же, правду о происшедшем с Вадимом Борисовичем узнал я раньше, чем предполагал Д. А. Волконов. И на этом примере лишний раз убедился: стремясь остаться настоящим человеком, порою поневоле окажешься «чужим среди своих».

Счастье, что, после всех выпавших на его долю перипетий, выжил генерал Лев Николаевич Горелов!

Генерал же Вадим Борисович В-в за то, что не поступился честью и порядочностью, расплатился жизнью. Его Лубянка сумела «достать», и достать, что называется, по полной программе.

А правду об этом знал Олег...

5. ОБЕСЦЕНЕННЫЕ ЗВЁЗДЫ

Академик Вадим Борисович В-в любил цитировать гениальный афоризм Пифагора, повторенный впоследствии Леонардо да Винчи: в каждой науке столько науки, и в каждой истине столько истины, сколько в них математики. И, располагая информацией, которая с сугубо математической неопровержимостью доказывала возможность существования более высокой цивилизации, нежели наша, — он и обсуждал её открыто. Тут-то и возникала проблема: кремлёвско-лубянская идеология категорически утверждала, что более высокой ступени человеческого развития, нежели советская, нет и быть не может — по определению: не может быть такого никогда, и точка. Помните же: «Россия — родина слонов», а «учение Маркса всесильно, потому что оно верно». (И даже... «Советская журналистика является самой передовой в мире потому, что она прогрессивна!» — именно так, уже не случайной тавтологией, а убийственным анекдотом звучала первая фраза в учебнике по профилирующей дис-

циплине на журфаке МГУ, где учился автор этих строк).

Вадима Борисовича пытались «наставить на путь истинный». С ним «беседовали», ему «разъясняли». А он — «не понимал». Да ещё, ко всему прочему, «интернациональную помощь» Афганистану вслух издевательски, но справедливо называл «интервенционной».

Академику предстояла зарубежная командировка с выступлением на международной конференции. А пресловутые *искусствоведы в штатском* «попросили» его сообщить о том, что он, во-первых, чересчур занят текущей работой, а во-вторых — плохо себя чувствует. Он отказался. Ему впрямую напомнили, что он — генерал-полковник, то-есть человек военный, а значит — обязан подчиняться приказу. И Вадим Борисович в тот же день передал организаторам зарубежного форума... подтверждение своего прибытия и участия.

Главному разведуправлению поставили задачу «обеспечить решение вопроса». Но что-то, как говаривал Штирлиц, то ли не сложилось, то ли не состыковалось. Уверенности в успешном результате спецоперации у её инициаторов не было. И в дело вступили люди из КГБ.

Вадим Борисович в очередной раз собирался из ленинградской квартиры в московский кабинет, но чуть ли не впервые в жизни... опоздал на поезд. И вернулся домой. А поезд Москва-Ленинград, знаменитая «Красная стрела», попал в аварию. Без академика. Конечно же, авария была «случайной». Мол, с кем не бывает?! Собственно, ни раньше, ни позже именно с «Красной стрелой» ничего подобного и не было. Так, быть может, подлинной случайностью стало как раз непредвиденное отсутствие академика В-ва в числе её пассажиров?

На следующий день он приехал на вокзал вовремя. И поезд ушёл точно по расписанию. И прибыл в Москву минута-минуту. На Комсомольской площади Вадим Борисович сел в зелёную «Волгу» и поехал на работу. Через несколько кварталов из-за угла выскочил тяжёлый грузовик, бешеным ударом смял «Волгу», мгновенно убив её водителя и пассажира — и исчез.

Разумеется, ни грузовика, ни его шофёра «случайно» так и не нашли, И даже номер грузовика остался неизвестен. Тоже, понятное дело, «случайно».

В течение сорока восьми часов с момента этого происшествия от «случайного» инфаркта скончался один титулованный специалист КГБ «по особым вопросам», и тут же «случайно» отказавшие тормоза в личных «Жигулях» привели к летальному исходу его подчинённого. Ещё один их коллега «случайно» исчез из Москвы, потом объявился за границей и быстро получил там политическое убежище. Лубянка и Кремль потребовали выдачи *предателя*, потом его даже заочно судили и приговорили к высшей мере. Зато он остался жив.

А через десять дней, что называется, «своим ходом» и вполне естественным путём отправился в мир иной лично «дорогой товарищ Леонид Ильич Брежнев». И тут было уже не до обстоятельств «случайной» гибели академика В-ва.

Опыт подобных операций в КГБ набатывался годами и апробировался на величайшем артисте и режиссёре Соломоне Михоэлсе, на любимом земляками белорусском партийном лидере Петре Машерове... Недаром, знать, приснопамятный специалист по разработке и осуществлению такого рода «мероприятий» Павел Судоплатов дослужился на Лубянке аж до генеральских погон.

Или это — тоже случайное совпадение?

В самом деле: множество случайностей бывало и в кинематографической жизни, и зачастую именно эти случайности оказывались буквально вещими; иногда в их результате даже рождались шедевры — такие, к примеру, как экранная походка профессора Плейшнера в «17 мгновениях весны».

Но Плейшнера придумал Юлиан Семенов, а любимцем миллионов сделал его приглашённый Татьяной Лиозновой феноменальный Евгений Евстигнеев.

Олег — это реальность.

Так вот. Олег, помнится, не раз подчёркивал: как «в разных ведомствах» служат он и начальник одесского ГАИ — точно так же в разных ведомствах служат опять-таки он — и «борцы против диссидентов».

— Олег, а ты имел отношение к подобным вещам?

— Нет. Никогда.

— Но ты знал о них?

— А что ты хочешь услышать?!

Афганская война ушла в прошлое, и, слава Богу, ни в Афган, ни в Чечню никто уже не погонит сегодня наших 18-20-летних соотечественников. Для моих внуков события в телесериале «Сармат», ставшем случайной отправной точкой для этой публикации, такое же преданье старины глубокой, как для их деда — история Куликовской битвы.

Вадим в фильме «Сармат» выбрасывает на дно морское свою Звезду Героя.

За очень много лет до премьеры «Сармата» Олег рассказывал мне о совершенно реальном человеке, который поступил подобным образом.

Так что же, вконец обесценены награды?

Когда-то молодежь тогдашняя дружно потешалась над присвоением звания Героя Советского Союза египтянину Гамалю Абдель Насеру и алжирцу Ахмеду Бен Белле. Настоящие герои войны возмущались, многие не скрывали слёз — от бессилия повлиять на такое беспредельное кощунство.

На государственном мемориальном погосте в Москве венок от имени Президента России возлагают к надгробию Рамора Меркадера, получившего Золотую Звезду за то, что ударом ледоруба по голове он зверски убил жившего в Мексике почти беспомощного старика Льва Троцкого.

Впрочем, и о Меркадере тоже было кино, и не одно даже.

Обесценены не только награды. Слово «резидент» для нынешних молодых означает исключительно бизнесмена, рабо-

тающего в своей стране, или хохмача из комедийной телепередачи.

Может быть, я ошибаюсь, и поразительное совпадение московского сценария 15-летней давности с «Сарматом» — всего лишь ещё одно свидетельство повсеместного клиширования киносюжетов?

Правду ли рассказывал мне Олег, да и с чего бы это ему так неожиданно-негаданно «раскрываться» и «самозасвечиваться»?

Я не знаю, где находится Олег сегодня. Мы с ним не виделись уже много лет. Но, учитывая возраст его, опыт и реноме, весьма вероятно, что он и нынче «действует по прямому профилю». Отсюда, конечно же, фрагментарность и заметная незаконченность каждого из эпизодов, имеющих отношение к нему (и не только к нему!) и описанных мною. И вопросы, оставленные без ответов.

Я не стану ничего утверждать. Возможны и совпадения. Даже такие.

Только вот телесериалов как не любил, так и не люблю. Уж извините, имею право и на такое мнение, не правда ли?

И — самое последнее.

Сию секунду, поздним вечером в самом конце октября 2005 года, когда пишутся эти строки, с экрана телевизора доносится реклама.словно чревоушатель своим полузагробным голосом — глаголет:

— Их настоящих имён не знает никто. Но они действуют для того, чтобы победить...

Стрельба, кровь, голые девочки. Одним словом, новый сериал.

А потом — реклама дезодоранта, которым, надо понимать, пользуются его герои, когда между выстрелами ублажают голых девочек.

Октябрь 2005 г.

ЮРИЙ РАБОТИН

(г. Одесса, Украина)

Работин Юрий Анатольевич родился 10 августа 1956 года на Херсонщине. Беспартийный, украинец, образование — высшее, окончил Одесский инженерно-строительный институт.

Жизненное кредо: «ВСЁ ради Отчизны, ВСЁ для Отчизны» — возрождение духовных традиций славянского украинского народа!

Председатель правления Одесской региональной организации Национального союза журналистов Украины, заслуженный журналист Украины. Награжден почетными грамотами Верховной Рады и Кабинета министров Украины.

Юрий Работин стоял у истоков создания и возглавил в 2005 году Причерноморскую академию языковых технологий и коммуникаций этносов. За огромный вклад в возрождение духовности славянского единства Украины решением ученого совета Международного славянского университета Юрий Работин стал лауреатом международной награды «Славянская честь», а также ему было присвоено почетное звание «Профессор управления и бизнеса» Международного славянского университета.

Совместно с центром украинской культуры «Червона калина» Юрий Анатольевич проводит ежегодную благотворительную гуманитарную акцию «Подари детям-украинцам Приднестровья и Молдовы книжку».

Награжден медалью «60 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», медалью «За мужество в охране Государственной границы Украины», медалью «За преданную службу в Приграничных войсках Украины», нагрудным знаком III степени «За заслуги в развитии информационной сферы», орденом «Золотой крест», нагрудным знаком «Лидер Украины».

АФОРИЗМЫ

- Скорость увеличивать можно, но жизнь укорачивать нельзя...
- Мы — в полете, вы — в полете...
- Когда зрительный зал пуст, значит, твое время еще не пришло.
- Не всегда купленное можно продать, но всегда продажное можно купить...
- Не надо мечтать о том, чего не будет, и идти туда, куда дороги нет...
- Я снимаюсь быстро... А расслабляюсь медленно...
- Не надо отвергать то, что было, что потеряли и кого нашли...
- Лучше иметь одну, чем всех и сразу...
- Дожились мы, однако... Не все так просто, как вчера...
- Меня узнают в лицо, хотя плюют в спину...
- С пользой для дела, но в выигрыше для нас...
- Горит свет, а тает свеча...
- Летая во сне, ловил на лету.
- Яблоко з'ївши, Ньютоном не став.
- Кого мы имеем в виду, те нас уже поймали...
- Ты получил много денег или достаточно? Достаточно не бывает много...
- Цвет поменял — ориентацию оставил...

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Падал снег, кружился, белый.
Тихо вечер наступал...
Я сидел у колыбели
И тебя качал.
Все казалось здесь знакомым:
Тут — кушетка, там — кровать,
Над которой мама пела —
Нас учила понимать.
Понимать, что жизнь прекрасна,
Что отец придет живой,
Что однажды ранним утром
Мы пойдем по мостовой.
Погуляем по бульвару,
Может быть, в кино пойдем,
Но немного, только вечер
Мы лишь вместе проведем.
А потом — войны дороги,
Ожиданье без конца...
Материнские тревоги,
Похоронка на отца.
Слезы мамы, боль утраты,
Рано поседевший брат...
Площадь Пушкина у дома,
Где разрушен медсанбат.
Все живет, мы помним это.
Память наша ведь сильна.
Только, жаль, отцов-то нету —
Погубила их война.
Годы мчат. Взрослеют внуки,
Честь героям отдают:
Тем, кто пал, кто вынес муки, —
Их бессмертными зовут.
День Победы, залп салюта,
Красной площади парад.

Очень жаль, в строю том нету
Тех, кто пал за Сталинград,
За Москву, за Курск, за Ровно,
За Украину мою,
за Прибалтику, Полесье,
За чужую сторону...
Все герои вечно с нами —
На работе, в бытие,
В стареньком альбоме мамы,
В камне скорби на гробе,
Где отряд отца сражался,
Защищая пядь земли,
И фашистам не сдавался
До конца,
С командой «Пли!..»
Он погиб; все там погибли,
Но одно не ведал враг,
Что на место папы станут
Добровольцев сотни в ряд.
Станут так, что враг качнется,
Станут дружно на борьбу,
Чтобы сделать то, что нужно, —
Обуздать войну...
Много жизней, много судеб
В неизвестном бытие.
И пропавших, и погибших
В этой мировой войне.
Мы проходим, шаг чеканя, —
Я и сын-малыш идет.
И покуда будем живы,
Память наша не умрет!
Не умрет — живет в народах.
будет жить в любом краю.
Вечна память, слава вечна
Тем, кто пал за Родину свою!

10.10.1983 — 28.01.1984, Одесса

ЮРИЙ БУНЧИК

Мне для счастья надо так мало,
Чтобы солнечным был летний день,
Чтобы музыка где-то играла,
Чтоб цвела, опьяняя, сирень.

Юрий Бунчик — поэт редкой искренности, чистоты интонации и чувств. Одну из своих четырех поэтических книжек он назвал очень точно: «Я пишу, как дышу». Любовь, сострадание, размышления, желание творить добро и быть понятым — все это в стихах и жизни совпало. Не зря его любимый поэт — Марина Цветаева. Ему посчастливилось быть в трогательной переписке с Анастасией Цветаевой, которая была благодарна Юре за стихи, посвященные ее великой сестре. И она молилась за Юру и благословила его.

Юрий Бунчик пишет на двух языках — русском и английском. В русской литературе подобным отличались Набоков и Бродский. Автор выпустил три сборника.

«... весь он производил устойчивое впечатление потерявшегося в незнакомой толпе ребенка. Собственно, таким он и был и никогда другим не стал. Не сумел стать...». (Ирма Улицкая. «Повесть без названия...»).

Но была в его отрешённости
Голубиная кротость и чуткость

Вероника Коваль, Одесса, апрель 2008.

Марине Цветаевой

Ой, не плачьте вы, зеленые луга,
Ой, не плачь, Елабуга, Елабуга.
Не Цветаева там на петле висит,
Не в ее груди все стонет и болит.
Обожглась она о черствость мертвых душ,
Не вернется из застенка ее муж,
Рано, рано отлетели дочь и сын,
Не узнала... Только горечь и полынь.
А писала так светло-светло-светло,
Что, казалось, в небе солнышко взошло,
А страдала так горько-горько-горько,
Не хватало ей на хлеб, на молоко.
Боже праведный, о дай же свой ответ
Той, которая ушла во цвете лет...
Ой, не плачь, не плачь, Россия, ты не плачь.
Пусть несется кобылица Блока вскачь!
Ой, не плачьте вы, зеленые луга,
Ой, не плачь, Елабуга, Елабуга.

***

Добро свое ль, чужое ль, Божье —
Поэт не может это знать.
Поэты умирают тоже,
Неся невинности печать.

Не жалуясь, не проклиная,
Уходят молча в черный час.
Уходят, всех благословляя,
И просят лишь любви у нас.

***

Зеленая жемчужина —
В глазах — величье зиждется,
Цветаева — труженица,
Цветаева — подвижница!
На столе ее: папки, рукописи,
Лампа, ручка, карандашница,
После работы — виснут руки,
Юбка — донашивается.
Но она не думает
О сущном — насущном хлебе,
Думами она далеко,
Душою сейчас — на небе,
Что ей до глумления?
Что ей до опалы?..
Если на небе — пение?
Если ей неба — мало?..

***

Она осталась в той стране,
Где царствуют Высочества,
Где можно полететь во сне
В любовь и одиночество.

И в той стране есть, верно, мед,
Что с молоком струится,
И каждый в ту страну придет,
Где счастье вечно длится.

Ей там, наверное, легко.
Ей там легко так дышится,
И жить, наверное, хорошо,
И хорошо ей пишется.

И мы, в стране той побывав,
Невольно станем мудрыми,
Там каждый совестлив и прав
С ее стихами чудными.

Літературно-художнє видання

ЗОЛОТА НІКА

ПЕРІОДИЧНИЙ ЛІТЕРАТУРНО-ХУДОЖНІЙ
ТА ПУБЛІЦИСТИЧНИЙ АЛЬМАНАХ

№ 2

Головний редактор **Рита Колобова**

Відповідальний редактор **Ольга Лєсовікова**

Корректор
Наталія Потеряйко

Підписано до друку 15.06.2011. Формат 60×84/8. Папір офсетний. Гарнітура «Мысль».
Друк офсетний. Ум. друк. арк. 15,35. Тираж 100 прим. Вид. № 80. Зам. № 149.

Видавництво і друкарня «Астропринт». 65091, м. Одеса, вул. Разумовська, 21
Тел.: (0482) 37-07-95, 37-14-25, 33-07-17. www.astroprint.odessa.ua
Свідоцтво суб'єкта видавничої справи ДК № 1373 від 28.05.2003 р.
